Слово редактора

Дорогие читатели!

В этом номере значительное место занимают материалы, посвящённые событиям весны 2015 года: конференции в Доме архитекторов о стратегии развития Петербурга, форуму A.city, выставке «Архитектура Петербурга – 2015», а также конференции «Традиция и контртрадиция в архитектуре Новейшего времени». Влияние кризиса очевидно. Архитекторы стали уделять больше внимания стратегическим и теоретическим вопросам профессии: путям развития города, совершенствованию законодательства, координации деятельности с другими специалистами. Обсуждения и работа круглых столов и секций не прошла безрезультатно. Союз архитекторов решил создать экспертную группу «ЭКОС» для рассмотрения важных для Петербурга градостроительных проектов и предложений.

По результатам круглого стола в рамках форума A.city «Город и храм» (организатор – журнал «Капитель») Союз архитекторов создал специальную секцию по церковной архитектуре, призванную, в частности, содействовать интеграции храмов в структуру города. Это событие, а также сама важность и актуальность темы побудила нас к созданию новой рубрики «Храмостроительство».

Редакция считает важным донести основную тему номера: архитектор должен быть координатором всех усилий по созданию целостного городского окружения.

Редакция

Содержание

	События	82	Морской фасад Санкт-Петербурга:
2	«Архитектура Петербурга – 2015».		недавняя история
	В целом		Даниил Овчаренко
	Анна Катханова		
4	«Архитектура Петербурга – 2015».		ДОМ
	Подробности	88	Красота за забором
	Ирина Бембель		Ирина Бембель
10	О стратегии развития города		
	Елена Гуляева		предместье
14	Полицентризм – перспектива развития	92	Дома для людей. О посёлке
	Санкт-Петербурга		«Петровская мельница»
	Фёдор Перов		Ирина Бембель
18	Конкурс на безбарьерную среду		
	Олег Фёдоров, Людмила Калошина		мастерская
24	Студенческая выставка дизайна	100	Архтандем. Пять лет. Избранное
	в Петербурге		Аркадий Иванов
	Мария Зимина	106	«Архстудия». Наши премьеры
			Геннадий Соколов
	город		
26	Интервью с Гербертом Жирарде		человек
	Анна Катханова	112	Всё зависит от таланта и воли.
30	Полицентризм и миссия промышленного		Интервью с Ф.О. Туркиным
	пояса Петербурга		Анна Катханова
	Михаил Кондиайн		
36	Город и река		МИР
	Анна Катханова	118	Энрик Массип-Бош. Интервью
42	Назаров		в Барселоне
	Павел Никонов		Анна Катханова
		124	Полицентризм по-фински
	храмостроительство		Анна Катханова
44	Интервью с архимандритом Алексан-	128	Вода для Нью-Йорка
	дром (Фёдоровым)		Александр Беренс
	Геннадий Соколов	138	Тбилиси в постройках династии
48	О дорогах, ведущих к храму		Курдиани
	Павел Никонов		Ирина Бембель
52	Блуждающие огни в беспросветной ночи	146	Антропософия и архитектура
	Чиро Ломонте		Леонид Нейфах
	теория и практика		НОВЫЕ КНИГИ
60	MONUMENTALITÁ & MODERNITÁ –2015.	152	Непринятые смыслы
	Ирина Бембель		Ирина Бембель
68	Сантехническая архитектура	154	Петербург как явление

Павел Чарушин

Ирина Бембель

156 Сказки братьев Гофманов

взгляд

Леонид Лавров

истоки

Ольга Бембель-Дедок

К юбилею Академии художеств

Интервью журнала «Капитель» с Гербертом Жирарде

Беседовала Анна Катханова

Герберт Жирарде (Herbert Girardet, Великобритания) приезжал в Санкт-Петербург по проекту «Социальные науки и практика для устойчивого развития», который проводит Институт стратегии устойчивого развития при поддержке Фонда Фридриха Эберта с 2014 года. В рамках проекта он провёл открытую лекцию «Урбанизированный мир – триумф или трагедия?», участвовал в круглом столе, который организовали Институт стратегии устойчивого развития, Европейский университет и Институт дизайна и урбанистики Университета ИТМО, тоже при поддержке Фонда Фридриха Эберта.

Также г-н Жирарде выступил в пленарной дискуссии на тему «Городской метаболизм. Пересборка отношений» на форуме пространственного развития «Гармония многогранности», прошедшем 22-24 мая 2015 года при поддержке правительства Санкт-Петербурга и Совета ректоров вузов Санкт-Петербурга.

Известный во всём мире социолог-антрополог, член Римского клуба, почётный член Всемирного совета, автор многочисленных книг, фильмов, исследований по устойчивому развитию городов, основанному на идее приоритета здоровья людей, дал интервью журналу «Капитель».

Уважаемый господин Жирарде, я очень рада возможности задать вам, автору концепции превращения города из потребителя и основного источника загрязнения окружающей среды в союзника человека и природы, актуальный для Санкт-Петербурга вопрос: в чём заключается основная идея устойчивого развития Санкт-Петербурга?

Я недостаточно хорошо знаю ваш город, но постараюсь ответить.

Итак, первый вопрос – какова отправная идея для возможности устойчивого развития Санкт-Петербурга.

То, как сейчас функционирует город, является едва ли не полной противоположностью идее устойчивого развития, поэтому найти исходную точку перехода к иной практике достаточно трудно.

Почему так?

Потому что город всецело зависит от ископаемого топлива. Этот источник энергии является ключевым элементом его жизнедеятельности. Безусловно, так не было во время основания и первого этапа строительства Санкт-Петербурга, поскольку город был построен до промышленной революции тяжёлым физическим трудом людей, с незначительной долей энергии топлива. Вода явилась основой жизни города, по рекам осуществлялось внутреннее сообщение, а через новый порт на Балтийском море Россия получила связь с остальным миром. Говоря в терминах использования энергии, у Санкт-Петербурга своя собственная история устойчивости. Трудно в какой -то момент просто сказать: «ОК, сейчас мы переведём часы и совсем забудем, что такое нефть, газ, каменный уголь». Конечно, представления и ценностные ориентиры людей сейчас и двести лет назад существенно отличаются. Важно и то, что исторически Санкт-Петербург явился результатом феодализма и абсолютной власти императора. Традиции управления развитием города нельзя считать демократическими, хотя они и отразились в невероятном количестве ансамблей и великолепных зданий, привлекающих людей со всего мира. Все дворцы, соборы, церкви прекрасны, если ими только любоваться, но с другой стороны, они также напоминают нам о времени величайшего неравенства между людьми.

Создание устойчивого Санкт-Петербурга потребует коренных изменений в политике, экономике, так же как и в инженерных решениях и технологиях. Это потребует активного общественного участия и политической воли. Возможно противостояние этому со стороны олигархии и богатых людей, которых меньшинство, но они доминируют в экономике и на политической сцене в России и в

Санкт-Петербурге. Другой важный момент — это то, что экономика города сильно ориентирована на туризм, как внутренний, так и зарубежный.

Кроме услуг в сфере туризма, много людей занято в машиностроении, особенно в производстве автомобилей.

Тема автомобилей в городе демонстрирует тяжёлую степень зависимости города от этого самого «неустойчивого» транспорта: такой удивительно плотный поток машин!

Один из студентов здесь, в Санкт-Петербурге, показал предложение по использованию рек и каналов как основы для транспортного сообщения. Довольно трудно будет это реализовать, учитывая, что люди в основном предпочитают передвигаться по городу на автомобилях.

Но если вы посмотрите на страны Балтийского моря, в таких городах, как Копенгаген, Хельсинки, Стокгольм и Осло, есть очень хорошие примеры городских перемен. Там сделаны существенные шаги в направлении уменьшения опоры на автомобиль, освобождения от ископаемых источников энергии и противодействия изменению климата.

Особенно показателен пример Копенгагена — города с населением более трёх миллионов. За последние тридцать лет они существенно изменили картину городской жизни: увеличили возможности для пешеходов и велосипедистов, изменили работу общественного транспорта, безопасно перерабатывают и используют отходы, растёт доля потребления возобновляемой энергии, и так далее. Потребовалось существенно изменить методы управления, применить разнообразные меры, привлечь общественность. Произошли изменения в политике правительства, как на национальном, так и на местном уровне, в сфере экономики, управления, энергетики и градостроительного планирования.

В процессе трансформации участвуют национальные и муниципальные политические и общественные организации, университеты, специалисты по городскому планированию и, конечно, бизнес. Все они должны работать вместе. Я думаю, блестящая идея для Санкт-Петербурга – провести большую конференцию по вопросам сотрудничества для достижения устойчивого развития, с широким представительством всех заинтересованных сторон.

Существует огромное количество примеров в европейских странах и городах, где эффективные изменения в городском развитии уже произошли, и надо обсудить, как это можно использовать в Санкт-Петербурге.

Достаточно трудно здесь применить опыт других стран. У нас особенная практика городского планирования, архитектурного проектирования и земельных отношений, тесно связанная с нашей историей и действительностью.

Согласен. Тем более важно для начала процесса изменений постараться дать определение проблеме и развить новый взгляд на её решение. Политики или предприниматели могут быть очень довольны существующим положением и поэтому не захотят никаких перемен. Если это так и основная часть общества безмолвствует относительно качества жизни в городе и существующих порядков, то трудно инициировать перемены. Но если в городском сообществе выражается озабоченность, высказывается общее мнение о необходимости значительных изменений, то, возможно, что-то произойдёт. Например, на прошедшем форуме обсуждалась проблема загрязнения Балтийского моря, которая затрагивала всех, как Санкт-Петербург, так и другие страны балтийского региона. В результате совместных усилий, используя шведские технологии, было достигнуто улучшение. Это только один пример того, как можно улучшить положение.

Давление на природу возрастает из-за строительства новых многоэтажных жилых районов на границе города и области. Как этого можно избежать?

С одной стороны, это вопрос территориального расползания города с захватом окружающих его пригородов. С другой – это вопрос использования ресурсов. Многоэтажные жилые комплексы не органичны, не естественны в условиях окружающей природной среды и не могут принести пользы. Вопросы роста города и использование ресурсов, в первую очередь земли, должны рассматриваться вместе, поскольку они тесно связаны.

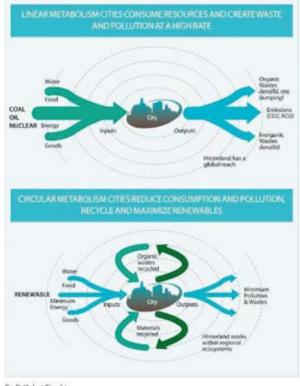
Я полагаю очень важным обсуждение вопросов снабжения города продуктами питания, едой. Мне говорили, что раньше в ближайших пригородах было много фермерских хозяйств и сельхозрынков, которые снабжали горожан овощами и продуктами. Так сейчас происходит в Китае, во Вьетнаме, на Кубе, даже в США. Развитие местного рынка продуктов актуально и более устойчиво, потому что местная продукция безопасна, люди находят на производстве продуктов работу, и наконец, это сокращает расстояние от питания до потребителя.

В настоящее время Санкт-Петербург получает много еды из Европы – из Сербии и других стран.

Может возникнуть конкуренция между строительными компаниями и производителями продуктов питания за использование земли в пригороде. Так может быть,

На верхней картинке показана линейная модель потребления и работы города, основанная на энергии ископаемого топлива: каменного угля, нефти, ядерной энергии. Результатом являются органические и неорганические отходы, накапливающиеся в почве, воде, в атмосфере. Пригороды превращаютсь в помойку, обслуживая потребности города

На нижней картинке показан процесс обмена веществ в городе, работающем без ископаемых источников энергии. Замкнутые циклы превращения возобновляемой энергии: воды, продуктов питания, энергии ветра, солнца, материалов, замкнутые циклы переработки отходов и вторичного использования материалов на основе новых технопогий минимизируют выбросы и загрязнения окружающей среды. Пригороды являются частью единой региональной экосистемы

Credit Herbert Girardet.

исходя из важности производства местных продуктов, надо поддержать их производство и вернуть на рынок местную продукцию?

Возвращаясь к теме устойчивого развития Санкт-Петербурга – это очень многофакторный, разнообразный процесс, включающий большое количество сфер деятельности. Возможно, надо собрать по всему миру примеры опыта городов, осуществивших изменения в сторону устойчивого развития, чтобы создать новый климат и атмосферу понимания того, насколько это важно для общества. Загрязнение воздуха, воды и почвы – действительно очень значимые проблемы, которыми надо заниматься не формально, а для достижения улучшений. Всё больше и больше людей обращаются в больницы с болезнями лёгких, с желудочными проблемами. Учёт мнений людей, которые тяжело пострадали из-за ухудшения качества жизни, может оказать влияние на принятие городом решений в правильном направлении.

Таким образом, дело не столько в новом генеральном плане, сколько в новых целях развития городского сообщества?

Да, именно, но это совсем не простая задача. Люди в

Санкт-Петербурге живут сейчас лучше, чем двадцать лет тому назад, и многие спросят: «А зачем я должен брать в голову какое-то устойчивое развитие? Мне и так неплохо». Нефть и газ из России поставляются в Европу и обеспечивают стране значительную экономическую выгоду. В самой России местное загрязнение воздуха и изменение климата в незначительной степени волнует политиков. Строительство общества, основанного на принципах устойчивого развития, — это вдохновляющий, но тяжёлый вызов.

Вы, может быть, знаете, что в этом году в Алтайском крае, в Хакассии, в Сибири случились лесные пожары. Сгорели жилые дома, многие люди остались без крова. Писатель А.П. Чехов описывал своё путешествие по Сибирскому тракту на остров Сахалин, и он писал, что никакие пожары не страшны огромной силе сибирской тайги. А сейчас ситуация драматично изменилась, и лет горит сотнями гектаров.

Я был в Сибири и видел там лесозаготовки и срубленные деревья, отправляемые на экспорт в Китай.

У бизнеса свои цели.

Мне рассказывали об изменении климата в России. Некоторые области страны выиграли от потепления климата, так как оно способствует сельскому хозяйству. Но в Сибири оттаивание вечной мерзлоты влияет на жизнь миллионов людей, и это также связано с потерей лесов. Лес всецело защищает почву и вечную мерзлоту. Если леса вырубаются в большом количестве, почва под ними становится поражённой. Эта проблема напрямую не касается Санкт-Петербурга, но очень важна и значима.

Здесь другой аспект важности почвы: в Санкт-Петербурге очень сложные гидрогеологические условия для строительства.

Мы должны признать, что города — это очень искусственные места. Природа, возможно, недолюбливает города из-за их постоянно возрастающего спроса на природные ресурсы. Современное отношение людей к природе очень высокомерное, кичливое, заносчивое. Они думают, что природа всё им даст независимо от того, что люди ей причинили.

Но в конце концов природа вернёт себе своё с определёнными штрафами за причинённый людьми ущерб.

Да, мы, архитекторы, должны быть в диалоге с природой.

Безусловно. Экологическая архитектура в Германии, в Голландии, в Швеции быстро прогрессирует. В балтийском регионе содержится огромный потенциал для развития экологической архитектуры в Санкт-Петербурге в самом широком смысле: эффективность управления энерго-

ресурсами, использование возобновляемой энергии, современные технологии использования воды, в том числе дождевой, зелёных крыш и т. д.

Новые архитектурные школы возникают повсюду в мире, и я ещё раз возвращаюсь к тому, как было бы хорошо организовать конференцию для обсуждения всех этих вопросов по отношению к Санкт-Петербургу. И стоит взять за принцип организации этой встречи их лучшие проекты, осуществлённые на основе лучших политик. Между этими двумя понятиями – проект и политика – есть существенная разница: лучшие проекты – это примеры изменений в архитектуре, городском дизайне, тогда как лучшие примеры городской политики – это о том, каким образом эти изменения стали возможны. Это важно не только для чиновников и исследователей, занятых вопросами охраны среды, но и для застройщиков, предпринимателей, политиков и государственных служащих. Подобная конференция может стать началом нового сюжета развития города для всех его участников.

Очень интересно, я поддерживаю эту идею.

Так может быть, наш друг Ирина (И. Шмелёва. – А. К.) с вашим участием и другие сделают это событие реальным. Мне это очень интересно ещё и потому, что я читаю курс «Архитектурная экология» для студентовархитекторов. Они уверены, что только их талант и художественные способности смогут изменить мир к лучшему (возможно, как считает и большинство взрослых архитекторов). И только это позволит нам получить город хорошего качества.

Сложность заключается в том, что архитекторы работают в определённых рамках, с определённым заказчиком и в соответствии с бюджетом проекта. У них отсутствует мотивация обращать внимание на то, что находится за этими рамками.

Так и создаётся современный город как сумма отдельных проектов, созданных в рамках отдельных заказов. В Санкт-Петербурге недостаточно деятельности по планированию для объединения разобщённых участков в единую городскую среду. Надо думать о преодолении этой разобщённости в будущем, так же как и об улучшении координации между отдельными участниками городского планирования, комитетами правительства, застройщиками, архитекторами, жителями.

Эта проблема существует везде. В Лондоне, например, много людей, которые хотят перестроить, улучшить свои дома, и их не беспокоит, как это повлияет на окружающих.

Разве нет контроля со стороны муниципалитета?

И да, и нет. Я думаю, что прежде всего функцию защиты от разрастания застройки выполняет зелёный пояс вокруг Лондона, но это совсем не означает, что Лондон относится к устойчивым городам. Лондон реально до сих пор также очень неустойчивый город.

Мне понравилось в Лондоне то, как сочетаются история и современное строительство.

Исторически так сложилось, что Лондон является пионером неустойчивого развития.

Разве? Для нас он просто пионер во всём, что касается архитектуры и градостроительства.

Действительно, есть очень интересные примеры новой архитектуры. Но в сфере устойчивости Лондон ведёт себя очень алчно, потребляя ресурсы всего мира: нефть и газ Среднего Востока и России, уголь из Австралии, зерно США, мясо Новой Зеландии, овощи Кении, розы Колумбии, лес Амазонки или Сибири, и никаких мыслей о последствиях. Мы должны понимать, что все эти поступки, которые люди совершили против природы, вернутся к нам бумерангом.

Новый подход к устойчивому планированию нуждается в объединении многих видов деятельности: архитектуры и инженерии, устойчивого транспорта, здоровой энергии и продуктов питания, безопасной переработки отходов и планирования использования земли.

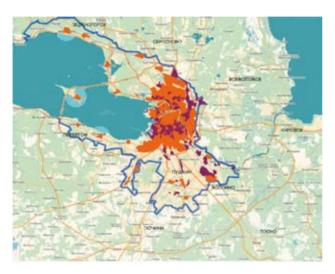
Санкт-Петербург сегодня имеет огромные перспективы собрать это всё воедино, используя лучшее из мирового опыта, и заявить себя на карте мира не только как самый прекрасный город, но также как реально устойчивый город. Города балтийского региона уже установили модель устойчивости как пример для остального мира. Сможет Санкт-Петербург стать вровень с ними или даже превзойти их выдающиеся достижения?

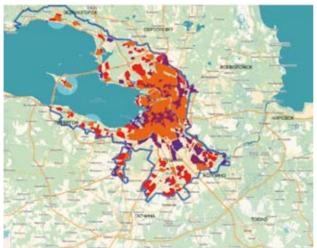
Редакция журнала «Капитель» благодарит директора Института стратегий устойчивого развития Ирину Шмелёву за помощь в проведении интервью

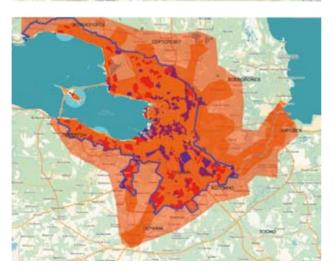
Полицентризм и миссия промышленного пояса Петербурга

Текст: Михаил Кондиайн

Деятельность по планированию и архитектурному проектированию представляетсобой две неразрывно связанные сферы профессиональной деятельности по формированию городской среды. Осознавая это. в последнее время всё большее число архитекторов предлагает своё понимание формирования целостной системы городских пространств.

В последнее время мы часто задумываемся: каким должен стать Петербург, как сохранить то, что мы ценим и любим в нашем городе?

Как и тысячи других исторических городов, Петербург строился моноцентрическим, и до недавнего времени эта модель как-то справлялась со своими задачами, но город растёт... В ближайшее десятилетие планируется построить десятки миллионов квадратных метров жилья на новых участках, и это только в границах самого города.

Если учесть тенденции строительства за КАД на территории Ленобласти, где как грибы вырастают 25-30-этажные кварталы, легко сделать прогноз, что через 30-40 лет мегаполис охватит огромные территории, включая ближайшие города-спутники, дачные и коттеджные посёлки, сельскохозяйственные территории, зоны отдыха и т. д. Причём строятся чисто спальные районы в расчёте на паразитическую эксплуатацию инфраструктуры центральной части города, которая и сейчас уже перегружена.

Почему это происходит?

В годы советской власти началась массовая миграция сельского населения в города. Тогда опустели деревни. Сейчас Москва и Петербург – наиболее привлекательные центры, где оседают приезжие со всей России в поисках работы и лучшей жизни.

События развиваются стремительно, и очень скоро можно пройти точку невозврата. Если не выбрать правильное направление и не обеспечить его реализацию, наши внуки будут жить в мире, похожем на антиутопии из научно-фантастических фильмов.

Альтернативой может стать полицентризм.

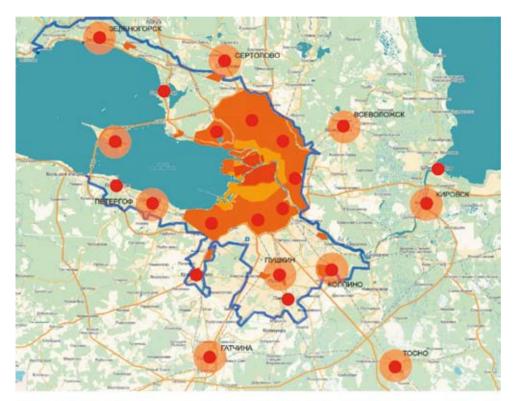
Полицентризм

Это, мягко говоря, далеко не новое понятие. Строение материи от элементарных частиц до звёздных систем основано на принципах полицентризма.

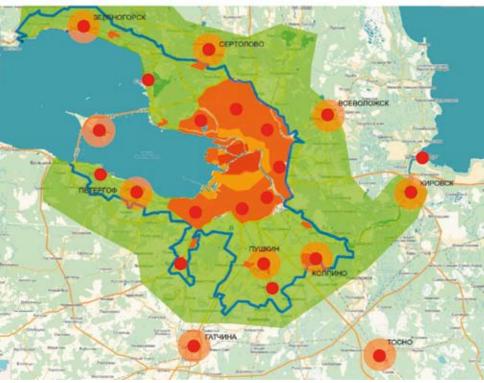
В градостроительстве развитые страны уже достаточно давно начали пробовать различные полицентрические модели и накопили большой опыт, в том числе отрицательный.

У нас в последнее время тоже стали активно обсуждать эту тему, но, скорее всего, в чистом виде применить западный опыт не удастся. Придётся адаптировать его с учётом особенностей нашего климата, экономики, ментальности... Кроме того, все мы по-разному представляем себе, что значит полицентризм даже для нашей Петербургской агломерации.

Мне кажется, что главная цель – это создание усло-

Полицентрическая модель предполагает радикальное изменение в политике развития центров агломерации и спальных районов, где их жители могли бы удовлетворить все ежедневные потребности, включая трудоустройство. В то же время, разгруженная от маятниковой миграции, транспортная система должна обеспечивать возможность быстро доехать до исторического центра с уникальными объектами эпизодического спроса – театрами, музеями, концертными залами...

Назрела необходимость остановить обрастание Петербурга новыми многоэтажными жилыми районами со стороны области. Для этого нужна защитная зелёная зона шириной 10-15 километров с жёсткими правилами строительства только малоэтажных объектов здравоохранения, отдыха и спорта

вий для превращения городов-спутников и крупных поселений в полноценные, самодостаточные центры цивилизации, а не удалённые ущербные придатки мегаполиса.

Важно предотвратить срастание Петербурга с окружающими его населёнными пунктами в сплошную, бесконечную, однообразно плотную застройку. Для этого необходимо окружить город защитной лесопарковой зоной с жёстким регламентом строительства только малоэтажных объектов для отдыха, спорта и здравоохранения.

Это не исключает роста и развития центров агломерации, в том числе удалённых от Питера. В первую очередь требуется создание в каждом таком центре рабочих мест для людей с разным образованием и специализацией, чтобы исключить умирание городов, когда останавливается единственное градообразующее производство, как случилось в США со столицей автомобилестроения — Детройтом.

Кстати, именно сейчас можно было бы создавать множество небольших производств под знаменем «импортозамещения» во всех городах Ленобласти.

В крупных спальных районах также должны формироваться локальные центры как центры небольших городов с полным набором градообразующих функций, чтобы люди могли удовлетворить все ежедневные потребности в своем районе, включая работу. Тогда им просто незачем будет тратить годы жизни на ежедневные поездки «в город» или на другой его конец. В этом могли бы помочь и компьютерные технологии при поиске работы, и налоговые льготы при трудоустройстве рядом с домом. В Китае, к примеру, активно развивается система домашних офисов для тех, кто работает за компьютером (новые районы Soho New City в Шанхае).

Маятниковая миграция

Одним из самых тяжёлых последствий разрастания мегаполисов является ежедневная маятниковая миграция, которая у нас охватывает миллионы людей. Она постоянно высасывает колоссальные ресурсы общества – время, здоровье, деньги, энергоносители, заставляет бесконечно наращивать транспортную инфраструктуру, ухудшает экологию. В этом теперь участвуют и дети, которых родители возят через весь город в престижные школы.

Поэтому одна из важнейших стратегических задач градостроительства – не миллионы квадратных метров (это отработает свободный рынок), а постепенное изменение всей структуры агломерации, создание нового качества жизни в каждом её центре. Тогда и появятся условия для

радикального уменьшения истощающей маятниковой миграции.

Свобода перемещения от этого только выиграет, так как изменится мотивация — путешествия, отдых, новые впечат-

Миссия промышленного пояса

Особую неоценимую роль может сыграть промышленный пояс Петербурга.

Расположенный между историческим центром и спальными районами, он не просто огромная территория для строительства новых площадей – это скорее шанс исправить структуру города в целом, исправить накопившиеся проблемы.

Но без комплексного всестороннего подхода эту задачу не одолеть. Сейчас, к сожалению, уже идёт застройка ряда участков без единой градостроительной идеологии, а значит, в будущем это может помешать решению глобальных задач.

В мире существует много примеров крупных проектов реконструкции промышленных зон. Один из самых масштабных и ярких примеров для Питера — Докланд в Гамбурге (HafenCity). После проведения в 1999 году градостроительного конкурса на реновацию территории торгового порта были разработаны правила застройки и регламент. И вот уже полтора десятилетия идёт реализация в точном соответствии с этими правилами. В результате появляется очень комфортная, многообразная и сомасштабная человеку жилая среда.

В нашем случае возможны ещё более амбициозные цели... Транспортный каркас

Прежде всего, должен измениться транспортный каркас, включающий ЗСД, кольцевые магистрали, огибающие

центр, и внутреннее кольцо перехватывающих автостоянок, которые могли бы снять часть транспортной нагрузки с центра без применения запретительных и ограничительных мер. Одновременно могли бы улучшиться связи между районами, минуя исторический центр. Но этого недостаточно.

Функциональный каркас

Исторический центр – это крупнейший памятник архитектурной среды одной эпохи XVIII – начала XX века, и по законам жанра он должен быть одним из главных мировых центров туризма, но именно эта функция развита очень плохо. Центр Вены в несколько раз меньше, но он весь пешеходный, и каждый квадратный метр используется, а у нас две с половиной полупустые пешеходные улицы. В результате Вена занимает первое место по качеству жизни, а Петербург...

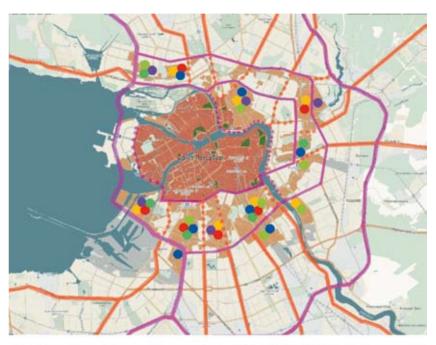
Поэтому здесь можно и нужно развивать прежде всего уникальные функции эпизодического спроса, культуры и туризма, пешеходные зоны, а не футбол и бизнес-центры. Важно постепенно изменить сложившуюся диспропорцию, когда проживает в центре всего 15% петербуржцев, а рабочих мест сконцентрировано около 40%.

Для этого часть функций, привлекающих большие потоки людей и транспорта, нужно постепенно переносить из исторического центра в соседние районы промышленного пояса.

Одновременно здесь могут появиться объекты, которых не хватает в сложившихся спальных районах и которые там уже невозможно организовать, — новые деловые, научные и образовательные центры (технопарки и бизнесинкубаторы), стадионы, больницы и, конечно, жильё. При этом ни в коем случае нельзя выводить отсюда всю промышленность — только вредные химические производства, иначе мы и здесь лишимся рабочих мест, удачно расположенных с точки зрения доступности, как из центра, так и из прилегающих районов.

Если для промышленных предприятий постепенно вводить экологические стандарты, как для транспорта — ЕВРО 3, ЕВРО 4, ЕВРО 5, — через какое-то время соседство жилых кварталов и высокотехнологичных, экологически чистых производств станет вполне логичным, а связи станут короче. Сейчас промпояс имеет очень рыхлую одноэтажную застройку. Специалисты считают, что при правильном подходе к регенерации может освободиться около двух третей этих территорий за счёт рационального компактного использования, а не вывода мощностей на окраины и за КАД.

В результате вокруг исторического ядра может появиться

несколько новых центров притяжения, и вместо транзитных потоков через весь город должны возникнуть короткие связи исторического центра и спальных районов с обновлённым промпоясом, что радикально уменьшит транспортную нагрузку, и не только на центр.

- 1. Жандарменмаркт в Берлине
- 2. Фонтан Треви в Риме
- 3. Сони-центр в Берлине

Зелёный каркас

Но прежде чем нарезать участки под новую застройку в «сером» поясе, должен заработать новый градостроительный норматив, обеспечивающий организацию КРУПНЫХ ПАРКОВЫХ ЗОН в пешеходной доступности для новых и реконструируемых районов, и это помимо процента озеленения на застраиваемых участках. Вокруг зелёных пространств будет появляться более дорогая недвижимость, улучшая экономику всего процесса и социальный состав района. Тогда появится шанс создать качественно новую среду в этих депрессивных районах и окружить центральные районы зелёным поясом.

В этом, на мой взгляд, и заключается потенциальная МИС-СИЯ промышленного пояса, которая, изменяя структуру всего города, поможет запустить естественные процессы оздоровления, а это наиболее эффективный и долгоиграющий инструмент.

Жёсткие экономические и запретительные санкции дают иногда быстрый и впечатляющий результат, но загоняют проблему в угол, где она продолжает оставаться, пока не вырвется на свободу с новой энергией.

Общественные пространства

В результате таких изменений могут появиться новые районы с новыми центрами притяжения как фрагмент общей полицентрической системы.

Возникает вопрос: какими качествами должны обладать такие локальные центры, независимо от того, где они рас-

положены – в «сером» поясе, спальном районе Петербурга или городе-спутнике?

3а тысячи лет человеческая цивилизация выработала такую форму общественного пространства, как городская площадь с храмом, ратушей или театром. В праздники на них устраивают ярмарки, а по выходным тематические суббот-

ние и воскресные базары. Пешеходные торговые улицы и бульвары могут соединять площади и сады в целую сеть общественных пешеходных пространств.

Психологически люди мало изменились. Их привлекает разнообразие, чувство защищённости, возможность общения, красота, масштаб и комфорт среды. Поэтому никогда не бывает пустой площадь у фонтана Треви в Риме, современная площадь Сони-центра в Берлине, накрытая огромным шатром, пешеходные зоны Вены, Мюнхена, Вероны и многих других городов Европы.

Отчасти этими качествами обладают торговоразвлекательные центры, но они функционально ограничены и не могут заменить полифонию полноценной городской среды.

Идентичность

Одной из обязательных составляющих для ощущения жителями своей идентичности с окружающей городской средой является возможность социальной активности и общения, наряду с качеством и индивидуальностью архитектуры. Замечательный пример — Московская площадь, которая до реконструкции была пустырём с памятником Ленину, а когда появился комплекс фонтанов, превратилась в место массового отдыха и молодёжной «тусовки». К сожалению, большинство наших городов, в том числе и в Ленинградской области, в силу разных причин всем этим критериям не отвечают. Как результат — миграция в крупнейшие города.

Изменение транспортного, функционального и «зелёного» каркасов неизбежно столкнётся с необходимостью изменения границ собственности, возникших в результате поспешной приватизации 90-х. Это болезненное хирургическое вмешательство, затрагивающее интересы владельцев земли, инвесторов и застройщиков, однако для реализации стратегических планов в интересах всего города можно проявить и политическую волю, и разработать систему компенсаций. Давно назрела необходимость внесения изменений и в Градостроительный кодекс и Правила землепользования, которые, развязав руки специалистам-градостроителям, позволят создать качественно новый генеральный план Петербурга в увязке с Ленобластью.

Реальные шаги

Наивно полагать, что такие мероприятия могут быть реализованы в ближайшем будущем без серьёзных изменений во взаимопонимании широких кругов общественности, администрации и специалистов, связанных с вопросами градостроительства, урбанизма, экономики, строительства и социологии, но «вода камень точит»...

Московская площадь в Санкт-Петербурге

Запущена в работу «Стратегия 2030» — программа, в которой решаются свои задачи на ближайшую перспективу. Похоже, что с радикальными градостроительными идеями на этот поезд мы уже опоздали. Но есть вопросы, не терпящие отлагательств. Это, прежде всего, территории, которые нужно зарезервировать под будущие магистрали, общественные пространства, сады и парки, чтобы какой-нибудь новый проект не помешал в будущем реализации важных градостроительных задач.

Мне кажется, такая инициатива вполне в компетенции КГА и главного архитектора при поддержке Градостроительного совета и Союза архитекторов.

Что касается перспективного генерального плана развития всей Петербургской агломерации, это сложная и многоступенчатая задача с горизонтом 15-20 лет. Для её решения надо начинать с формулирования ценностей и целей, выработки идеологии новой полицентрической модели, на этом фундаменте можно будет разработать программу и утвердить её на федеральном уровне. Тогда появятся законные основания для внесения изменений в Градостроительный кодекс и нормативы. Только после этого можно будет начать разработку действительно новой градостроительной документации.

Да, это долгий путь, но именно поэтому есть шанс, что мы не столкнёмся с яростным сопротивлением строительного комплекса, чиновников и застройщиков, которым выгодна существующая сегодня ситуация, а отдалённые перспективы их пока не волнуют...

P. S. Все схемы носят исключительно иллюстративный характер.

Об авторе: Михаил Олегович Кондиайн – архитектор, соруководитель проектного бюро «Земцов, Кондиайн и партнёры»

Город и храм. Интервью с архимандритом Александром (Фёдоровым)

Беседовал Геннадий Соколов

Архимандрит Александр, кандидат архитектуры, кандидат богословия, председатель Санкт-Петербургской Епархиальной комиссии по архитектурно-художественным вопросам

Отец Александр, прошло двадцать лет активного строительства храмов, можно подводить некие итоги. К сожалению, в целом ситуация кажется мне неудовлетворительной, появилось очень много плохих примеров современной церковной архитектуры.

Действительно, ситуация далека от идеальной, и начать анализировать её хотелось бы с градостроительного аспекта. Тема эта старая: вопрос о выделении участков под церкви на уровне генерального плана поднимался и при О.А. Харченко, и при Ю.К. Митюрёве. Олег Андреевич сказал тогда, что всё будет положительно решаться у него за столом, Юрий Константинович выразил заинтересованность, но и в том, и в другом случае всё осталось по-старому. О.В. Рыбин отнёсся к вопросу с интересом, но высказал мнение, что он, скорее, должен решаться не на уровне законопроекта, а «вручную», как, например, в Москве с её программой «Двести храмов».

Конечно, хотелось бы в этом вопросе градостроительной отточенности, но как требовать её для храмов, когда в светском плане её тоже нет? У нас вместо единого процесса, направляемого Генеральным планом и главным архитектором, есть просто множество документов, касающихся разных сфер и плохо связанных друг с другом. Такова ситуация, и в ней надо как-то выживать. Недавно в епархии создана комиссия, занимающаяся выделением участков под храмостроительство, которую возглавил секретарь епархиального управления протоиерей Сергий Куксевич. Что-то аналогичное есть в Смольном, и эти две структуры сейчас не без успеха налаживают взаимодействие. Но это всё равно вынужденно пока, это решение вопроса от частного, а не от целого.

Может быть, храмостроителям следует искать контактов с различными социальными программами, городскими и федеральными, которые направлены на благотворительные и просветительские цели? Здесь у Церкви и государства есть точки соприкосновения, например, борьба с наркотиками, с пьянством, детские приюты, молодёжные центры и т. д. Тогда речь могла бы идти о создании некоего социального комплекса с доминантойхрамом. Это мог бы быть выход из ситуации, в том числе и в градостроительном смысле. При таком варианте мы можем просить у государства денег на комплекс, в котором

есть и храм, тогда как в остальных случаях нам приходится искать спонсоров или собирать средства «по копейке», что очень затягивает и затрудняет процесс. Ведь прямое финансирование нового храма (не памятника архитектуры) из госбюджета законодательно не представляется возможным.

Действительно, сейчас места под церкви выделяются по остаточному принципу: например, нам под церковь Серафима Саровского выделили участок в самом уголке парка, а нам хотелось поставить её в центре, на пригорке.

Безусловно, такую систему трудно вводить законодательно, но какие-то места для этих целей в генеральном плане могли бы быть предусмотрены. Тогда не было бы и протестов жителей, недовольных урезанием парков под храмы.

Множество неудачных примеров церковной архитектуры порождает своеобразную реакцию: заказчики часто хотят только точные копии старых, известных образцов.

В блогах Андрея Кураева я прочитал, что ещё 5 лет назад нынешний патриарх Кирилл поддержал бы поиски современной архитектуры, но после акции известной скандальной группы в храме Христа Спасителя он занял более консервативную позицию.

Полагаю, что Кураев всё же искажает ситуацию.

С другой стороны, Кураев пишет, что архитектура всегда находилась под диктатом спонсоров и отражала их вкусы. Раньше был фильтр в виде главного архитектора. Сейчас этого нет, как нет и градсоветов. Поэтому заказчик, получивший градплан, может делать на своём участке всё что угодно, если только не возникнут ограничения со стороны епархии.

Опять же, не всякий заказчик (а это всегда приход, даже если за ним стоит спонсор) может позволить себе хорошего архитектора. Обычно стремятся найти услуги подешевле, а то и вовсе просят подарить проект. Хорошо, если такой дар сделает мастер, но это бывает не так уж часто...

Пока ситуация в архитектуре хаотическая. Два года подряд Патриархия с Союзом архитекторов проводят конкурс на лучшую концепцию православного храма. В прошлом году меня привлекали как эксперта, и из того, что мне тогда присылали, я почти ничем не был удовлетворён: из сотни проектов понравились лишь несколько. Были вещи тривиальные, а были просто немыслимые. В этом году меня пригласили в жюри, и пока меня тоже не удовлетворяют присылаемые картинки.

Успенский собор во Владимире. XII в.

Отец Александр, а не слишком ли многого мы хотим от архитекторов? В древности идеология храма исходила не от архитекторов, а от святых отцов. В девятнадцатом веке произошла попытка возврата к этим истокам во многих изумительных произведениях эклектики и модерна. И на сегодня мы ещё не накопировались...

Да, но под этим не обязательно понимать прямое, буквальное копирование. Попробуем разобраться, что в церковной архитектуре нормативно, канонично, а что ненормативно? Если мы возьмём всю сумму требований, предъявляемых к архитектуре храмов, то вся она может быть сведена к нескольким позициям.

- **1.** Правила догматического характера написанные. Они, правда, больше относились к церковной живописи, но есть много моментов, где храмовая архитектура и живопись соприкасаются.
- **2.** Факт взаимодействия и взаимовлияния богослужения, архитектуры и изобразительного искусства.
- 3. Исторический набор конкретных образцов: не для прямого копирования, а, скорее, для вдохновения. Так, Аристотель Фиораванти, создавая Успенский собор Кремля, вдохновлялся Успенским собором во Владимире, но сделал уже нечто другое. В свою очередь, фиоравантиевский собор стал образцом для храмов XVI века. Они ближе к композиционной схеме собора Фиораванти, чем последний к схеме Владимирского собора, но всё равно храмы каждый раз получались разные.

Тема образца включает и типологическую классификацию, где встречаются как более универсальные, так и более редкие типы храмов, дающие вкупе некий набор, на который принято ориентироваться. Это не значит, что нельзя придумать что-то ещё. Так, на Руси в XVI веке сложился шатрово-столпообразный тип храма, которого раньше не было, и получилось довольно интересно. Но азбукой всех новшеств в любом случае должны оставаться эти проверенные временем образцы. Как в живописи всё иконографическое многообразие восходит к первым образам Богоматери, написанным евангелистом Лукой, и Нерукотворным образам Спасителя, так и в архитектуре существует сложившийся круг произведений, которые мы по крайней мере должны иметь в виду, приступая к созданию нового храма.

Вы остановились на типологии, а как быть с вопросом стиля?

В течение многих и многих веков храмовые формы находили свои различные стилистические решения.

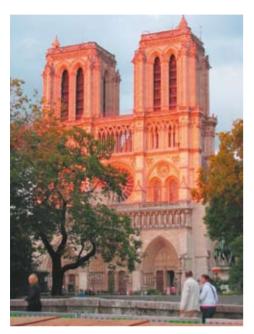

Неправильно ставить знак равенства между каноном и стилем. Это всё равно что отождествлять ордер со стилем, тогда как ордер – это эстетически организованная стоечнобалочная система, которая может принимать разную стилистику. «Каноничность», как и ордер, может принимать в себя множество самых разных стилистических направлений, как видно из истории архитектуры.

Помимо собственно русской церковной архитектуры есть стилевые направления, сложившиеся вне православной традиции: это готика, ренессанс, барокко, классицизм. Православная традиция адаптировала многие из этих форм, но что-то ею так и не было принято. Например, православию чужда готическая устремлённость вверх, выражающая идею

Успенский собор Московского Кремля. Архитектор Аристотель Фиораванти. 1475-1479

Собор Парижской Богоматери. XII-XIII вв.

неполноты этого мира и устремлённости к Богу.

Пространство православного храма выражает идею всей полноты присутствия Бога здесь и сейчас. В архитектуре Ренессанса тему богочеловечества вытесняют идеи антропоцентризма, что находит выражение в излишней материальности.

Барокко – стиль контрреформации. Его рваные пространства, иррационализм архитектуры, характерное выражение полноты бытия в живописи – всё это отличается от наших представлений о полноте Царствия Божия. Поэтому барокко приняло в России очень мягкие и спокойные формы.

Самодостаточность классицизма есть своего рода противоположная крайность «самонедостаточности» готики. Однако есть в классицизме качества, близкие православному мировосприятию: соразмерность человеку, соподчинённость частей, градостроительная логика, любовь к синтезу искусств, которые вполне могут быть взяты на вооружение.

Историзм и модерн дали новую жизнь церковному искусству: и на Западе, и у нас происходили интереснейшие находки в этой сфере, которые мы можем использовать, хотя и критически.

Ещё более критично, видимо, мы должны рассматривать примеры из эпохи современного искусства. Например, сюрреализм с его антиаскетизмом (если святые отцы учили отсекать помыслы, то это течение, наоборот, помыслы культивирует). Это не стиль, а идеология, противоположная молитвенному аскетическому настрою. Подобным образом, и другие примеры модернистской архитектуры вряд ли могут служить образцами для православных церквей, хотя какие-то оговорки, наверное, возможны. Например, интересными для изучения могут стать находки польских архитекторов, особенно на востоке страны, где православные церкви не прекращали строить даже во времена социализма.

Ещё одна стилевая группа – национальные формы тех культур, которые лишь относительно недавно обратились к христианству из язычества и которые мы, по этой причине,

должны использовать осторожно, чтобы не «проглотить» вместе с ними какие-то идейно чуждые установки.

Историческая логика материалов и конструкций может стать ещё одной предпосылкой формообразования. Так, архитекторы рубежа XIX-XX века смело это делали, в особенно мастера модерна. Ещё раньше преднапряжённые металлические элементы вместе с плоскими арками в Казанском соборе Воронихина предвосхитили преднапряжённый железобетон.

Отец Александр, вы упомянули о писаных правилах...

Существуют положения Трулльского собора (конец VII века), которые создавались для изобразительного искусства, но являются универсальными, а потому распространяются и на архитектуру.

Одно из них гласит, что нельзя изображать крест на полу, чтобы не попирать образ креста.

Другое гласит, что в изображениях не должно быть чувственного начала.

Ещё одно предписывает, что изображения должны быть не аллегорическими, а историческими.

Эти правила надо понимать не только буквально, а и более широко. Так, крест ведь можно попирать не только ногами, а общим отношением к храму и вере. Итак, благоговейное, трепетное отношение к предмету — это непременное условие работы зодчего.

Историчность следует понимать как достоверность. Так, икона должна опираться на подлинные события и изображать конкретных, а не аллегорических персонажей. Храм должен быть функционально обоснован и обусловлен подлинностью и смыслом происходящих таинств, а не фантазией зодчего.

То же самое относится к чувственности: храм должен создавать ощущение основательности, незыблемости, стабильности, а не быть произвольным дизайнерским «вывертом».

Основой всего является литургическое пространство. Если античный храм был своего рода скульптурой, мусульманский храм — это интерьер и полукрытый двор со скользящим, ненаправленным ритмом (несмотря на то что там есть ориентир в виде михраба), то ритм христианского храма чётко направлен к алтарю — к тому месту, где совершается главное таинство: таинство Евхаристии. Пространство храма первично по отношению к форме. Ландшафт влечёт нас в город, город влечёт нас в храм, а пространство храма влечёт к алтарю. Причём в русской и византийской архитектуре это чувствуется даже боль-

ше, чем в западноевропейской, не говоря уже о иных культурах. Эта «пространственность» очень ощутима даже в таком «западном» городе, как Санкт-Петербург.

Сказанное относятся и к живописи. Изображения строятся как бы плоскостно – так, что человек не уводится в некие далёкие виртуальные планы (прямая перспектива), а остаётся в храме, где совершается литургия. Он не зритель, а участник событий. Пространство стенных композиций, икон и пространство литургическое должны стремиться к тождеству. Поэтому применяется обратная перспектива либо аксонометрия – с тем чтобы не разрушалась плоскость стены. Чтобы мысль и чувства не уходили в сторону, живопись должна быть строгой.

Современные зодчие часто подходят к образу храма литературно, от внешнего образа, тогда как главенствующим должен быть интерьер. Тогда подход будет традиционным, даже при наличии каких-то стилевых поисков.

Золотые слова. Действительно, архитектура – это оболочка, вырастающая из богослужения, интерьера, а также спокойного церковного пения, а вовсе не произвол архитектора.

Символ — это соединение двух реальностей, след, который оставляет горний мир в мире дольнем. Нельзя путать символ и аллегорию. Если аллегория указует на высшую реальность, то символ эту реальность являет. Зодчество должно быть именно символичным, то есть оно должно являть небесный мир в мире земном. Отсюда огромная ответственность человека, который приступает к строительству храма. Это должно быть осознано как церковное служение и предполагает воцерковлённость архитектора.

Если литургия неизменна – какое же может быть развитие архитектурной формы?

Незыблемо содержание литургии, её евхаристический смысл, заключённый в подлинности Тела и Крови Христовых. Но форма литургии менялась в истории, и это закономерно. И сегодня греки и русские служат литургию по-разному, в разном характере. Подобным образом менялась и стилистика храмов. В обоих случаях мы говорим не столько о развитии, сколько о раскрытии неизменного содержания.

Наверное, подобным образом, в архитектуре, живописи и других искусствах, художник не

придумывает, а открывает законы красоты, которые существуют независимо от него. Например, закон золотого сечения. В этом случае вызывает сомнение возможность скачкообразного развития искусства, хотя любому, наверное, архитектору хочется совершить «прорыв», показать весь свой потенциал, чтобы остаться в веках... Всё-таки нужно помнить, что архитектор, строящий храм, – это скорее свидетель и проводник, чем автор.

Всё, что я сказал, касается и иконы. Она тоже консервативна, но мы надеемся, что когда-то всё же появится икона, характерная для начала XXI века, как когда-то была икона начала XVI века, отличная от иконы XII столетия...

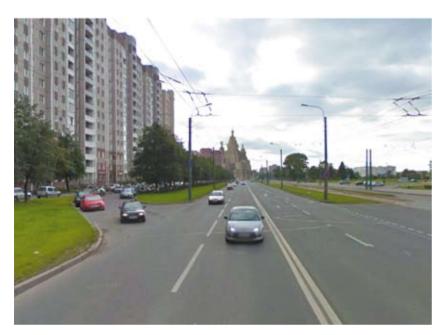
А как относиться к реализму в иконе? К тому, что пришло при Петре?

Это новшество не получило особенного развития. Во второй половине XIX века начались последовательные поиски связи старого и нового. Так возникла Валаамская икона Божией Матери (чудотворная!) с живоподобным ликом и достаточно традиционной фигурой, росписи Владимирского собора в Киеве. Нерв всему – взаимосвязь литургии, архитектуры и храмового искусства. Я уверен, что именно недопонимание этого блока порождает основную массу ошибок и неудач.

Спасо-Преображенский собор Валаамского монастыря. Архитекторы: А.Я. Силин, Г.И. Карпов, Н.Д. Прокофьев. 1896

О дорогах, ведущих к храму

Текст: Павел Никонов

Среди новых явлений последнего времени в градостроительстве определённое место занимает строительство церквей. Хотелось бы сказать, что оно занимает заметное и особое место в градостроительстве. Но, увы, сказать так нельзя, потому что новые храмы часто размещаются среди застройки как рядовые её объекты. Места для строительства новых церквей выделяются на территории города на общих с другими объектами основаниях. В этом проявляется установленная законодательством позиция некой принципиальной «справедливости», которая за всеми объектами, кроме объектов федерального, регионального и местного значения, признаёт равную значимость и равноправие тех, кто их строит и использует. Поэтому церкви возникают в довольно случайных местах – там, где в превратностях торжка за земельные ресурсы им перепадает свободный участок земли. При этом они подчиняются и общим правилам застройки, в том числе о высоте – поэтому подняться своими главками над застройкой в принципе не могут, но часто и не в состоянии даже дотянуться ими до высоты плотно окружающих высотных жилых домов и офисов, из окон которых обитатели смотрят на церковь сверху вниз. Всё это стало результатом того, что практическое градостро-

ительство, навязанное упрощённым градостроительным законодательством, отказалось от своей миссии формировать архитектурную композицию города, создавать ансамбли, силуэты, эстетически полноценную среду,

наполненную осмысленными символами и смыслом как таковым. Но пока в учебных институтах ещё преподают градостроительство как отрасль искусства и осмысление городского пространства – наверное, в надежде, что это найдёт своё место в будущем. В свете этой надежды мы стремимся, по мере сил, обеспечивать ему хоть какое-то место и в настоящем.

Одним из традиционных инструментов художественного градостроительства является создание доминант. Обычно рассуждения о смысле и роли доминант в градостроительстве сводятся к тому, что с их помощью разнообразится силуэт городского пейзажа, устанавливается система ориентиров в городской среде. К этому в 70-х и 80-х годах прошедшего века сводились практически все предложения по разнообразию скудной и скучной среды новостроек. Им посвящались и восторженные статьи градостроительных футурологов, и настоящие научные труды. Редкий рисунок планируемой застройки обходился без какогонибудь штыря, на который нарочито сходились все линии отображаемой перспективы, летели косяки птиц, а также развевающиеся волосы красавиц, помещённых на рисунок в качестве антуража. Однако, реализованные в натуре, такие доминанты, как правило, оказывались совсем не так романтичны, а «неблагодарный» народ давал им язвительные прозвища. Та же участь постигала не только одиночные стелы, но и высокие здания: над застройкой-то они возвышались, перспективы замыкали, но ничем, кроме как звоном пустоты своего бессодержательного символизма, пространство вокруг себя не оглашали – среда упрямо продолжала оставаться такой же скудной и скучной. А своей манерной кичливостью взлетающие вверх объёмы со временем становятся всё более смешны и вызывают раздражение, как демонстрация того недомыслия, которого на самом деле следовало бы стыдиться. Мировыми примерами этому являются башня Монпарнас в Париже, знаменитый «Огурец» в Лондоне. Справедливости ради следует сказать, что у нас, в отличие от «бедных» Парижа и Лондона, большинство из подобных башен, задумывавшихся в разное время до начала 90-х годов, – слава Богу! – осталось на бумаге, благодаря гайкам, которыми была закручена свобода архитектурного творчества. Зато теперь эта свобода выскочила как чёртик из-под пня на освобождённой от долгого сжатия пружине и уже отметилась повсюду – «Монблан» на Неве, «Регент-холл» на Владимирской площади, ТСБ и «Финансист» на Васильевском... После того как «Лидер-тауэр» горделиво замкнул собой перспективу Вознесенского проспекта, эта перспектива вызывает только отчаяние, досаду и горечь. И на подходе следующие «доминанты», среди них, например, небоскрёб «Лахта центр».

Это заставляет призадуматься над смысловым содержанием понятия «доминанта». Почему купола и главки церквей, их колокольни, оказавшиеся в роли доминант, не вызывают сомнения, а оказавшиеся точно в такой же ситуации дома иных назначений часто заставляют пожимать плечами? Например, почему Троицкий собор в панораме Фонтанки её украшает, придаёт ей смысл, а оказавшийся рядом с ней в той же панораме силуэт гостиницы «Советская» конкретно портит её? Почему шпиль Адмиралтейства красит перспективу Гороховой, а здание ТЮЗа, замыкающее её с другого конца, – убивает? Может, всё дело в архитектурных решениях? Это, конечно, так, но, думаю, во вторую очередь. В первую очередь, очевидно, что здание становится доминантой в силу смысла и значения, которым наделяет его сознание горожан. Так, церковь, если сознание горожан принимает её в качестве жилища Истины, априори становится доминантой. Для этого ей даже не надо быть высокой и заметной в застройке: если душа человека признает её такой, то та «светит» ему даже из-за угла, лишь бы он знал или догадывался, что она там. Здания иных назначений, ставших воистину городскими доминантами, единичны. Как правило, они становятся такими потому, что им удаётся захватывать воображение и заставлять играть фантазию тех, кто смотрит на них, либо они вызывают чем-то заслуженное уважение. Так или иначе, их символическое содержание не пусто, а весьма значительно, и роль доминанты заслуженна. А формы их, в том числе высотное доминирование над застройкой, служат для придания соответствия их визуального образа этому содержанию. Конечно, смысловое содержание ТЮЗа не пусто, но всё же, видимо, недостаточно для того, чтобы здание театра взяло на себя роль доминанты в перспективе Гороховой улицы – центрального луча петербургского «трезубца» – как контрапункта к Адмиралтейству. Да и формой ТЮЗ для этого не вышел – в основном эта форма довольствуется своим доминированием лишь в ансамбле окружающей площади и индифферентна к тому, что просматривается в перспективе Гороховой. Так же как и БКЗ «Октябрьский» в перспективе улицы Жуковского. **И**так, чтобы стать доминантой в городской застройке, здание своим смыслом и содержанием должно получить право на это. Расставлять по городу бессмысленные доминанты – это обессмысливать или, точнее, оболванивать городскую среду и бессмысленно и безответственно рас-

ходовать ценнейшие ресурсы для размещения истинно городских доминант, занимая их тем, что в итоге превращается просто в градостроительный мусор.

К тому же после введения действующего Градостроительного кодекса вдруг обнаружилось, что в составе градостроительной деятельности заботы о создании композиции города законодательством вообще не предусмотрены, а возникновение доминант становится делом частным - они могут появляться просто в результате стремления амбициозных застройщиков возвыситься над соседями – ближними и дальними, отметиться в городской панораме, «победить (сделать) всех» и предоставить своим обитателям эксклюзивное наслаждение любоваться с высоты городом, лежащим у их ног. Однако эта «гонка по вертикали» ограничивает всех их единым потолком предельных высотных параметров. И в итоге это грозит тем, что просто все дома дорастут до этого предела, своими крышами создав высотное равнинное плато, которое поглотит тех, кто в числе первых обеспечил себе временное счастье побывать выше остальных.

Таким образом, если ещё 25 лет назад доминанты, хоть по большей части и не убедительные своей бессодержательной «значимостью», но всё же возникали по более или менее продуманной градостроительной тактике и стратегии, то теперь это отдано стихии частных инициатив. Даже те «точки» особо высотных объектов, которые появились на карте предельных параметров высоты в Пра-

вилах землепользования и застройки, возникли на ней не потому, что кто-то заботливо расставил их с целью осмысленно разнообразить пейзаж, а потому, что некоторые застройщики сумели согласовать свои проекты до принятия этих правил. Правда, наиболее одиозные из этих высоток всё же несколько «подстригли», но, так или иначе, это не явило собой деяния по системной работе над силуэтом города, а было лишь попыткой хоть частично исправить допущенные в этой области ошибки. **И**так, я утверждаю, что работа над силуэтом города, над его градостроительной композицией необходима, в том числе и с помощью создания доминант. Хоть Градостроительный кодекс и не предусматривает наличия в генеральном плане или в документации по планировке территории специального документа, посвящённого формированию композиционных узлов, ансамблей, расстановке доминант, надо изыскать для Санкт-Петербурга полномочия, позволяющие дополнять градостроительную документацию этими и подобными разделами. Думаю, схема мест, зарезервированных для создания доминант, должна найти своё место в грядущем генеральном плане. Первое среди таких мест, по моему мнению, – Сенная площадь. Спас на Сенной был одной из опорных доминант города до его сноса в 1961 году. После этого безумного события город потерял одну из великолепнейших доминант, площадь потеряла свой эпицентр, который держал пространство и был узлом всех нитей, идущих от разных концов площади и далее со всех концов города. Все последующие годы шёл судорожный поиск мер, которые могли бы прикрыть эту «рану». Строительство комплекса «Пик», разумеется, такой мерой не стало.

В 1990-е годы был проведён конкурс по решению этой проблемы. Единодушное мнение участников конкурса состояло в том, что доминанту, конечно, надо восстанавливать. Тогда ещё не хватало смелости предположить восстановление утраченного храма, поэтому некоторые участники предлагали ограничиться воссозданием одной лишь колокольни или создать символическое сооружение из прозрачного металлического каркаса, повторяющего контур утраченной церкви. Но, думаю, никакого иного решения, кроме полноценного воссоздания храма, быть не может – никакая иная доминанта не справится с той задачей, которая свыше прописана этому узлу нашего города. Поставьте в этом месте высокую гостиницу или ещё что-нибудь в том же роде ради имитации доминанты: нетрудно представить, какую скорбь и отвращение они будут вызывать.

Следует сказать, что, коль скоро в нашу действительность вернулось строительство церквей, – безрассудно было бы не воспользоваться этим для создания системы настоящих, полноценных, осмысленных доминант, продолжая размещать эти уникальные объекты без попытки украсить ими город. Разумеется, я допускаю, что не каждая новая церковь справится с ролью доминанты. Просто формально быть церковью для этого недостаточно. И смысл здания как дома Истины, и совершающаяся в нём церковная жизнь, и его архитектура, и место, выбранное для него, – всё это должно быть перемножено между собой ради великолепного результата. Только в этом случае доминанта не будет фальшивой. Ведь справедливо обратить внимание на то, что, увы, встречаются церкви, построенные совершенно без души – как примитивные утилитарные постройки: есть купол и главки, «дежурный» традиционный узор... и достаточно. А красивы ли они сами по себе, хорошо ли смотрится здание в городском окружении уже не важно: «суета сует»... Конечно, такое здание роли доминанты не выполнит, а только испортит собой драгоценное место.

И всё же у церкви радикально больше шансов стать полноценной доминантой, чем у любого иного сооружения. Само назначение даёт ей в этом громадную фору. Использовать её для общего блага градостроительного преображения – дело его совести строителя церкви. Но и общество, даже та его часть, что ходить в неё не будет, вправе требовать от архитектора создания красоты – более убедительной красоты, чем от рядового бизнес-центра, или театра, или чего-либо ещё. И даже при провальной неудаче всегда остаётся весомый шанс, что неудачное здание церкви в будущем будет перестроено и обретёт достойный облик – это обычная история в судьбах церквей, поскольку им суждено стоять веками. Следует сказать, что мест, особо ценных для превращения их в некие локальные центры, не так уж и много. Валентин Фёдорович Назаров, автор нескольких генеральных планов нашего города, говорил мне, что, например, Ильин, автор Генерального плана Ленинграда 1935 года, обладал удивительно точным чувством значения места в композиции города. Это он нашёл место для Дома Советов на Московском проспекте и настоял на нём, несмотря на то что под ним был обнаружен такой плавун, что здание построить тут обычным образом было невозможно. Но оно было построено – подземные этажи здания, ставшие его фундаментом, представляют собой своеобразный дебаркадер, на котором здание «плавает» в этом плавуне. Он же нашёл и место стадиону на Крестовском острове -

удивительно точное место для стадиона, который затем столь же точно для этого места построил Никольский. Это также технически не беспроблемное место – учитывая массовый характер его посещения, оно не обеспечено необходимой транспортной доступностью. Да и ради тренировок между соревнованиями мотаться сюда было, мягко говоря, накладно. И, несмотря на всё это, genius loci его просто гигантский по сравнению с этими недостатками. Жаль, что стадион Никольского снесли. Даже никаким спортсменам уже не нужный, он сохранялся бы как ленинградское «капище», ленинградский Стоунхендж. По моему мнению, не для нового стадиона это место – новый стадион можно воспринимать лишь как печальное надгробие шедевра Никольского. Хотя – увидим. Тот же дар выбора места Назаров увидел и у Петра Первого, избравшего Заячий остров для строительства крепости. Иной правитель на его месте усилил бы Ниеншанц и именно его сделал бы своей новой крепостью: и быстрее, и дешевле, и надёжней с точки зрения выбора правильного решения – ведь не дураки же были все прошлые поколения, которые, как подтверждают исторические пласты, раз за разом строили и развивали крепость именно здесь. Но теперь мы видим всю сумасшедшую правоту Петра, не поддавшегося этому искушению. И ещё на одно необычное место обратил мое внимание

Валентин Фёдорович — на мыс Кривое Колено на Неве. Здесь, если поставить высотное здание, можно создать доминанту, которая окажется в створе сразу двух русел Невы. Она будет встречать суда, идущие с Финского залива на Ладогу и с Ладоги в Финский залив. Это очень ответственное в символическом отношении место, используемое пока, увы, не по назначению и недооценённое в генеральных планах. Уверен, что есть ещё подобные выдающиеся места. Их следовало бы выявить и осмыслить, пока, как говорится, не поздно.

Помимо резервирования для достойного использования уникально выдающихся мест, созданных природой, используя средства планировки города, следует создавать композиционные центры и узлы, визуально обогащающие застройку – хотя бы по примеру уже названного проекта планировки Ленинграда 1935 года Ильина. Эту задачу следовало бы ставить в связи со множеством целей – как романтических, так и сугубо прагматических. Но, ограничиваясь здесь только разговором о градостроительных задачах размещения новых церквей, скажу только, что следовало бы подбирать и резервировать места, где размещение церквей было бы действительно уместно и могло бы послужить украшению города. Это ровно те же

места, где возможно и желательно размещение градостроительных доминант. В их числе наиболее ценными являются те, которые замыкают перспективы улиц. Таких немного — Петербург славится прямизной улиц, уходящих в пространство за видимые пределы. Тем более ценны случаи, когда есть возможность поставить здание буквально по оси улицы. Их надо выявлять в существующей застройке, их надо по мере возможности создавать при планировке вновь осваиваемых территорий.

Вот пример: проспект Ветеранов у пересечения с улицей Добровольцев. В квартале, в котором расположен кинотеатр «Рубеж», сейчас идет строительство храма в честь Преображения Господня в Лигово. Место для строительства выбрано у улицы Добровольцев в глубине от главной магистрали этого места – проспекта Ветеранов, ближе к перекрёстку с улицей Отважных. Наверное, есть какоето объяснение этому выбору. Но доминантой эта церковь никак не станет. Скорее, доминантой этого места останется кинотеатр «Рубеж». Иными словами, строительство церкви заметным архитектурно-градостроительным событием стать не обещает. А между тем именно в этом месте проспект Ветеранов делает лёгкий поворот на север, и этого оказывается вполне достаточно, чтобы на продолжении оси проспекта найти место для размещения какойлибо доминанты, выгодно замыкающей его. И было бы очень кстати, если бы ею стал большой храм. На рисунке большими кругами показаны сразу два места, которые теоретически могли бы быть использованы для оформленного замыкания перспектив проспекта. И показано место, где в действительности строится храм, который мог бы для этого послужить.

Об авторе: Павел Николаевич Никонов – архитектор, руководитель Бюро межевания городских территорий ЗАО «Петербургский НИПИград».

Блуждающие огни в беспросветной ночи

О церковном строительстве в Италии

Текст: Чиро Ломонте

Перевод с итальянского: Мария Свириденко

Легенда гласит. что когда Папе Льву XIII принесли в дар его портрет, неудачно выполненный одним художникомлюбителем, то он остроумно прокомментировал его краткой евангельской цитатой: «Но Иисус тотчас заговорил с ними и сказал: ободритесь; это Я, не бойтесь»¹. В те времена изобразительное искусство ещё пользовалось большим успехом и являлось родным языком католической церкви. Как бы прокомментировал сегодня папа Печчи страшные, необъяснимые объекты современного искусства, которыми переполнены церкви?

Бесконечная ночь

Мирянам больно смотреть на то, как преднамеренно жёстоко обращаются с местами, где они ищут покой, молитву и принятие таинств. Они не понимают, на что тратятся экономические ресурсы, куда идут деньги, ими же собранные, как, например, в местечке Сан-Джованни-Ротондо (церковь Святого падре Пио), где на строительство загадочно-уродливого здания ушло огромное количество пожертвований. Миряне не могут оправдать так называемую литургическую адаптацию, при которой уничтожаются священные пресвитерии² прошлого, которые в большинстве случаев являлись замечательными произведениями искусства.

Одно из самых громких дел — а таких насчитывается около тысячи только в одной Италии — это Мать-церковь (главная церковь) в Менфи, которая попала в список архитектурных ужасов XX века. Проект предусматривал бессмысленный снос прекрасной церкви XVII века, чья структура была лишь частично повреждена при землетрясении в долине реки Беличе (провинция Агридженто, Сицилия). После реставрации осталась только стена с часовнями одного из боковых нефов: она стала фоном большой аудитории, которую даже здешний священнослужитель назвал «сараем». Сложный лабиринт внутренних разноуровневых пространств, в основном бессмысленных, заслуживает отдельного разговора.

Городская площадь – большое открытое пространство с бельведером – ранее была облагорожена главным фасадом храма, глядящим на прекрасные окрестные пейзажи. Сегодня эта площадь умерщвлена непонятным минималистским строением, реализованным из местного камня и голого железобетона.

В течение последних десятилетий мы видим постепенное усиление «диалога» между Церковью и современным

искусством. С необъяснимым упорством, не прислушиваясь к возражениям, архитекторы продолжают проектировать церкви, не похожие на церкви. Согласно гегелевскому принципу, прогресс не остановить, и то, что приходит на смену прошлому, лучше ранее созданного. Несколько лет назад архитектор Хавьер Карвахаль так ответил одному противнику современного церковного языка: «Не повторяйте мне, что современное искусство не может быть угодно Богу; что вам не нравится ни архитектура, ни живопись, ни скульптура наших дней; что современное должно быть вычеркнуто из списка пожертвований, так как оно не помогает встрече человека нашего времени с Господом всех времен. Потому что это означало бы, что наше время – это не время Господа и что христианство отказалось от нашего времени. Эти ваши рассуждения приводят к выводу о том, что наши временные обстоятельства, наши жизни, наше искусство не может быть предложено Богу вместе с нашим временем и нашим миром. Вы даже не осознаёте, что, по-вашему, культура Запада, которая до XIX века служила воздаянию Славы Богу, в наши времена не может этого делать. То, что вы говорите, не умно, не правильно, не по-христиански»³.

Подобную защиту современного искусства можно найти в заявлениях известного архитектора и профессора кафедры Архитектурного проектирования в Мадриде, Игнасио Висенса-и-Уальде, автора многочисленных церквей, в том числе знаменитого прихода Санта Моника. Тон его речи на эту тему провокационный, хотя в других интервью этот «звёздный» архитектор ведет себя аристократически скромно. Будучи, как Карвахаль и Дельгадо, знатоком литургии, он говорит: «Ни креста наверху, ни колокольни. В XV веке колокольни имели свой смысл, но сегодня у нас есть мобильные телефоны!» Во время строительства архитектор даже поссорился с епископом. Висенс хотел реализовать центральный алтарь, но заказчик желал видеть что-то более традиционное, алтарь со священником впереди, и попросил сделать ретабло⁴. «Это было для меня как удар ножом, как будто меня попросили быть послом Османской империи, от этого веяло чем-то очень старомодным. Но поскольку командует заказчик, мы придумали ретабло из света», – объясняет он с хитрой улыбкой. В результате был создан «взрыв» призм, наблюдающийся с внешней стороны церкви. Благодаря этому основному элементу храм удостоился звания лучшей церкви 2008 года от журнала Wallpaper (один очень модный журнал). «Заниматься архитектурой – это как заниматься сёрфингом, - говорит архитектор, - нужно воспользоваться трудностями, чтобы встать на гребень волны»5.

Новая главная церковь Менфи. Архитектор Витторио Греготти. 1993–2004

для XXI века. Новые итальянские церкви»⁶.

Место для выставки был подобрано очень тонко, учитывая последние тенденции в церковном строительстве. MAXXI – это римский музей искусства XXI века, проект которого принадлежит Захе Хадид.

Стоит подчеркнуть, что так называемое современное искусство является с начала 60-х годов прошлого века и по сей день коммерческим продуктом, который так и позиционирует себя на рынке. Это его коренное отличие от архитектуры времён Кутюрье. Эта реальность искажает благие намерения руководителей НСЦС ИКЦ и подчиняет их желание соотнести культурный, духовный и социальный феномен с языком сегодняшнего времени законам прибыли, которые папа Франциск так часто клеймит. Помимо этого, архитекторы вынуждены учитывать установки заказчика. Они знают, что минимализм и сухость форм являются необходимыми условиями победы.

Очень похвально желание руководителей НСЦС преодолеть тенденцию проектирования церковных зданий в гротескном стиле. Современные церкви, действительно, бывают заполнены бесполезными и избыточными формами, порой они неустойчивы и в то же время слишком громоздки и агрессивны. Ещё менее понятно желание сделать такую архитектуру нормой. К сожалению, именно это и происходит в последние десятилетия, под диктат архитектурных факультетов страны. ¹ Евангелие от Матфея, 14: 27

² Пресвите́рий (от лат. presbyterium - в западноевропейской архитектуре пространство между нефом и алтарём в восточной части храма. Название имеет тот смысл, что в пресвитерий могут заходить только пресвитеры (то есть священни-ки). Википедия

³ Ibidem, стр. 21 [перевод автора].

⁴ Испанский термин, означающий большой запрестольный образ в рамке, расположенный за алтарём.

⁵ La Iglesia debe volver a la vanguardia: intervista a Ignacio Vicens di Patricia Gosálvez // El Pais. 31 de mayo de 2010 [перевод автора] (Церковь должна вернуться к авангвардизму: Интервью с Игнасио Висенсом ди Патрисией Госапвесом // El Pais. 31.05.2010).

⁶ Архитектурный итальянский журнал Casabella посвятил выставке своё издание № 825, май 2013.

Смысл всё тот же: надо следить за прогрессом и модой. Очевидно, так считают руководители Национальной службы церковного строительства (НСЦС) итальянской католической Церкви (ИКЦ).

В течение 16 лет ИКЦ периодически устраивает закрытый конкурс на проекты трёх итальянских церквей: одной на севере, одной в центре Италии и одной на юге. Со 2 мая по 2 июня 2013 года в Зале Карло Скарпа Национального музея искусств XXI века (МАХХІ) были выставлены проекты участников 6-го конкурса, в конце которого были награждены три победителя. Тема выставки была: «21 (проект)

Церковь Святой Моники. Архитекторы Игнасио Висент и Уальде и Хосе Антонио Рамос Абенгосар. Мадрид, Испания. 2008

Мы должны научиться создавать такие архитектурные композиции, в которых каждый элемент имеет своё законное место и назначение. Надо согласовать множество факторов, материальных и нематериальных, учесть пожелания заказчика и законодательные ограничения. В результате должна родиться гармония частей и целого.

На деле же современное церковное строительство – это умелый монтаж туманных идей, а вовсе не реальных компонентов. Красота не является целью этого поиска, и хотя на архитектурных факультетах страны о ней ведётся речь, трудно определить её природу. Кроме того, бесконечные возможности виртуальных экспериментов ведут к утрате ремесленного мастерства, которое в прошлом было неотъемлемым слагаемым архитектурной красоты.

Священное пространство

Одним из деликатных и острых вопросов церковного строительства является вопрос о священном пространстве. «Священное» – это прилагательное, о значении которого многие авторы спорят по сей день. Для некоторых любое подлинное искусство священно само по себе. Другие приводят цитату из Евангелия от Иоанна, где, в главе 4, стихи 21-24, Мессия говорит самарянке: «Поверь Мне, что наступает время, когда и не на горе сей, и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу. Вы не знаете, чему кланяетесь, а мы знаем, чему кланяемся, ибо спасение от Иудеев. Но настанет время и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, ибо таких поклонников Отец ищет Себе. Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине». Они считают, что Иисус, таким образом, убрал любые разделения между священным и мирским⁷. На этом основывается снос священных барьеров, таких как иконостасы, лектории, балюстрады, и предлагается communio raum, то есть «универсальное пространство» внутри церквей.

Между тем, традиционно внутреннее пространство церкви делилось на разные функциональные зоны, с особой ролью пресвитерия, который в английском языке до сих пор означает «святилище». Ограничение присутствия в нём мирян было бы уместным и целесообразным.

Во внешнем облике церквей было бы правильно восстановить такие символы, как quadriportico⁸ и притвор (пристройка перед входом в храм). Входящий должен сознавать, что он вступает в священное место, которое является частью Небесного Иерусалима. В какой-то степени он вступает в Рай. Совершенно справедливо выражение «Terribilis est locus iste» («как страшно сие место»), часто встречавшееся в прошлом на фасадах многих церквей. Оно было призвано напомнить библейскую

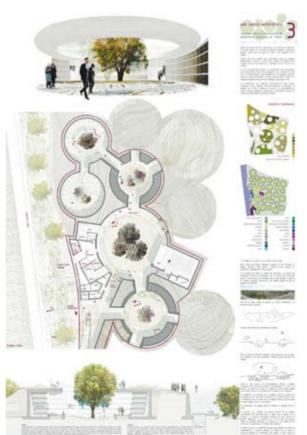
Римский музей искусства XXI века MAXXI. Архитектор Заха Хадид. Рим, Италия

историю (28 глава Книги Бытия) о том, как Иаков остановился отдохнуть на ночь в городе Вефиль (на иврите это означает «Дом Божий»), и ночью, когда он спал, ему приснилась лестница, идущая с земли до неба. Когда он проснулся, то воздвиг на том месте памятный камень, и освятил его этими со словами: «Как страшно сие место! Это действительно дом Божий, это врата небесные».

Эдуардо Дельгадо Оруско. Конкурсный проект кладбища и городского парка Йебес. Гвадалахара, Испания. 2009

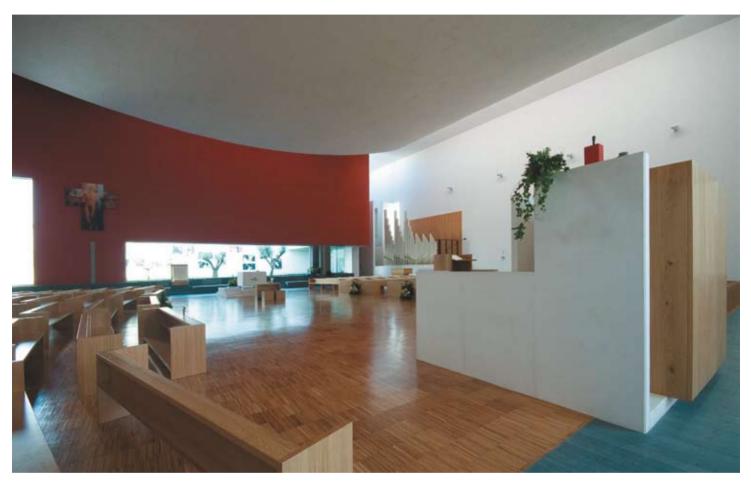
⁷ CRISPINO VALENZIANO, Crispino Valenziano. Architetti di chiese. Palermo: L'Epos, 1995. Pp. 58–68 (Криспино Валенциано. Архитекторы церквей. Палермо: L'Epos, 1995. C. 58–68).

⁸ Quadriportico (ит.) – в архитектуре это открытое пространство, окруженное с четырёх сторон портиками.

Марио Кучинелла. Победивший проект церкви Морманно. Козенца, Италия

Церковь Иисуса Искупителя. Архитектор Мауро Галантино. Модена, Италия. 2008. Пример церковной литургии communio raum

Франческа Лето. Победивший проект церкви для г. Ольбия, о. Сардиния, Италия

Икона Святой Богоматери Одигитрии Уильяма. Темпера по дереву. XII век

⁹Rodolfo Papa. La prospettiva dello spirito // Arte Dossier. 2009. № 258. Pp. 68–73 (Родольфо Папа. Возможность Духа // Arte Dossier. 2009. № 258. C. 68–73).

¹⁰ Эта тема часто затрагивается в журнале «Логово», над ней работает Габриелла Роф.

11 Giovanni Ricciardi. Lo spazio dell'incarnazione: I documenti conciliari nel commento di Steven J. Schloeder // Studi Cattolici. Gennaio 2007. № 551. Pp. 43-46 (Джованни Риччарди. Пространство Воплошения: Соборные документы в комментариях Стивена Шлойдера // Католические исследования. Январь 2007. № 551. С. 43-46). Шлойдер является автором издания Architettura del Corpo Mistico, Progettare chiese secondo il Concilio Vaticano II. Palermo: L'Epos, 2005 (Архитектура мистического Тела. Проектирование церквей в соответствии с заключениями Второго Ватиканского Собора Палермо: L'Epos, 2005).

12 Мари-Ален Кутюрье выступил в роли заказчика капеллы Роншан (1950–1955) и монастыря ордена доминиканцев Ла Туретт (1956–1960) рядом с французским Лионом.

13 «Il vaut mieux, estime-t-il, s'adresser a des hommes de génie sans la foi qu'a des croyants sans talent». Sabine de Lavergne. Art sacré et modernité. Les grandes années de la revue // L'Art Sacré. Paris: Cessius, 1999. P. 29 (Сабин де Ла Вернь. Священное искусство и современность. Великие годы журнала // Священное искусство. Париж, 1999. С. 29).

Иконы

Напротив иконы Пресвятой Богородицы «Одигитрия», находящейся в Епархиальном музее города Монреаленао. Сицилия, православные верующие приходят в волнение и останавливаются для молитвы. Они не понимают, по какой причине византийская

икона Пресвятой Богородицы, подаренная Уильямом II верующим для почитания в храме, находится в музее. Надо заметить, что и архитектура православных храмов до сих пор имеет канонические формы, глубоко мистические и неподвластные времени.

В западном искусстве, в период расцвета средневековья, благодаря той же самой революции францисканцев, святые «вышли» из золотого фона икон, чтобы войти в повседневную жизнь людей.

Это не был простой переход от священного к мирскому. Следы, оставленные Вторым Лицом Троицы в сердцах людей, позволили сделать повествование о делах Божьих на земле близким и понятным всем современникам. Путь творчества, от Чимабуэ до Караваджо, подарил нам большое количество шедевров сакрального искусства. Изображая историю спасения языком своей эпохи, художники делали её доступной и понятной, подчёркивая, что воплощение Сына Божьего делает Его современником каждому человеку. Благодаря мастерству гениев эти изображения, даже если они не являлись иконами, были окнами в трансцендентность, а не фотографиями поверхности. Современным художникам, как правило, это не удаётся...

Сакраментальная грамматика

Сегодня художники и скульпторы находятся в затруднительном положении. После ухода мастеров, которые могли передать своим ученикам секреты изображения идеального тела и прекрасной души, корни изобразительного искусства погибают в кислой и отравленной почве¹⁰. Нелегко найти новый путь изображения реальности, не опустившись при этом до уровня комикса или гиперреализма.

Что касается архитектуры, то вопрос о сакральности был

поднят архитектором Шлойдером¹¹, который справедливо отмечал, что церкви прошлого имеют нечто, что делает их безоговорочно церквями. Даже когда их пространство используется для мирских целей, они через внешний вид передают ощущение таинства, для которого были созданы. Одна из актуальных проблем архитектуры заключается в том, чтобы определить элементы «сакраментальной грамматики» и применять их в проектировании современных церквей, вместо того чтобы просить модных архитекторов использовать их собственные критерии (сомнительные даже в гражданских постройках) в сакральном искусстве.

Пророки новой религии

Некоторые могут сказать: времена изменились, и язык искусства тоже поменялся. Так, заказчик знаменитой капеллы в Роншане отец Мари-Ален Кутюрье¹² считал, что «лучше гений без веры, чем верующий без таланта»¹³. Но беда в том, что такие гении, как Ле Корбюзье, вовсе не были атеистами или неверующими, а являлись последователями других религий, противостоящих учению католической Церкви...

Мало кто задумывается о том, что авангардное искусство начала века зародилось в прямом контакте с Теософским обществом, созданным в начале XX века Еленой Блаватской и антропософом Рудольфом Штейнером. Абстракционизм в живописи и скульптуре, рационализм в архитектуре нашли свою питательную почву именно в этой среде. Авангардные художники считали искусство новой религией, а себя – пророками этой религии. Их по сути иконоборческий подход к искусству стал следствием этих убеждений 14. Архитекторы упорно применяют нормы последних ста лет к проектированию церквей, игнорируя тот факт, что католическое искусство нуждается в собственной системе (эта концепция хорошо объясняется Рудольфом Папа в его «Беседах о священном искусстве») 15, с которой был бы согласен весь католический мир. Вопрос не в стилях (христианская мысль создала разные стили), а в том, что система авангарда не является христианской, поскольку это язык теософии, антропософии, т.е. по сути неоязыческих мировоззренческих убеждений.

Между тем согласно энциклике Evangelii Gaudium Папы Франциска (пункт 167) существует четыре принципа «христианской художественной культуры»: образ, повествование, универсальность и красота. В этом документе Папа цитирует Указ о мерах социальной коммуникации, принятый Вторым Ватиканским Собором.

Просветы в ночи

Сакральное искусство в наше время пребывает в ночной тьме, но есть и редкие просветы, дающие надежду, – это

Второй Гётеанум. Дорнах, Швейцария. 1928

Рудольф Штайнер Елена Блаватская

различные инициативы, направленные на изменение установившихся современных тенденций.

Одним из таких просветов является конкурс «Мастер архитектуры, сакрального искусства и литургии», созданный в 2007 г. по инициативе Папской Комиссии по культурному наследию Церкви и переданный в настоящее время в руки Конгрегации поклонения Святому Престолу. До сегодняшнего дня этот конкурс проводился в Римском Европейском университете. Сотни архитекторов, художников, скульпторов, руководителей разных ведомств по сакральному искусству со всего мира приняли участие в этом конкурсе. Жива надежда, что новое поколение специалистов, основываясь на глубоком понимании христианского искусства, сможет создать новые прекрасные работы, соответствующие своему назначению.

Это совсем не просто. Современная идеология, предлагаемая студентам академий изящных искусств и архитектурных факультетов, уже с первого курса вынуждает их пребывать в виртуальном мире своих преподавателей и адаптироваться к их стилю, их методу, часто в отрыве от здравого смысла¹⁶. Важным событием в этой области стало открытие во Флоренции в 2013 году Sacred Art School (Школы сакрального искусства). В этой школе большое внимание уделяется стилю Возрождения, устраиваются курсы живописи, скульптуры, ткачества, работы по дереву, курсы по ювелирному делу. **Е**щё одной значительной инициативой является «Мастер II уровня» по истории и технологии ювелирного дела, который ведётся в Палермо совместно с Arces (университетский коллегиальный орган, создавший в 1995 году свою собственную ювелирную школу). На первых двух курсах прошли обучение 33 студента, они получили прочную подготовку по оценке, каталогизации и реставрации ювелирных изделий 17.

Растёт потребность в создании высшей школы искусств и ремёсел. Нам нужен новый Баухауз. Тот, который был создан в Веймаре в 1919 году, обладал отличными методами обучения. К сожалению, многие дисциплины основывались на тео-

ретических принципах, обобщённых девизом «Начнём всё с нуля», поэтому исчезли традиции ручной работы, ремесленного мастерства, родился так называемый минималистский дизайн, да и сама архитектура преобразовалась в дизайн.

Тем не менее методы Баухауза можно использовать и сегодня, нужно только улучшить теоретическую базу и вернуть мудрость ремесленного искусства. Сакральное искусство может возродиться на основе нового слияния глубокого христианского мировоззрения и возврата к мастерству, где ручное оформление церквей и скрупулёзное следование старым методам будет разумно сочетаться с техническими новациями.

Об авторе: Чиро Ломонте – архитектор, автор текстов по архитектурно–литургической теории. Организатор курсов серебряных и золотых дел мастеров. Профессор магистратуры «Архитектура священных искусств и литургии» в Европейском университете в Риме

¹⁴ Ciro Lomonte. Ripartire da zero? Perché i linguaggi dell'architettura moderna non sono adatti alla liturgia // Hetzendorf und der Ikonoklasmus in der zweiten Halfte des 20. Jahrhunderts: Il libro trilingue a cura di Heidemarie Seblatnig. Wien: Facultas Verlagsund Buchhandels AG. 2010 (Чиро Ломонте. Начать всё с нуля? Почему язык современной архитектуры не подходит для литургии // Хетцендорф и иконоборче-СТВО ВО ВТОРОЙ ПОПОВИНЕ XX века: Трехъязычная книга под ред. Хейдемари Себлатниг Вена: Издательский дом Facultas,

15 «Выражение "художественная система" предполагает набор принципов и правил, которые лежат в основе системы знаков, выявляя их смысл». Rodolfo Papa. Discorsi sull'arte sacra. Siena: Edizioni Cantagalli, 2012. Р. 94 (Родольфо Папа. Беседы о священном искусстве. Сиена: Edizioni Cantagalli, 2012. С. 94.

16 Roger Scruton. La bellezza. Ragione ed esperienza estetica. Milano: Vita e Pensiero, 2011 (Роджер Скрутон. Красота. Разум и эстетический опыт. Милан: Vita e Pensiero, 2011). Английский философ является также автором замечательного документального фильма Why beauty matters («Почему красота так важна»), показанного в эфире ВВС 28 ноября 2009 г.

17 Sogni d'oro. Criticitá ed eccellenze nella Sicilia post industriale. A cura di Guido Santoro. Palermo: Arces, 2014 (Сладкие сны. Критичность и превосходство в постиндустриальной Сицилии. Под ред. Гвидо Санторо. Палермо: Arces, 2014).

Сантехническая архитектура

Текст: Леонид Лавров

Это здание выгодно отличается от многих других построек в центре Санкт-Петербурга: теплообменники кондиционеров здесь загромождают только боковой фасад

На фасадах старинных зданий в центре Санкт-Петербурга часто можно видеть таблицы, рассказывающие об истории строения и подтверждающие, что оно находится под охраной государства. Время от времени возникают скандалы, связанные с попытками арендаторов или владельцев соорудить здесь мансарду, добавить лишний этаж, произвести какую-либо другую перестройку, нанеси ущерб внешнему облику памятника архитектуры. Привлекают внимание и изменения, отражающие внедрение современных технических устройств в структуру старинной постройки. Администрация даже принимает постановления, призванные упорядочить замену ветхих оконных блоков на прогрессивные стеклопакеты, убрать с городских фасадов тарелки спутниковых антенн и коробки кондиционерных теплообменников.

Но здесь всё идет ни шатко ни валко.

Когда идёшь в центре города вдоль гранитной набережной, поневоле любуешься сменяющими друг друга замечательными фасадами. И вдруг бросаешь взгляд вдоль боковой улицы и видишь, что здесь все эти красоты перемежаются гирляндой разнокалиберных прямоугольных ящиков, навешенных на торчащие из стены металлические консоли: в доме установлены кондиционеры. На тротуаре — лужи капающего сверху конденсата.

Очевидно, что такое принципиальное изменение фасада происходило без какого-либо участия архитектора и стало результатом деятельности коммунальной службы и техников-монтажников. Подобных теплообменников на фасадах Санкт-Петербурга появляется всё больше и больше. Как с этим быть?

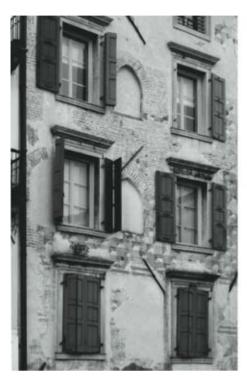
Конечно, необходимо продолжить борьбу за сохранение исторического наследия, но интересно и рассмотреть появление новых элементов на фасадах в рамках общего процесса эволюции архитектуры как свидетельство возникших проблем. Подобно тому как в медицине наружный осмотр является первым шагом при диагностике возможного заболевания — вероятно, и для архитектуры может быть применим подобный метод: «отчего на коже здания появляется такая сыпь?», «почему организм дома не смог противостоять этому воздействию?»

Если обратиться к истории зодчества, то появление какихлибо технических устройств на фасадах можно обнаружить с середины XIX столетия. До этого к строительной конструкции дома больших претензий не предъявлялось. «Можно сказать, что если в прошлом строили навечно, то только потому, что всё было неизменным. В самом деле, в развитии комфорта не отмечено никаких изменений от эпохи Возрождения до 1850 г.»¹. На фасадах старинных домов во многих городах Европы можно видеть вновь пробитые проёмы и следы замурованных, рассмотреть элементы существовавших арок — обычно эти изменения были связаны с предпринимавшимися их перепланировками или с желанием улучшить освещение внутренних помещений, проявлявшимся после внедрения стекла в строительную отрасль (примерно с XVI-XVII веков).

В середине XIX века началось превращение дома в «машину для жилья». Сначала появилось техническое устройство в виде водопровода (до этого приходилось доставлять воду вёдрами или кувшинами из колодцев, покупать у водовозов). Умелые ремесленники протягивали трубы по стенам, просовывали через перекрытия (в пазухах между деревянными балками места было достаточно), крепили к стенам кухонные раковины. А слив грязной воды проще всего было организовать через трубы наружного водостока, которые к тому времени уже были установлены повсеместно.

Оставалось только навесить на фасад дополнительное коленце, и система заработала. Правда, в холодные дни такой водоотвод промерзал (но ведь в Европе морозы бывают нечасто) – так было и проще, и дешевле вести строительные работы, а о связанном с этим изменением фасадов, судя то всему, тогда никто особенно не горевал.

¹ М. Рагон. О современной архитектуре. М.: Стройиздат, 1963. 232 с. С. 38.

Такую картину можно видеть нередко в старинных городах Европы: на протяжении столетий в этих стенах оконные проёмы то пробивали, то замуровывали

Это техническое решение оказалось столь эффективным, что сохранилось кое-где в кварталах старых городов до наших времен. В Лондоне некоторые подобные артефакты законсервировали как технический памятник. Однако на следующем этапе развития строительной техники распространение получили такие системы водопровода и канализации, которые скрывают свои основные элементы внутри здания.

Другие признаки кризиса проявились в американских городах после чикагского пожара 1871 года. Были повышены требования к устройствам аварийной эвакуации в многоэтажных зданиях, и по фасадам протянулись аляповатые конструкции приставных противопожарных лестниц. Со временем были разработаны варианты решения, в большей мере гармонирующие с общей стилевой характеристикой постройки либо скрывающие такие лестницы внутри строительного объёма. Впрочем, в некоторых американских городах и сейчас сохраняются целые гирлянды лестниц первого поколения, демонстративно дисгармонирующих с претенциозно прорисованными фасадами в стиле эклектики, – их рассматривают как наглядное свидетельство истории зодчества.

В истории архитектуры нашего города тоже существуют свидетельства возникавших противоречий между внешним обликом здания и функциональными потребностями

проживавших в нем. Обратимся к фотографиям Санкт-Петербурга начала XX века. Привлекает внимание одно из изображений Зимнего дворца – не то, которое представляет парадный южный фасад, раскрытый к Дворцовой площади, а другое, где зафиксирован западный, Адмирал-

тейский фасад, выходящий к зелени собственного садика.

Трубы водопровода и канализации на фасадах старинных домов можно видеть не только в Лондоне (как на этом снимке), но не всегда они находятся в таком хорошем состоянии

Наружные металлические лестницы на фасадах столетних зданий стали хрестоматийным образом американских городов

Удивляет вид балконов, повисших над барочными трёхчетвертными колоннами на отметках третьего и второго этажей. Пять подобных балконов появились на фасаде в середине XIX века, когда эта часть здания Зимнего дворца приспосабливалась для жилых целей. В соответствии с требованиями бытового комфорта просторные залы в этот период из чисто прагматических соображений делились дополнительными перегородками и перекрытиями, устраивались лестницы и антресоли,

монтировалось инженерное оборудование. Было высказано пожелание об устройстве балконов, и эти утилитарные работы продолжились на фасаде. Конечно, во дворце со стороны Дворцовой площади имелись балкончики небольшого выноса и даже две обширные открытые площадки над парадными крыльцами боковых ризалитов, но они предназначались для представительских целей. Чтобы обеспечить создаваемое во дворце жилище «летними приквартирными открытыми помещениями» (именно так официально называются балконы в современных строительных нормативах), в теле трёхчетвертных колонн укрепили металлические кронштейны, на них уложили настил, для ограждения подобрали имевшиеся на складах металлические решётки (запас был невелик, поэтому пришлось для каждого балкона применить иной рисунок ограждения, не всегда вписывавшийся в стилистику барокко). Очевидно, что в данном случае не обошлось без участия архитектора, однако уже в 1920-е годы балконы демонтировали: использование Зимнего дворца как жилища закончилось, он превращался в музей, и зданию возвращали первоначальный облик.

Во всяком случае, этот пример зафиксировал возраставшие требования потребителя к городскому жилищу. В истории

петербургской архитектуры он не привлёк должного внимания, между тем именно тогда был продемонстрирован новый подход к формированию фасада жилого здания, который стал само собой разумеющимся в XX веке. До этого (и ещё многие годы после этого) балконы и лоджии рассматривались зодчими как декоративный элемент композиции фасада, имевший репрезентативное значение. Как составная, а в некоторых странах – обязательная часть городской квартиры он получил распространение лишь к середине XX века.

На другой фотографии привлекают внимание фанерные короба, в своё время нависавшие перед кухонными окнами большинства наших домов. В холодное время года в них хранили скоропортящиеся продукты, многим семьям они отчасти заменяли крайне редкие и дорогостоящие холодильники. Трудно сказать, когда они появились, но в 1960-80-е годы их можно было видеть и на фасадах новых крупнопанельных хрущёвок в спальных районах города. Пришли новые времена, холодильник стал распространённым и доступным элементом бытового комфорта, и ящики перед кухонными окнами мало-помалу стали исчезать.

Иначе сложилось с остеклением лоджий и балконов: вначале процесс был стихийным и самовольным, администрация старалась его пресекать, но сейчас большие остеклённые поверхности стали характерным элементом массового жилища.

Так как же всё-таки быть с теплообменниками кондиционеров, которые засоряют фасады многих петербургских домов?

Возможно, похожие вопросы озадачивали европейских архитекторов и строителей уже лет 150 тому назад, когда потребовалось обеспечить жилые дома водопроводом, канализацией, а впоследствии электричеством и «паровым отоплением»

Проблема взаимодействия строительной конструкции и инженерно-технических систем здания имеет сравнительно короткую историю по сравнению с тысячелетней историей архитектуры. Многие века уровень требований рядовых горожан к бытовому комфорту был весьма невысок и стабилен. Люди прошлых столетий показались бы нашему современнику весьма неприхотливыми. Воду приходилось приносить со двора вёдрами. Люфт-клозеты обычно размещались вне квартиры. Из соображений экономии дров в зимний период комнатную температуру в 18 градусов тогда считали вполне приемлемой. Лестницы, поднимавшиеся до высоты 17-18 метров, не считались удобными, но альтернативы им не было — приходилось тащиться пешком.

Первыми чисто функциональными «летними открытыми приквартиыми помещениями» в Санкт-Петербурге можно считать эти балконы на фасаде Зимнего дворца

Взданиях использовалось относительно несложное техническое оснащение, поэтому в триаде «пользы, прочности и красоты» объектами внимания зодчих были прежде всего строительный объём и его лицевой фасад.

В конце XIX – начале XX века меняются представления о бытовом комфорте, продолжается динамичное насыщение жилых и особенно офисных зданий разнообразным инженерным оборудованием. Многие виды удобств обеспечиваются средствами, которые сейчас выглядят примитивными, кустарными: электричество в квартиры дома поступает от собственного машинного зала, занимающего подвал дома. Вопрос с отоплением решают расположенные здесь же котельные. Канализационные стоки накапливаются в выгребах, располагаемых во дворе. Можно напомнить, что некоторые из перечисленных устройств сохранялись в ленинградских домах до 1950-х годов.

В начале XX века архитекторы и инженеры ещё не вполне ясно представляют, какое новое оборудование и где должно

быть установлено (например, в домах на Тракторной улице существовал вариант размещения ванны на кухне). Инженерная составляющая занимает всё более существенную долю в сметах на строительство. Техническое обслуживание здания обходится недёшево и требует квалифицированных специалистов. Такая ситуация позволяет Ле Корбюзье утверждать: «Дом – машина для жилья». В некоторых трудах дом рассматривается как «сооружение, служащее для циркуляции воздуха, для поддержания равномерной температуры», а его фасад воспринимается как оболочка этого сооружения. Судя по всему, подобная точка зрения получила распространение и в современном Санкт-Петербурге. Она позволяет без лишних сомнений навешивать гирлянды теплообменников или тарелки телевизионных антенн на фасады памятников зодчества. Однако подобное «соучастие потребителя» в формировании (а точнее – в изменении) образа архитектурного объекта недопустимо ни с юридической стороны, ни с теоретических позиций.

В рядовой застройке Санкт-Петербурга первой половины XIX века балконы можно было видеть нечасто, а их положение на фасаде во многом определялось художественнокомпозиционными соображениями

В нашем городе фанерные ящики для хранения продуктов часто можно было видеть вставленными в проём кухонного окна, они исчезли с распространением холодильников. В городах Южной Европы или Юго-Восточной Азии на фасадах и сейчас широко распространены разнообразные устройства ляя сушки белья

Возможно, и в Санкт-Петербурге пара зданий с теплообменниками на фасаде могла бы быть сохранена как курьёз начала XXI века. Однако существующие масштабы распространения этих наростов требуют иного решения.

Обилие теплообменников на фасадах зданий отличает Санкт-Петербург не только от европейских городов со сходными климатическими условиями (Хельсинки или Стокгольма, например), но и от расположенных гораздо южнее Вены и Парижа. В центральных районах этих городов невозможно увидеть коробку бытового кондиционера на фасаде здания, где расположилось солидное учреждение, – ведь такая картина нанесла бы существенный ущерб репрезентативному образу фирмы: здесь используют не то, что «дёшево и просто», а то, что соответствует высокому уровню пользователя (а о стоимости современной системы кондиционирования говорить в таких случаях не принято). В районах с дорогостоящими квартирами кондиционеры на фасаде могут нанести финансовый ущерб собственнику дома, поэтому для размещения теплообменников находят более подходящие места – например, в габаритах оконных проёмов.

Надо бы уточнить и реальную потребность нашего города в таких кондиционерах. Сейчас по насыщенности теплообменниками Санкт-Петербург мог бы конкурировать с африканским Каиром или расположенным в тропиках Ханоем. Возникают вопросы:

- насколько необходимы технические средства регулирования микроклимата жилых и общественных зданий в летний период на 60° северной широты?
- нельзя ли приблизиться к требуемым показателям за счёт приспособлений, использовавшихся в Санкт-Петербурге тра-

диционно, но оказавшихся забытыми в наше время? **И**зображения городских ландшафтов Петербурга XIX начала XX века на картинах художников и на фотографиях свидетельствуют, что в летний период популярным средством защиты от солнца были маркизы. Их можно было видеть и над окнами Главного штаба на Дворцовой площади, и на обывательских домах вдоль Екатерининского канала или Мойки. В Вене и Париже и сейчас находят своё применение подобные традиционные виды солнцезащитных устройств, а также всё шире внедряются новые (например, наружные жалюзи — «рафшторы»), которые помогают, помимо прочего, сберегать тепло в холодный период года). К сожалению, в нашем городе этот опыт не учитывается.

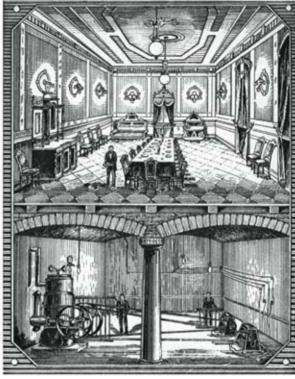
Глаз петербуржца режут многоэтажные новостройки, взрывающие исторический силуэт города. Журналисты не могут пройти мимо аляповатой мансарды, оседлавшей старинное здание. Но уже не все замечают поднявшиеся над коньками крыш надстройки домовых котелен или машинных отделений лифтов – их много, они уже стали привычной частью городского ландшафта, такими же, как водосточные трубы или рекламные щиты.

И всё же размещение множества персональных теплообменников на фасаде следует считать признаком первоначального, «кустарного» подхода к решению задачи, отражающего и невысокий уровень кооперирования пользователей здания.

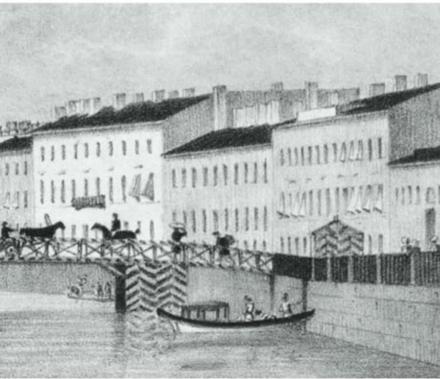
Между тем процесс развивается. В современных высокотехнологичных зданиях фасад представляет собой сложный продукт, при создании которого архитекторы сотрудничают не только с инженерами-конструкторами, но также с дизайнерами, теплотехниками, светотехниками и т. д. В 1987 году стал сенсацией проект Института арабского мира, где Жан Нувель представил оригинальное решение фасада, рисунок которого издали напоминал восточный ковер. Однако всеобщее внимание привлекала не эта орнаментика, а конструкция, напоминавшая механизм диафрагмы старинного фотоаппарата: рисунок был образован множеством отверстий разного размера, которые могли открываться и закрываться, тем самым регулируя светопоступление в здание. Безусловно, мы имели дело с самым настоящим «механизмом для жилья».

Идея была подхвачена, и ныне множество офисных зданий во всём мире оснащено подобными фасадами, но уже нового технологического уровня XXI века — меняющими свой облик в течение дня, со сложными системами автоматизированного зашторивания, с управляющей электроникой, с запрограммированными характеристиками стекла. Какую роль играет здесь архитектура и что ждет её в дальнейшем?

Во второй половине XIX века разнообразные технические устройства начинают появляться в структуре дома. С появлением общегородских сетей они демонтируются. В некоторых странах Азии и Африки и сейчас каждый домовладельц обеспечивает себя электричеством с помощью собственного дизель-мотора

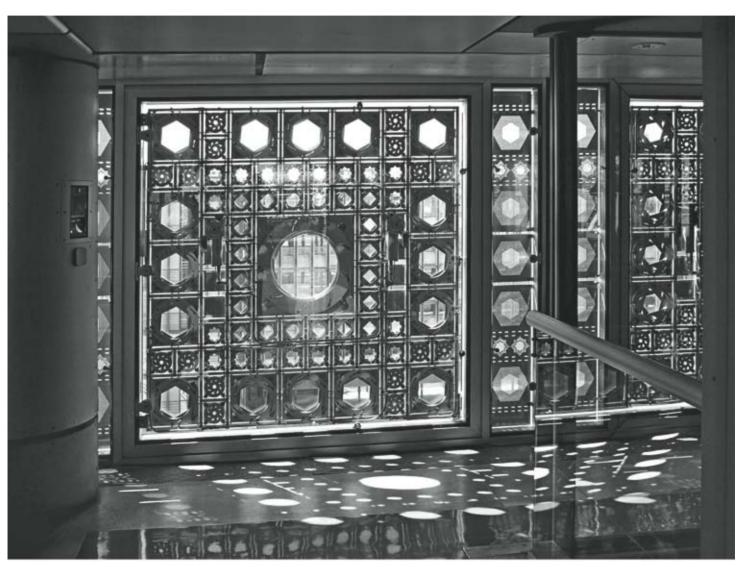
В Санкт-Петербурге на протяжении столетий солнечную радиацию городских домов сокращали с помощью маркиз и навесов на окнах

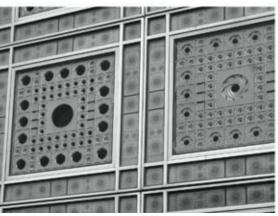
В исторических центрах европейских городов и сейчас можно видеть такие же маркизы на окнах, как и столетие назад (здесь – Вандомская площадь в Париже)

В современном Петербурге для предотвращения перегрева помещений в летний период используют технические средства

Регулируемая солнцезащита на южном фасаде Института арабского мира в Париже вызывает ассоциации со старинными часовыми механизмами или диафрагмами оптических аппаратов.
Пришедшие на смену системы новых поколений сопоставимы с электоавтомобилем, оснащённым бортовым компьютером

Об авторе: Леонид Павлович Лавров – доктор архитектуры, профессор СПбГАСУ

К юбилею Академии художеств

Академия 1920-х в мемуарах О.А. Бембель-Дедок

Ольга Дедок и Андрей Бембель – студенты ВХУТЕИНа

4 ноября 1764 года императрица Екатерина II «даровала» Академии художеств устав и «Привилегию» – этот день считается вторым рождением знаменитого учреждения¹. Таким образом, осенью 2014 года

Академия художеств в Санкт Петербурге отметила 250-летний юбилей. В связи с круглой датой публикуем отрывки из воспоминаний Ольги Анатольевны Бембель-Дедок², студентки скульптурного факультета Академии 2-й половины 1920-х годов. Её однокурсник и будущий супруг Андрей Онуфриевич Бембель³ впоследствии стал одним из известнейших белорусских скульпторов-монументалистов. Обучение Ольги и Андрея пришлось на один из самых сложных, переломных периодов в долгой академической истории. Тем ценнее воспоминания, записанные Ольгой Анатольевной в 1960-е годы и изданные небольшим тиражом в Минске в 2005 году к 100-летию А.О. Бембеля.

* * *

И вот начались экзамены. Приехав, узнаю, что первый — обществоведение. Вот это номер! Я даже не читала газет. Вместо этого купалась и писала маслом. Даже бралась за обнажённую натуру и заставляла Стасю⁴ позировать на солнце, на берегу речки. Бедная Стася! В какой бы удобной позе она ни лежала, как только я бралась за карандаш, она кричала: «Ой, меня опять заковали в цепи!»

Обществоведение не было предусмотрено моей программой. Как всегда, среди толпы экзаменующихся нашлась группа всезнаек, которые охотно давали консультацию бедным колеблющимся девушкам. Двое занялись мной. Мы допоздна бродили по набережной, и я всё больше убеждалась в своём невежестве.

А наутро — нет моего экзаменационного билета! О, ужас! Бегу в канцелярию и бормочу об этом. Ледяной взор канцеляристки. «С тех пор, как стоит Академия, такого случая не было». Беспрецедентно! Как же теперь быть? Она пожимает плечами. Все-таки дубликат билета мне дали. **Н**е помню, как я сдала политграмоту, думаю, в этом большая заслуга нашего милого «Лиха». Политэкономию он в нас внедрил.

Впереди рисунок и скульптура.

На экзамене дали рельеф. Неожиданно и необычно. Но я рада, я лепила его с Всеволодом Всеволодовичем⁵ и уже знаю основные принципы. Поставлен «Дискобол». Я леплю приподнято и бодро и краем глаза наблюдаю моих товарищей.

Девушек только три. Высокая стриженая смуглянка явно смущена. Да оно и понятно: она только что кончила школу — никакой подготовки.

Вторая — маленькая, чуть кукольная, держится уверенно. С нею друзья: высокий, кудрявый, очень застенчивый парень и второй — блондин, пониже. Как хорошо быть не одной. Они тайком ободряют, поддерживают друг друга. Очень высокий, неприступно авторитетный товарищ в галифе с кожей лепит, не глядя вокруг. А впереди, легко играя стекой, в сложном ракурсе лепит коренастый крепыш в клёше и матросской синей блузе. И эта работа невольно привлекает внимание. Я леплю планами, и парень в галифе тоже. А этот даёт всю форму целиком, свежо и законченно. Рельеф даёт сразу впечатление круглоты. Точный рисунок уводит фигуру в пространство.

Но, Боже мой, как недоступно высокомерен сам автор. С какого Олимпа он взирает на нас, грешных! Какое высокомерие написано на его полудетской мордахе! «Жаль, что такой, несомненно, талантливый мальчик так дурно воспи-

¹Первая дата — 6 ноября 1757 года, когда Академия была основана императрицей Елизаветой Петровной по инициативе М.В. Ломоносова и И.И. Шувалова.

² Ольга Анатольевна Бембель-Дедок (1906– 1974) – белорусский советский скульптор.

³ Андрей Онуфриевич Бембель (1905–1986) – белорусский советский скульптор, народный художник БССР.

тан», — решаю я и смотрю в другую сторону.

Неделя трудов — и известны результаты. В числе принятых три отмеченных: Ульянова (товарища в галифе), Бембеля (мальчика в матроске) и моя. Я ликую. Рисунок сделан параллельно. Теперь литература и математика. Выручайте, «кончики пальцев»! Пишу сочинение на вольную тему: «Мои взгляды на роль искусства». Боже мой, что я там написала. На десятом небе от успеха, опять почти поверив в свою гениальность и призвание. Я развернулась. Как, вероятно, улыбались читавшие этот наивный девичий лепет. И много позднее, когда я вспоминала свою писанину, мне было неловко. Но ошибок там не было, и математика прошла без заминки. Я принята. Ведь и по происхождению я — дочь рабочего.

И вот я вступаю в стены, которые заприметила ещё в свой первый детский приезд. Я буду учиться в этом мрачном храме, куда, казалось мне, вступают самые избранные. Я буду ежедневно проходить мимо древних египетских сфинксов, застывших на гордой Неве...

Нас принято одиннадцать: Ульянов, Хома, Бембель, Ахунов, Лоренцов, Ваня Баранов, Шкамерда, Счастнев, Кучерова и я.

Егор Измайлов, с которым судьба свела меня позднее, срезался на математике.

**

Большую роль для меня сыграло то, что мне дали стипендию. Я смогла больше не брать денег у мамы и сестры и все равно была богаче, чем год назад: 33 рубля — это больше, чем 30, и не надо платить 10 за комнату, общежитие стоит гроши. В такой комнате мне жить ещё не приходилось. Третий этаж в бывшем дворце, комната большая, светлая, с балконом на Неву, паркет, лепные потолки и нас только трое: Надя Кучерова — моя однокурсница, высокая смуглая украинка из Симферополя; Катя Алексеева — гладко причёсанная, коротко остриженная по-крестьянски в кружок, с характерным волевым, с горбинкой, носом и голубыми маленькими глазами. Она была уже на втором курсе и сразу же стала главной. Третья — я.

Из гнетущего, ещё напоминающего Достоевского, Петербурга я переселилась в новый город — Ленинград. И я уже не обуза близким; не беда, что мне ещё много учиться, меня обеспечивает государство. Легко и свободно стало дышать.

Начались занятия. Теперь уж каждый день с 9 утра я шла на Литейный и 4 часа работала в скульптурной мастерской. <...>

⁴ Анастасия Анатольевна Дедок, сестра Ольги.

⁵ Всеволод Всеволодович Лишев (1877–1960) — русский и советский скульптор. Народный художник СССР (1957). Лауреат Сталинской премии второй степени (1942).

Мемориальный комплекс «Курган славы» в Белоруссии. Скульпторы А. Бембель, А. Артимович; архитекторы О. Стахович, Л. Мицкевич; инженер Б. Лапцевич. 1969

**

Итак, я студентка скульптурного факультета. Всё ново для меня. Всё кажется «романтичным». А наш профессор Роман Романович Бах⁶ — почти семи- или восьмидесятилетний старец, маленький, волочащий ногу (тогда я ещё не знала, что это значит), язвительный и очень остроумный. В десятом часу мы издали слышали его шаги: стук палки и шарканье отстающей ноги: наконец появлялся он сам. Тишина. Роман Романович обходит всех и каждому задаёт вопрос: «Где Вы учились? У кого?» «В Витебске у Керзина», – отвечают Хома и Бембель. «Хорошо, – говорит Р. Р. – Сразу видно, работа идет хорошо. А Вы?» Бедные Лоренцов и Ахунов! Каждый день они должны отвечать: «В Свердловске, у Синайского». «Тьфу! Оно и видно! и шествует дальше: — Вы?» «Нигде», — отвечает Надюша Кучерова. «Это лучше. Лучше нигде, чем у Синайского». Мое положение неплохое: «У Лишева». – «Хорошо, хорошо». И так каждый день.

О руководстве нашей работой не могло быть и речи. Р. Р. указывал на недостатки, которые бросались ему в глаза, но не мог учить нас какой-либо последовательности в работе. Я руководствовалась принципами, внушёнными мне Лишевым, смотрела, как работают старшие курсы, училась у товарищей. Катя Алексеева регулярно приходила корректировать меня и Надюшу. Но по рельефу проф. Симонов повёл нас строго научно, он за четыре года научил нас владеть принципами рельефа. Богом в Академии был Матвеев. Старшие курсы только его и признавали. У нас он вёл композицию. Очень спорным было его руководство. Он

был лишён рационального начала. Ни один принцип не был им сформулирован. Объяснить он ничего не мог. Жест. Два-три отрывистых слова. «Вы поняли?» Его понимали старшие. И поясняли нам. Мы прислушивались. И уже на первом курсе у нас появились оппозиционеры.

* * *

Я была неразвита и не подготовлена. Полное невежество в вопросах искусства. Ещё в техникуме я тащила себя за уши, все воскресенья проводила в Эрмитаже, иногда в Русском; читала, ходила на выставки. Особое место занимали посещения собраний художников. Меня ошеломила атмосфера неприязни, личной вражды, резкости в спорах, переходившей в личные оскорбления. То был период, когда формалисты всех мастей и толков провозглашали свои декларации, рвались к власти, боролись за руководящие места. Институт истории искусств был полностью в их руках. Я в нем не «осела». Просто времени не хватало. Всё оно шло у меня на лепку, на рисунок, на акварель. А в Академии и вовсе стало не до шуток, к концу года «чистили» случайно попавших, не оправдавших доверия. Да и просто мне мало было четырёх часов скульптуры, иногда я не шла на лекции, оставалась ещё работать. Штудировали анатомию, лепили голову; перешли к античным слепкам. Академия была ещё оплотом «академизма». Волны протеста её захлестывали снаружи, они же поднялись и изнутри. Вот к нам приехал Луначарский. С ним была киноактриса Малиновская. Жеманная, нарядная и явно ничего не понимающая, она ходила как украшение группы властителей по мастерским. Но вот состоялось собрание коммунистов и комсомола с тов. Луначарским. А «беспартийная масса» осталась без узды и без присмотра. Но здесь были свои вожди. Всё было организованно. Момент был использован блестяще. Занятия сорваны. Мы все на собрании. Ораторы бьют себя в грудь.

Все формалисты Ленинграда выступили здесь. Академия душит таланты, уродует жизнь. Закосневшая мертвечина требует уничтожения. Жизнь мчится вперед, как паровоз, дряхлая косность стоит на пути и мнит себя способной остановить жизнь, остановить паровоз. Да нет же, она, мертвечина, будет раздавлена. Долой гипсы! Долой анатомию! Долой одряхлевших духовно, живущих в XIX веке профессоров! Дорогу студентам! Дорогу кубистам! Дорогу беспредметникам!

Я слушала, разинув рот, и всё это мне очень нравилось. Но ясно было видно, как из волн протеста выглядывают ловцы рыбки в мутной воде.

⁶ Роберт Романович (Робертович) Бах (1859-1933) — российский скульптор, академик Петербургской Академии художеств (с 1891)

Много хлопот нашему руководству наделало это собрание. Всё осталось, конечно, по-старому. Резолюцию направили Луначарскому, она осталась без ответа. В ответ на протест ВТИ тринадцать, согласно их желанию, были уволены. Некоторое время мастерские гудели. Потом тринадцать стали проситься назад, каяться. Их простили, приняли. Учебные планы, программы остались прежними. По вечерам приходило к нам много ребят, до хрипоты спорили об искусстве. Катя была заводилой. Меня поражало их полное неумение выражать словами свои мысли. То же было характерно для Союза художников. Зато очень широко применялись жесты.

Итак, последний, четвёртый учебный год. Много перемен он нам принёс. Новый ректор Маслов⁷. «Административный восторг» — так называется подобного рода деятельность. И в этом административном восторге он завернул так круто, что расхлебать его «кашу» удалось только через много лет.

Прежде всего, была изгнана старая профессура. На подготовленных заранее собраниях-спектаклях профессора наши отчитывались о своей творческой и педагогической деятельности. Затем начиналось линчевание. Студенты один за другим выступали с трибуны и лили грязь. Такому же оплеванию подвергся и Всеволод Всеволодович Лишев. Забыто было всё, что дал он Академии, своим студентам. Сжав зубы, сидела я. И не я одна — ведь много было у него учеников, ценивших его вклад.

И тут выступил Андрей. Он часто и со смаком выступал, и говорил всегда, не считаясь ни с кем и ни с чем. Но здесь он превзошёл себя. Защищая Лишева, оценивая его роль в Академии, он вскрывал причины гонения. Уничтожающей критике подверг он линию Маслова. Он высмеял поддержку парторганизацией мероприятий, направленных на развал учёбы студентов. Вообще это было забавно. Засунув руки в карманы, голодранец ходил взад-вперед по сцене и громил ректора и парторганизацию. Затем резкое выступление Лишева, его «до свидания!».

Аплодисменты оба оратора сорвали неплохие, да и планы дирекции слегка покачнули.

Итак, профессора изгнаны. У нас остался только Симонов, уже не в роли декана, а лишь скромного преподавателя рельефа. Он очень приспосабливался к студентам, был с нами в хороших отношениях. Держался он не так уж за своё профессорское место. Ему хотелось хоть что-то сохранить от учебных планов, сохранить возможность передачи знаний.

Музей скульптуры Академии художеств был единственным в своем роде в Советском Союзе. В нём были редчайшие слепки, почти первые с античной скульптуры. История искусства Греции и Рима была представлена очень полно, и не только мы, но и студенты других художественных учебных заведений проходили в нём историю искусств. «Долой гипсы!» издал наш Маслов боевой клич, и полчища студентов, одержимых бешеным восторгом разрушения, принялись громить Антиноев, Зевсов и Венер. В течение нескольких часов музейные залы

и академический парк превращены были в груды битого гипса.

Скульптура «Родина», венчающая павильон Белоруссии на ВДНХ в Москве. Скульптор А. Бембель. 1954

К нам перевели живописцев и скульпторов из Москвы. На наш курс пришли Штамм и Вениаминов - очень симпатичные и талантливые ребята. Их приёмы в работе резко отличались от наших. И фактура также. Они очень обостренно воспринимали форму, утрировали, но лишь настолько, чтобы резче выявить характер, и, моделируя, не заглаживали поверхность, а оставляли зернистую фактуру. **М**не нравились их живые, свежие работы и они сами. Хотя девизом нашего обучения была «организация формы изнутри», отнюдь не все её воспринимали. Ещё в первый год обучения один из подающих надежду студентов — Заир Азгур 8 — говорил мне, что никак не мог понять, что за этим стоит. Но он и не стремился к этому. Интуитивно схватывая объём и форму, он всё свое внимание и любовь отдавал

⁷ Фёдор Афанасьевич Маслов – ректор Академии художеств с 1929 по 1932 г.

⁸ Заир Исаакович Азгур (1908-1995) - советский и белорусский скульптор. Народный художник СССР (1973).

отделке поверхности. Прорабатывая глину, он заглаживал и полировал свои бюсты, добиваясь фактуры гладкой и блестящей. Он так и не ужился в Академии. Несмотря на успехи и признание, он ушёл со второго курса и увлёк за собой не менее одарённого Володю Риттера. Ходили легенды, якобы они бродяжничали, пытались перейти границу, даже были обстреляны. Но так или иначе, Володя вернулся, потеряв два года, а Заир, так и не найдя себе школы по вкусу, работал и рос самостоятельно.

Оставшись без профессора, мы гадали, кого нам дадут взамен? Пригласят ли москвичей или кого-нибудь из ленинградцев?

Но мы ошиблись. Деканом был назначен Белашов, в прошлом году окончивший BXУТЕМАС. Он был хороший организатор и общественник. В преподаватели попала Катя Алексеева — она тоже окончила учебу.

Раз утром входит к нам Коля Саватеев. «Принимайте преподавателя!» — говорит он, смущаясь и смеясь.

Мы растерялись... Как-никак, ведь мы же дипломники! Ребята не скрыли своего иронического отношения. Ведь Николай — умный, активный, энергичный человек, но он совсем не был талантлив. В искусстве он просто был незаметен — и вот теперь он наш преподаватель.

Мы с Надей сразу завязали с ним разговор. Он наш хороший товарищ, и надо было разрядить неловкость; мы только не знали, говорить ему «ты» или перейти на «вы» ради такого случая. И всё же, отдавая на уроках дань вежливости Коле, мы пользовались каждой возможностью затащить к себе на совет Катюшу Алексееву.

Из скульпторов появились Королёв (с ассистентом Поповым), Шервуд, Синайский. Всё изменилось. Живая натура сменила гипсы, наброски — длительные постановки. В композицию вошла сжатость, упрощение дошло почти до схемы.

Коллективный метод работы стал девизом. И нас, несчастных индивидуалистов, именно наш курс, где не было двух одинаковых мнений, где каждый городил и доказывал свою собственную философию искусства, — нас заставили делать одну коллективную дипломную работу. «Ленин и народ», «Вождь и революция» — как-то так называлась наша тема.

И началось! Сначала спорили. Долго спорили об основных принципах. О роли Ленина в революции, о связи с народом, о том, что такое народ, из каких он состоит классов и прослоек, о способе воздействия вождя на массы, о том,

какая форма должна соответствовать идее революции, о том, как воплотить наши идеи в конкретную скульптурную форму. Кто в лес, кто по дрова. И начали лепить. Кто лепит, кто перелепливает. И ни один преподаватель не знает, каким должен быть коллективный метод работы.

Был объявлен мировой конкурс на памятник Тарасу Шевченко. Наш институт — теперь он назывался Институт пролетарского изобразительного искусства (ИПИИ) — включился в него. Все, кроме нас, дипломников, были разбиты (по личному желанию) на бригады и стали работать над проектами. Работа пошла дружно, с большим подъёмом. Бригады подобрались по сходству взглядов, невзирая на курсы, молодые преподаватели тоже в них включились. Лучшие проекты были посланы на конкурс. И проект Кати Алексеевой (там работал и Володя Риттер) получил премию. Это дало повод ликовать всему институту.

Но наш диплом от этого не стал лучше. Слишком уж разные мы были люди, и сумма наша дала результат очень ничтожный.

Выступление Андрея в защиту Лишева, а также вся его резко критическая позиция в адрес ректора и тех, кто его поддерживал, принесли свои плоды.

Прежде всего, его сняли со стипендии. На 4-м курсе дипломник остался без средств и стал работать в порту грузчиком, так как одной моей стипендии нам двоим было мало. Правда, раз нам улыбнулось счастье: Андрей получил премию на конкурсе фарфорового завода (Ломоносовского). Он сделал группу «Октябрь» — работа свежая и оригинальная. Уже не помню, 150 или 250 рублей (стипендия была 65 р.). Месяца два мы были счастливы. Не только я, но и мои подруги по комнате нашли у себя под подушкой шоколад.

Снятием со стипендии дело не ограничилось. Маслов громил отщепенца Бембеля в каждом своем выступлении. Угрозы принимали зловещий характер. Партийная и комсомольская организации собирали «материал». Появился термин «бембельщина». Стенгазета напечатала памфлет. Андрею подсказали, что готовится обследование его комнаты, чтобы застать его койку и личные вещи в беспорядке. Он подготовился, заправил койку по военному образцу и повесил портрет Ворошилова. Комиссия была удовлетворена. И хоть бы каплю Андрей стал от этого осторожнее. В не менее резком тоне, чем сам Маслов, он осмеивал меро-

Бюст Героя Советского Союза лётчика Николая Гастелло. Скульптор А. Бембель. 1943. Фото О.С. Романова, 2014

приятия ректора и покорную поддержку его студенческим активом. Мои призывы к осторожности не помогали нисколько. Много резких и принципиальных споров было с Катей. Она говорила и со мной. И очень страдала, видя, к каким бесчестным методам борьбы прибегали его противники. Дошли до того, что его другу Вилли Грибакину, который почти молился на Андрея, предложили порвать дружбу с Бембелем под угрозой исключения из комсомола. Будучи оскорблена как женщина, Катя стояла выше личных чувств. И она прилагала много усилий, чтобы удерживать Андрея от резкостей его протеста. Но это не привело ни к чему.

* * *

Год кончался. Наша дипломная работа была страшнее страшного. Я радовалась уже тому, что не сидела в этом Ноевом ковчеге⁹.

Когда кончался учебный год, ко мне пришла Катя пого-

ворить о том, как со мною быть. Было два варианта: первый — выдать мне диплом, как всем однокурсникам, или второй вариант — по болезни, в виде исключения, дать мне возможность остаться еще на год. Я обрадовалась второму варианту: мне так нужно было и так хотелось учиться ещё. Да и совесть мне говорила, что взять диплом я ещё не должна. Как много мне потом пришлось об этом пожалеть! Итак, я сама оставила себя без диплома, на который имела право не меньше, чем мои однокурсники.

А с Андреем расправились просто фантастически. Хотя у него бывали только первые и вторые категории (рисунок всегда был в числе первого десятка), ему в дипломе было отказано как «академически не успевающему», и предложено было получить справку «о прослушании». Подобного произвола я ещё не видала в жизни. Такая подлость была совершена на глазах у всех педагогов, у всего студенчества. Но ни один голос не раздался в защиту. Всякая критика «линии ректора» была подавлена...

⁹ Ольга Бембель-Дедок была в академическом отпуске.

Морской фасад Санкт-Петербурга: недавняя история

Текст: Даниил Овчаренко

Генеральный план Васильевского острова Мастерская Ленпроекта № 2, архитекторы М.Я. Климентов, Г.Н. Ляпин О.К. Устинова 1955 В эскизах планировки запалной части Васильев ского острова рубежа 1940-50-х гг. уже были найдены основные архитектурные темы будущих проектов 1960-70-х гг.: центральная ось-эспланала, широкая полоса набережной, анфилада площадей с общественными зланиями

Конкурсный проект планировки и застройки западной части Васильевского острова. Ленфилиал АСиА. архитекторы Б.В. Муравьёв, В.И. Калмыков, А.В. Махровская, В.Н. Соколов. 1962. Регулярный строй зданийпластин в пространстве гигантского парка – в предложении Ленфилиала не было напоминаний об историческом городе

Более двух столетий от своего основания Петербург рос вдоль Невы, получив роскошные ансамбли набережных и площадей. Амбициозный план широкомасштабного выхода города к Финскому заливу возник уже в советское время, а работа над архитектурным решением «морского фасада» стала важнейшей страницей истории градостроительства послевоенного Ленинграда. Поскольку в наши дни возобновилось освоение приморских территорий, полезно вспомнить предшествующие ему проекты недавнего про-

В тридцатые годы вдоль залива «зелёной дугой» от Лахты до Стрельны предполагалось разбить только крупные рекреационные зоны. Идея вести в приморских районах массовое жилищное строительство возникла уже в послевоенное время. В Генеральном плане 1948 года был задуман крупный жилой массив на западной оконечности Васильевского острова. Главной его архитектурной темой стала эспланада, ориентированная на Финский залив и завершённая открытой площадью со зданием морского вокзала. Этот архитектурный образ барочной перспективы, характерный для приморских дворцово-парковых ансамблей Ораниенбаума, Петергофа и Стрельны, прорабатывался вплоть до середины пятидесятых.

С переходом на типовое домостроение идеи периода послевоенной неоклассики пришлось корректировать. Согласно замыслу В.А. Каменского и А.И. Наумова, крупные массивы с типовой застройкой должны были появиться по всей дуге залива, сформировав приморскую панораму, достойную города на Неве [1]. Однако для строительства на прибрежных территориях потребовались значительные работы по рефулированию грунта. Поэтому возведение здесь стандартных микрорайонов с пятиэтажной застройкой и низкой плотностью, как в южных районах города, стало экономически неэффективным. Потребовались новые приёмы организации. Для их выработки и был объявлен в 1962 году конкурс на планировку экспериментального района в западной части Васильевского острова. В этом конкурсе участвовали крупные мастера архитектуры Ленинграда времени «освоения классического наследия»: А.К. Барутчев, А.В. Васильев, С.И. Евдокимов, В.А. Каменский, А.И. Наумов, И.И. Фомин, а результаты соревнования стали определяющими для последующей градостроительной практики. Подано было четыре проекта однако основная борьба развернулась между двумя полярными концепциями – идеей Ленфилиала Академии строительства и архитектуры и предложением мастерской № 3 Ленпроекта [2].

На рубеже 1950-60-х Ленфилиал был своеобразной

Работа над проектом планировки и застройки запалной части Васильевского острова. Конкурсный проект мастерской Ленпроекта № 3, 1962: вариант планировки. Мастерская Ленпроекта № 12. 1-я пол. 1960-х: проект планировки и застройки. Мастерская Ленпроекта № 12. 1965. С кажлым этапом проработки планировочного решения усиливался парално-репрезентативный характер нового массива

кузницей ультрамодернистских идей. Здесь последовательно прорабатывалась концепция образования жилого района в границах одного сверхкрупного квартала, настоящей лебединой песней которой стало предложение для Васильевского острова. Всю жилую зону предусматривалось сформировать в пределах одной межмагистральной территории площадью в 200 га с населением в 70 тыс. жителей. Жилые здания и объекты обслуживания в проекте были свободно размещены в пространстве обильно озеленённого парка, русло Смоленки предусматривалось оставить в естественном виде — архитектура «растворялась» в природе.

Предложение мастерской № 3 Ленпроекта, напротив, было основано на идее волевого подчинения природы композиционному замыслу. Во-первых, предлагалось объединение территорий западной части Васильевского острова с островом Декабристов за счёт крупных намывных работ. Во-вторых, предполагалось выпрямление русла реки Смоленки и создание на его основе мощной композиционной оси-эспланады.

Идея Ленфилиала была на то время прогрессивнее. Экономически более эффективная, она развивала постулаты модной тогда Афинской хартии. Однако замысел мастерской № 3 поддержал Н.В. Баранов, занимавший в начале шестидесятых высокую должность заместителя председателя Комитета по гражданскому строительству и архитектуре при Госстрое СССР. При обсуждении проектов бывший главный архитектор Ленинграда напомнил: «Необходимо позаботиться не только о функциональной полноценно-

сти застройки, но и об её эстетической стороне <...> мы должны искать свой собственный почерк ...» [3]. В итоге предпочтение было отдано проекту мастерской № 3 — ансамблевые традиции были оценены выше модернистских идей.

К 1965 году на основе результатов конкурса был разработан проект детальной планировки западной части Васильевского острова (арх. Н.В. Баранов, С.И. Евдокимов, В.А. Каменский, А.И. Наумов, И.И. Фомин). Как и в конкурсной концепции С.И. Евдокимова, в новом проекте главным стержнем объёмно-пространственной композиции стала протяжённая, длиной в 2 км и шириной в 180 м, эспланада вдоль выпрямленного русла Смоленки. В створе эспланады на центральной приморской площади был задуман общегородской культурный центр с высотной гостиницей, а также монумент, посвящённый защитникам Ленинграда [4].

По итогам конкурса главный архитектор В.А. Каменский сформулировал уже чёткую установку в отношении к проектированию приморских массивов: «...формируя новые районы, нужно учитывать принципы композиции блестящих архитектурных ансамблей старого Петербурга <...> развитие и совершенствование этих традиций есть единственно правильный творческий метод формирования новых районов» [5]. Тема ансамбля вновь зазвучала в Ленинграде, теперь в условиях индустриального домостроения.

Эта концепция соединения новаторства и традиции, найденная в планировке центрального звена приморской Объёмно-пространственное решение центральной площади в проекте планировки и застройки эспланады западной части Васильевского острова. Мастерская Ленпроекта № 12, архитекторы С.И. Евдокимов, В.А. Сохин, В.Н. Соколов. Единоначалие и целостность замысла, строгая регулярность, иерархия вертикальных доминант, узнаваемые композиционные приёмы — за счет этих средств зодчие Ленинграда стремились наследовать градостроительные традиции Петербурга

Перспектива реки Смоленки. Архитектурная графика к проекту планировки и застройки эспланады западной части Васильевского острова. Мастерская Ленпроекта № 12, архитекторы С.И. Евдокимов, В.А. Сохин, В.Н. Соколов. Выбор ракурса, композиция картины и техника исполнения — во всём видны академические традиции и преемственность мышления архитекторов

панорамы, получила новое развитие в проекте приморской юго-западной части Ленинграда, формировавшей южное крыло «морского фасада». В проекте, разработанном под руководством В.А. Каменского к 1970 году, также была задумана ориентированная на залив мощная осьэспланада — продолжение Ленинского проспекта, парадно завершённая широко раскрытым амфитеатром набережной. [6]

Показательно решение Ленинского проспекта в архитектурной графике. С одной стороны, новая эспланада была трактована как необарочная ось, летящая к восходящему солнцу. С другой, магистраль виделась авторам как футуристическая композиция с переброшенными над

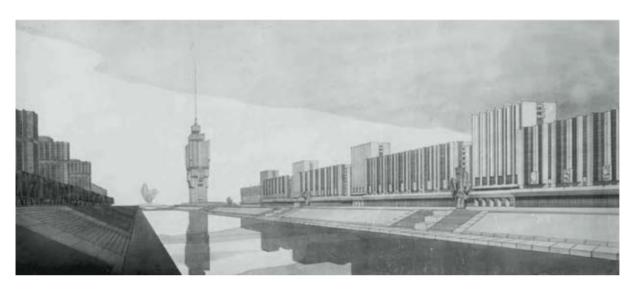
транспортными потоками пешеходными переходами, террасами висячих садов, плавательными бассейнами, каналами, фонтанами, как место концентрации социальной активности, с театрами, библиотеками, универмагами и спортивными комплексами, как Невский проспект будущего.

Тема интерпретации Невского проспекта была развита в проекте 1976 года, уточняющем предыдущий замысел. Авторы проекта — Л.Б. Дмитриев и В.Ф. Назаров — предложили: «... использовать проверенный приём застройки широтных магистралей, т. е. нейтральная застройка северной стороны и активные "световые карманы" с южной" [7]. Более тщательно была проработана береговая зона — символическим центром стала главная площадь с ритуальным комплексом, посвящённым героям, отстоявшим Ленинград в годы войны.

В семидесятые высокий уровень концептуальности, диалог с исторической градостроительной культурой значительно выделял ленинградскую школу на фоне советской и западноевропейской практики. Даже самые экспериментальные идеи получали петербургский характер. Красноречивое подтверждение этому − концепция «планировочных направлений», которая была изобретена архитекторами мастерской Ленпроекта № 1 в работе над планировкой северо-западной части «морского фасада».

Суть концепции заключалась в размещении вдоль магистрали не только селитьбы, но и мест приложения труда, чем предполагалось решить проблему спальных районов. При всей новизне данной идеи для советского градостроительства того времени, отсылающей к проектам линейных городов эпохи авангарда, чрезвычайно важен характер её трактовки. В решении северо-западной части три планировочных направления, подобно адмиралтейскому трёхлучию, сходились к одной точке — к площади, ставшей главным общественным центром. Показательно, что ось среднего «диагонального» направления проектировалась с ориентацией на символический центр Петербурга – шпиль Петропавловской крепости, как некогда ось Московского проспекта. Главную площадь было решено акцентировать, согласно традиции, вертикальными доминантами, а в её пространстве разбить центральный партерный парк и мемориал жертвам блокады [8].

Краткий обзор работы ленинградских зодчих показывает их многоуровневый поиск связей истории и современности. Например, на уровне визуального восприятия это ясная интерпретация барочных осей дворцово-парковых ансамблей XVIII века, создание мощных эспланад во всех частях «фасада». На более глубинном уровне — это придание символического значения крупным пространственным композициям. Как некогда ансамбль Дворцовой площади стал

Перспектива реки Смоленки. Архитектурная графика к проекту планировки и застройки эспланады западной части Васильевского острова. Мастерская Ленпроекта № 12, архитекторы С.И. Евдокимов, В.А. Сохин, В.Н. Соколов. Выбор ракурса, композиция картины и техника исполнения — во всём видны акаремические традиции и преемственность мышления архитекторов

Вид с воды на центральную площадь. Архитектурная графика к проекту планировки и застройки эспланады западной части Васильевского острова. Мастерская Ленпроекта № 12, архитекторы С.И. Евдокимов, В.А. Сохин, В.Н. Соколов. Для придания петербургского характера силуэту «морского фасада» использовалось узнаваемое сочетание однородной по высоте фоновой застройки с отдельно стоящими вертикальными доминантами

символом победы русского оружия в Отечественной войне 1812 года, так и главные площади приморских районов задумывались ленинградскими зодчими как сим-волы героизма и мужества ленинградцев в годы блокады. Важно, что сохранялась преемственность в работе главных архитекторов — Н.В. Баранова, В.А. Каменского, Г.Н. Булдакова: каждый новый замысел учитывал и обогащал предыдущие идеи.

Несмотря на небывалый размах в проектировании приморских районов, идеи ленинградских градостроителей, в основном, остались на бумаге. Лишь немногое из задуманного было осуществлено на практике, став свидетельством того, что и в период массового типового домостроения

архитекторам Ленинграда всё же удалось найти целостные художественные решения и избежать разрыва с градостроительной культурой Петербурга.

Очевидно, что в нынешних условиях «лоскутного» градостроения данный разрыв неизбежен, а 1960-80-е останутся последней эпохой создания крупных пространственных композиций, решённых в едином замысле. Это значит, что пришло время задуматься о сохранении тех немногих свидетельств градостроительного искусства 1960-80-х годов — таких, например, как ансамбль эспланады Васильевского острова, выявить их предметы охраны, разработать подходы регенерации среды, позволяющие осуществить её дальнейшее развитие без утраты ценности.

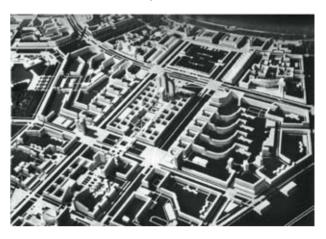
Проект детальной планировки приморской юго-западной части Ленинграда. Мастерская Ленпроекта № 1, архитекторы В.Ф. Назаров, Л.Б. Дмитриев. 1976

Объёмно-пространственное решение центральной площади в проекте детальной планировки приморской юго-западной части Ленинграда. Мастерская Ленпроекта № 1, архитекторы В.Ф. Назаров, Л.Б. Дмитриев. 1976.
В пространственном

В пространственном решении центральной пло-

щади юго-западного района очевидна интерпретация ансамбля Марсова поля: крупная площадь закрыта от воды двумя кварталамипропилеями, её центр занимает мемориальный комплекс, квадратный в плане, высотное общественное здание организует силуэт застройки

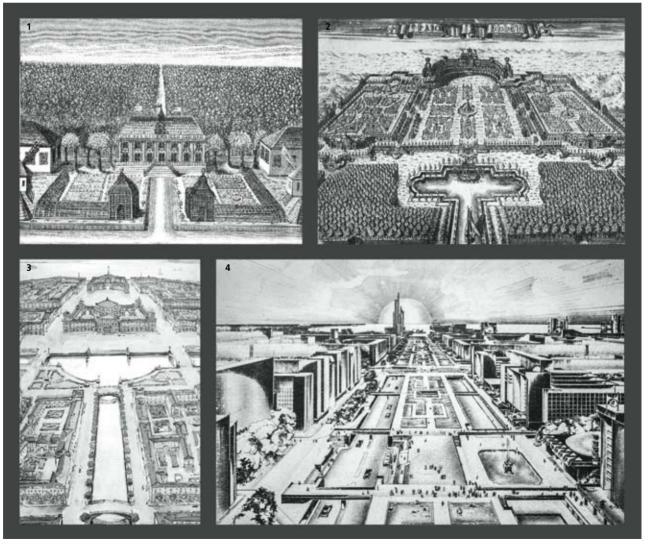

Эволюция архитектурного образа приморской эспланады

- 1. Подъездной канал в Екатерингофском парке. 1711 2. Морской канал и центральная аллея Нижнего сада в Ораниенбауме. 1717
- 3. Канал перед площадью с морским вокзалом Васильевского острова. 1947 4. Участок Ленинского проспекта в юго-западном приморском районе. 1970

Барочный образ перспективы, уходящей к заливу, начала XVIII века неоднократно переосмыслялся в работах архитекторов Ленинграда второй половины XX века

Об авторе: Данил Джаванширович Овчаренко– аспирант СПбГАСУ

Проект детальной планировки жилого района Западнее бывшего Комендантского аэродрома. № 1, архитекторы В.Ф. Назаров, Б.В. Николащенко. 1976

В планировке северозападной части Ленинграда «иконическая» для исторического города трёхлучевая схема получила новое прочтение

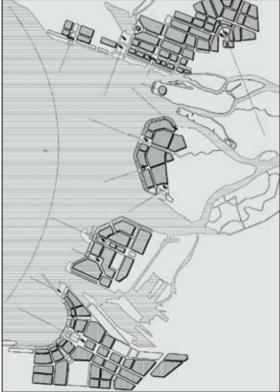

Проект планировки северозападной части Ленинграда. Мастерская Ленпроекта № 1, архитекторы Г.Н. Булдаков, А.В. Гордеева, В.Ф. Назаров, Б.В. Николащенко, А.И. Наумов. 1976. В проектах семидесятых образ северного берега залива формировали глубинные композиции проспектов, отходящих от набережной. Анфилады площадей и дворов-курдонёров вдоль новых осей напоминают знаменитые ансамбли Невского и Каменноостровского проспектов

Эскиз застройки главного общественного центра северо-запада Ленинграда в проекте детальной планировки жилого района «Западнее бывшего Комендантского аэродрома». Мастерская Ленпроекта № 1, архитекторы В.Ф. Назаров, Б.В. Николащенко. 1976. Центр северо-западной

части Ленинграда был задуман как многофункциональная композиция, включающая кластер научно-исследовательских институтов, транспортную развязку, рекреационную зону и мемориальный комплекс, а также учреждения культуры, торговли и спорта

«Морской фасад» Ленинграда по проектам детальных планировок приморских районов. Система мощных композиционных осей, ориентированных на

Финский залив, должна была связать все части «морского фасада» в единое архитектурное целое — крупнейшую пространственную композицию

Список литературы 1. Каменский В.А. Принципиальные основы генерального плана развития Ленинграда / В.А. Каменский // Строительство и архитектура Ленинграда. 1960. – № 1. – C. 4–8. 2. Наумов А.И. Жилой район и микрорайон: новые принципы планировки и застройки / А.И. Наумов, А.В. Махровская, О.А. Иванова. – Л.: Государственное издательство литературы по строительству, архитектуре и строительным материалам, 1963. -183 с. 3. Ленинград выходит к морю. По материалам общественного обсуждения конкурсных проектов планировки и застройки северо-западной части Васильевского острова // Строительство и архитектура Ленинграда. -1962. -№ 10. C. 5 –12. 4. Проект Детальной планировки западной части Васильевского острова Пояснительная записка. 1965 // Архив СПб ГКУ ЦИОГД. – Ф.1. – Д. $2415/1. - \Pi$. 5. Каменский В.А. Новый этап крупнопанельного строительства в Ленинграде // Строительство и архитектура Ленинграда. 1963. №3. C. 8. 6. Каменский, В.А. Ленинграл: Генеральный план развития города / В.А. Каменский. – Л.: Лениздат, 1972. –191 c. 7. Проект детальной планировки приморской юго-западной части Ленинграда. Пояснительная записка. 1976 // Архив СПБ ГКУ ЦИОГД. — Ф.1. — Д. 7735/1. - Л. 360. 8. Проект детальной планировки района озера Долгое западнее бывшего Комендантского аэродрома. Пояснительная записка. 1976 // Архив СПб ГКУ ЦИ-ОГД. – Ф.1. – Д.

7419/1.

Красота за забором

Текст: Ирина Бембель Фото: Светлана Фатеева

Посёлок им. Свердлова располагается на живописном берегу Невы, в 15 минутах езды на машине от КАД. Когда-то на его месте располагалось несколько деревень: Овцыно, Щербинка, Петрова Дача, Старая Дача, Малые Пороги, – в которых жили рабочие местных кирпичных и цементных заводов. Название Овцыно вовсе не связано с разведением овец, а обязано своим появлением картографу В.Л. Овцыну (1704-1757), сделавшему описание и карту побережья Невы. В Овцыне отдельной колонией жили немецкие рабочие, изготовлявшие кирпичи на заводе Ренненкампфа. Названия деревень закрепились за современными микрорайонами посёлка, но кирпичное производство ушло. Сохранились лишь заводские руины и реконструированная в последние годы Никольская церковь.

В советское время архитектор и этнолог Г.В. Пионтек составил для этих земель проект огромного этнопарка-музея «Человек и среда» площадью 3600 га. Но и этот исторический вектор не получил дальнейшего развития.

Сегодня прибрежная местность поделена на участки и интенсивно застраивается частными домами. Одна из последних построек — двухэтажный особняк авторства М.А. Рейнберга и И.С. Блохина на Овцинской улице. На фоне весьма разнохарактерной окружающей архитектуры дом выделяется своей элегантностью и простотой. Основу асимметричного плана составляет сильно вытянутый прямоугольник. Со стороны главного фасада, обращённого к Неве, от основного тела здания выступает угловой ризалит и изящная веранда с балконом на уровне второго этажа. Отсюда открывается чудесный вид на речные дали.

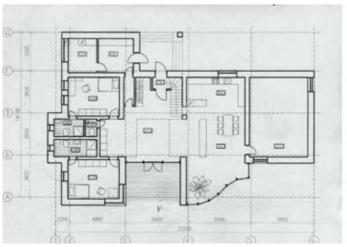
Главный вход, никак особенно не акцентированный, находится между ризалитом и верандой. К нему ведёт выступающее углом простое двухступенчатое деревянное крыльцо без перил. Двери и вся примыкающая к ним центральная часть фасада — почти сплошная остеклённая поверхность: это «приглашающий» фасад. Углы, торцы и задний фасад дома представляют собой оштукатуренные капитальные стены с небольшими деревянными и стеклянными вставками. С задней стороны находятся «сени» — одноэтажная пристройка с выходом в сад. Крыша, весьма пологая, почти плоская, покрыта железом. Энергично выступающий простой карниз отделан деревом.

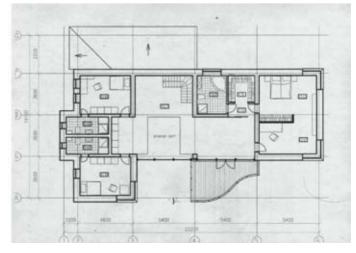
План дома строится на основе первичного модуля в пропорциях золотого сечения, который соответствует размеру минимальной жилой ячейки — спальни. Восемь таких условных модулей (4х2) образуют основной блок; к нему примыкает девятый (ризалит). Криволинейная веранда также вписана в этот модуль, её основная выступающая стена находится на поперечной оси здания. Центром композиции дома является просторный двусветный холл. К нему на первом этаже примыкает кухня-гостиная, объединённая с верандой, и бильярдная; по другую сторону — жилая зона из двух спален. Выше расположены ещё четыре спальни, группирующиеся вокруг залитого светом центрального пространства с выходом на балкон.

Современная архитектура дома рождает ощущение простоты, открытости и респектабельности. Вместе с тем в устойчивости золотых пропорций, едва заметных скатах крыши и добротных оштукатуренных стенах с деревянными вставками читается опора на традицию. Привычным диссонансом архитектурно-природной гармонии служит утилитарный забор, укравший у обитателей дома добрую половину речной панорамы и не предложивший взамен ничего, кроме отрезка заводского железа. В связи с этим возникает вопрос, адресованный не только авторам данного проекта, но и абсолютному большинству современных проектировщиков и их клиентов: почему ограда перестала восприниматься продолжением архитектуры дома? Неужели нельзя соединить красоту и надёжность? И почему «ландшафтный дизайн» стал отдельной узкой специализацией, никак не связанной с архитектурой? Прекрасный зелёный берег реки разрезан и обезображен зелёным, синим, красным железом и серым бетоном, за которым архитектура, даже самая хорошая,

видна по большей части лишь её владельцам...

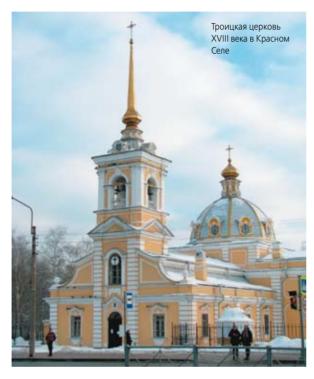

Дома для людей

О посёлке «Петровская мельница»

Текст: Ирина Бембель

«Петровская мельница» – это проект комплексного освоения территории в 30 гектаров в Красном Селе. Название посёлка выбрано не случайно: именно в этих местах Пётр I основал в своё время первую в России бумажную фабрику с водяной мельницей. Для производственных нужд государь переселил сюда крепостных крестьян из подмосковного Красного Села, откуда, вероятно, происходит название петербургского Красного Села.

Расположение посёлка завидное: в пешей доступности находится железнодорожная станция, обеспечивающая быструю связь с центром Петербурга, а в пяти минутах езды на машине располагается историческое ядро Красного Села с великолепной Троицкой церковью XVIII века. Иными словами, «Петровская мельница» — это не просто спальный район на просторах безымянных полей, а часть Красного Села с его богатой историей.

Целью архитекторов было создание малоэтажной комфортной среды, сочетающей преимущества жизни на природе с городскими удобствами.

Как они этого добиваются?

Традиция и регулярность

Исходя из конфигурации и природных особенностей участка, новый посёлок делится на три зоны, каждая из которых отличается собственной планировкой и архитектурным решением. Все три зоны будут объединены просторным променадом. В соответствии с территориальным делением, предполагаются три очереди строительства.

Участок первой очереди представляет собой вытянутый прямоугольник, поделённый на четыре равновеликих квартала. Два из них практически завершены, строитель-

ство следующих двух вступило в активную фазу нынешним летом.

На участке представлены разные типы жилья. В двухэтажных таунхаусах находятся просторные двухуровневые квартиры с отдельными входами и собственными палисадниками. Среди таунхаусов есть компактные, вытянутые и Г-образные в плане дома сдержанной, но отчётливо авторской архитектуры. Наиболее характерные элементы – треугольные эркеры и разорванные фронтоны. Неожиданный барочный мотив обыгран в нескольких вариациях, включающих симметричные и смещённые друг относительно друга разрывы карнизов. Самый запоминающийся мотив – дом, «разрезанный» по оси воображаемого конька и составленный «наоборот», так что скаты крыши смотрят в разные стороны. Может быть, это отдалённая ассоциация с мельничными крыльями?

Самый протяжённый двух-трёхэтажный блок с простой и лаконичной двуцветной отделкой состоит из обычных квартир, в том числе однокомнатных. При этом его внешний фасад, обращённый к будущим соседним кварталам, напоминает добротную послевоенную застройку. Он объединяет три симметричных ризалита, декорированных карнизами, междуэтажными тягами и миниатюрными колонками, поддерживающими балконы. Фасад выделяется не только классической стилистикой, но и ярко-жёлтым штукатурным покрытием. Таким образом, покупатели получают возможность выбрать не только тип и размер, но также и стиль своего жилья.

Внутри построенных кварталов расположены детские площадки. Жаль, что в кварталах первой очереди не предусмотрено полное разделение пешего и колёсного движения: для сельской местности изолированный от машин пешеходный двор представляется не роскошью, а вполне естественным явлением.

По словам авторов проекта, создание таких приватных пешеходных дворов, возможно, будет иметь место во второй очереди «Петровской мельницы», строительство которой намечено на 2015-2016 годы.

Свобода и современность

Участок под вторую очередь посёлка представляет собой компактное пятно с небольшим водоёмом, вокруг которого расположатся жилые кварталы и отдельно стоящие дома. В отличие от уже построенной части «Петровской мельницы», все кварталы будут существенно различаться между собой по размеру и планировке. Кроме того, в облике двух-трёхэтажных таунхаусов будет преобладать

Заказчик: ООО «Стройлес» Генеральный проектировщик: ООО «Мера, архитектурная мастерская» Разработчик проекта планировки территории: ООО «Лига» Руководитель — арх. Смородина М. Ю. Авторский коллектив Архитекторы: Рейнберг М.А., Блохин И.С., Блохина Ю.С., Крыжановский В.О., Смирнов А. Г., Никишева Н.В., Минеева Е.В. Главный инженер проекта: Лутохина Л.А. Проектирование: 2011—2014 Строительство 1-й очереди: 2011—2017 Общая площадь: 29 300 кв. м

Евгений Иванович Бударин – руководитель ООО «Стройлес»

современная, геометричная стилистика. Помимо жилья проект предусматривает строительство небольшой церкви на берегу водоёма. Очевидно, что роль храма в жизни подобных окраинных поселений трудно переоценить: помимо своей духовной миссии, это мощное средство притяжения социальной и культурной жизни, главная доминанта, смысловой центр и символ идентичности места. В данном случае М.А. Рейнберг, ведущий архитектор проекта, стремился создать в современном посёлке характерный русский пейзаж, важнейшим элементом которого всегда были церковные главки, глядящие в водную глаль

Участок третьей очереди представляет собой пологий холм с перепадом уровня земли в 30 метров. Коттеджи повышенной этажности (до четырёх этажей — максимальная высота для этой местности) будут террасами взбираться по его склону к вершине, где авторами предусмотрена архитектурная доминанта — торгово-развлекательный центр.

Помимо храма и торгового комплекса в «Петровской мельнице» предусмотрено строительство школы, детского сада и амбулатории. Таким образом, изначально спальный посёлок получит хорошую предпосылку того, чтобы стать со временем полноценным локальным городским центром, сохраняя при этом прелесть жизни на природе.

М.А. Рейнберг говорит, что если в Санкт-Петербурге он в значительной степени создавал архитектуру «для города», сообразуясь с особенностями уникальной среды, то здесь, в окружении природы, он делал дома исключительно «для людей».

«Наша основополагающая идея, – добавляет руководитель мастерской "Мера" Илья Блохин, – создание малоэтажной, сомасштабной человеку среды, архитектурно разнообразной, имеющей разные центры притяжения жизни и сочетающей разные функции. При этом мы стремимся выгодно использовать особенности живописного рельефа с перепадами высот от 9 до 30 метров».

Важно, что архитекторам посчастливилось найти единомышленника в лице руководителя фирмы-застройщика Е.И. Бударина, который главным результатом своей работы считает хорошие отзывы жильцов. Если бы при этом город помогал планировщикам, архитекторам и застройщикам в развитии своих окраин, а не чинил многообразные бюрократические препоны, дело продвигалось бы значительно быстрее, да и стоимость жилья на выходе была бы ниже. Но это уже – отдельная тема...

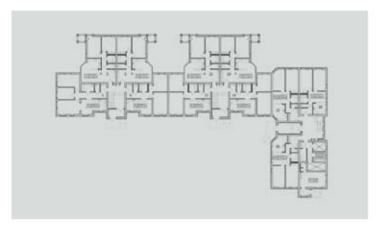

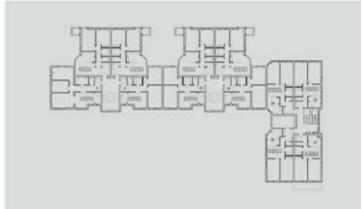
Дома 1-й очереди строительства «Петровской мельницы»

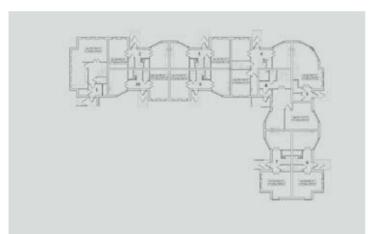

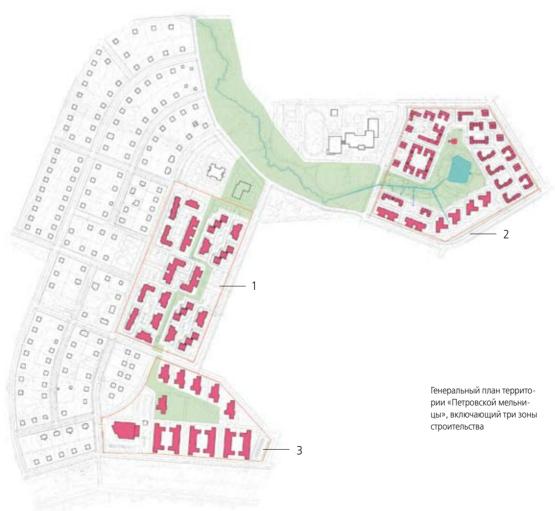
1-я очередь строительства: постройки, поэтажные планы, генеральный план участка

2-я очередь строительства: эскизные предложения

Архтандем. 5 лет. Избранное

Текст: Аркадий Иванов

Союз между ООО «Архитектурная мастерская «Контур» и ООО «СТЕП» сформировался в 2009 году. Мастерские объединили творческий и организационный потенциал.

Творческий подход к решению архитектурных задач, поиск оригинальных решений в каждом проекте, уважение к градостроительному окружению — основные принципы в работе творческого союза. Во взаимодействии с партнёрами и коллегами главными стали доверительность, твёрдое слово, последовательное исполнение взятых на себя обязательств, действия исключительно в рамках правового поля.

Архитектурная мастерская «Контур» была основана В.Б. Кузнецовым в 1991 году.

Среди реализованных проектов многоквартирные жилые дома в Петербурге и Волгограде, реконструкция церкви Петра и Павла в Любани, малоэтажные жилые дома в Ленинградской области.

ООО «СТЕП» основано в 2003 году.

Среди реализованных объектов — административноофисные здния, физкультурнооздоровительный комплекс, общественно-коммерческий центр.

Среди направлений деятельности компании наряду с проектированием и генеральным проектированием значится строительство.

В сотрудничестве Архитектурной мастерской «Контур» и ООО «СТЕП» разработаны проект планировки (эскиз застройки) и проект межевания территории квартала 10А (СПб, г.Красное Село, западнее ул. Спирина), многоквартирный жилой комплекс в Сочи (пос. Лазаревское, ул. Калараш, уч. № 2, литер 5), жилой комплекс «ПЕТЕРГОФ ПАРК».

Из проектов особого внимания заслуживают: проектное предложение по застройке многофункционального квартала № 9 Московского района Санкт-Петербурга (в рамках городской программы реновации кварталов); ППТ и ПМТ промзоны Рыбацкая; ППТ микрорайона Бернгардовка (г. Всеволожск); ППТ МО Мурино (земли СОАЗТ); ППТ района Южный (г. Всеволожск); жилые комплексы в г. Всеволожск (ул. Шишканя, уч. 14, и ул. Шевченко, уч. 12); архитектурно-планировочное решение воинского захоронения периода Великой Отечественной войны у кинотеатра «Рубеж».

Заказчиками и партнерами Архитектурной мастерской

Многоквартирный жилой дом Адрес: г. Санкт-Петербург, ул. Б. Разночинная, д.27, литера А Заказчик ООО «Приморский строй» Проектировщик: OOO «CTEΠ», ООО «Архитектурная мастерская «Контур». Авторский коллектив Архитекторы: А.Б. Иванов. В.Б. Кузнецов, Е.Л. Пименова, О.А. Куркова. Конструктор: В.А. Бакин. Проектирование: 2010-2011 Стадия «Проект» Выбор круглого объема позволил органично вписать проектируемый дом в сложную градостроительную среду и создать необходимый акцент на пересечении улиц.

При этом все помещения квартир имеют прямоугольную форму, а поворот секций осуществляется за счет треугольных объемов лестничных клеток, выведенных на внешний контур

здания

«Контур» и ООО «СТЕП» являются: ЗАО «Трест-102», ООО «Информационные системы», ООО «Петро-Стиль», ГК «Невский Альянс», ЗАО «Холдинговая компания «Форум», ЗАО «Эльф», Адмиралтейская стро-ительная компания, ГК BSI, ОАО «Дека», ЗАО «АТР», ООО «МПЛ-инжиниринг», ООО «Приморский строй», ЗАО «Завод металлоконструкций», ООО «ТАЙМС регион», ООО «СТРОЙФОРТ», ООО «Петергофский квартал»,

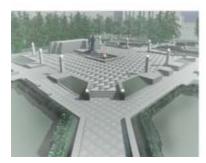
ООО «Промреконструкция», Администрация Красносельского района, ООО «Трамплин-строй», Администрация Московского района, ООО «Омега», ООО «ПНК-2», ООО «Сила инжениринг» и др.

Сегодня журнал «Капитель» показывает несколько новых проектов тандема.

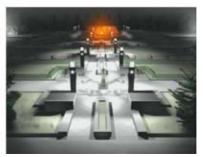

Архитектурно-планировочное решение воинского захоронения периода Великой Отечественной войны у кинотеатра «Рубеж», реконструкция территории сквера Адрес: г. Санкт-Петербург, Красносельский р-н, пр. Ветеранов / ул. Добровольцев Заказчик: Администрация Красносельского района Проектировщик: 000 «СТЕП», 000 «Архитектурная мастерская «Контур» Авторский коллектив Архитекторы: А.Б. Иванов, В.Б. Кузнецов, Е.Л. Пименова при участии: А.Г. Шепелевой, Ю.Г. Егоровой, Т.В. Загнухина, Р.В. Албегова, Г.И. Яковлева. Скульптор: Р.Р. Игамбердиев Конструктор: Л.Н. Воробьева. Инженеры: М.В. Васильев, Л.П. Лещенко Проектирование: 2011-2014 Стадия «Проект»

Проектом реконструкции предлагается провести благоустройство всей территории участка, с устройством регулярной планировки и выделением мемориальной зоны с Вечным огнём и фигурой Воина высотой 4 метра. **Н**а мемориальной площадке, вдоль центральной аллеи, по периметру сквера и у обелиска предполагается установить светильники-торшеры с воинской символикой.

Пространственная ячейка-комната является основным структурным элементом, формирующим фасады проектируемого дома. Контрастное чередование в определённом ритме ячеек, остеклённых от пола до потолка, с ячейками-«кубиками», создаёт «мозаичную» ткань стены.

Жилой комплекс «Мозаика»

Адрес: Ленинградская обл., г. Всеволожск, ул. Шишканя, уч. 14

Заказчик: ООО «ТАЙМС регион»

Проектировщик: ООО «Степ», ООО «Архитектурная мастерская «Контур»

Авторский коллектив

. Архитекторы: А.Б. Иванов, В.Б. Кузнецов, Е.Л. Пименова, О.А.Куркова, Р.В. Албегов, К.Г. Ткач, Д.С. Воеводкина, Я.В. Тонанова, Л.Н. Колесникович

Конструкторы: В.А. Бакин, В.М. Павлов Проектирование: 2013-2014

Строительство: 2015-2016

Жилой комплекс «Петергоф-парк» расположен в непосредственной близости от Петродворца и является частью застраиваемой территории «Новые кварталы Петергофа».

Строящийся комплекс состоит из девяти пятиэтажных корпусов.

Жилые корпуса образуют полузамкнутые дворовые пространства, сомасштабные человеческому восприятию, комфортные по соотношению ширины двора и высоты корпуса. В центральном дворовом пространстве, свободном от стоянок легкового автотранспорта и хозяйственных площадок, размещена зона отдыха взрослых и детей.

Жилой комплекс «ПЕТЕРГОФ ПАРК»

Адрес: г. Санкт-Петербург, г. Петергоф, Ропшинское шоссе, уч. 14 (северо-

западнее дома 8, литера А по Ропшинскому шоссе)

Заказчик: ООО «Петергофский квартал».

Проектировщик: ООО «СТЕП», ООО «Архитектурная мастерская «Контур».

Авторский коллектив

Архитекторы: А.Б. Иванов, В.Б. Кузнецов, Е.Л. Пименова,

О.А. Куркова, Я.В. Тонанова, Е.Н. Кузнецова, Л.Н. Колесникович,

К.И. Чеховский, А.О. Алексеева, А.В. Чукаев Конструкторы: В.А. Бакин, В.М. Павлов

Проектирование: 2013–2015 Строительство: 2015–2016

Композиция построена на ритме вертикальных и горизонтальных элементов. Вертикали образованы треугольными остеклёнными балконами, горизонтали – карнизами, расположенными на втором, десятом, одиннадцатом этажах.

Треугольные балконы и террасы продолжают пространство комнат. Их форма, большой вынос от плоскости стены обеспечивают прекрасный обзор черноморских пейзажей и придают «курортный» характер архитектурному решению в целом.

Многоквартирный жилой комплекс

Адрес: г. Сочи, пос. Лазаревское, ул. Калараш, уч. № 2, литер 5

Генпроектировщик: ООО «СТРОЙФОРТ»

Проектировщик: ООО «СТЕП», ООО «Архитектурная мастерская «Контур»

Авторский коллектив

. Архитекторы: А.Б. Иванов, В.Б. Кузнецов, Е.Л. Пименова, О.А. Куркова,

Р.В. Албегов, А.О. Владимирова Конструктор: Е.В. Елизарова Проектирование: 2012—2015 Строительство: 2015

Для развития производства ЗАО «ЗМК» на свободном участке разместятся четыре цеха производственно-складского назначения. **К**рупные объёмные формы ПСК, обращённые в сторону железнодорожной магистрали Санкт-Петербург – Мга, придают промзоне «Рыбацкое» вид современного предприятия двадцать первого века.

Применение объёмно-пространственных ферм в конструкциях покрытия позволило оригинально решить боковое освещение цеховых пространств, превратив световые поверхности в «скульптурный ряд».

Проведение комплексной реконструкции резко повысит плотность застройки и эффективность использования территории.

Проект планировки и проект межевания территории, ограниченной пер. Слепушкина, ул. Тепловозной, продолжением Караваевского пер., полосой отвода железной дороги, береговой линией р. Славянки в Невском районе Санкт-Петербурга

Заказчик: ЗАО «Завод металлоконструкций» Генпроектировщик: ООО «Информационные системы» Проектная организация: ООО «СТЕП», ООО «Архитектурная мастерская «Контур» Авторский коллектив Архитекторы: А.Б. Иванов, В.Б. Кузнецов, Е.Л. Пименова, Т.В. Загнухин

Архитекторы: А.Б. Иванов, В.Б. Кузнецов, Е.Л. Пименова, Т.В. Загнухин Проектирование: 2009–2015

Об авторе: Иванов Аркадий Борисович, генеральный директор ООО «СТЕП»

«Архстудия». Наши премьеры

Текст: Геннадий Соколов

В 2015 году в Петербурге введены в строй три объекта, построенных по проектам ООО «Архстудия». Эти премьеры получили определенный отклик жителей нашего города и профессионального сообщества и стали неотъемлемой частью архитектурного облика северной столицы. Следует отметить хорошую работу ведущих строительных компаний Петербурга - заказчиков проектов, выдержавших высокий качественный уровень исполнения несмотря на затянувшийся кризис.

Следут особо отметить завершенное и введенное в эксплуатацию здание делового центра на набережной Фонтанки, проект которого выполнен по заказу ЗАО «Инфотек-Балтика».

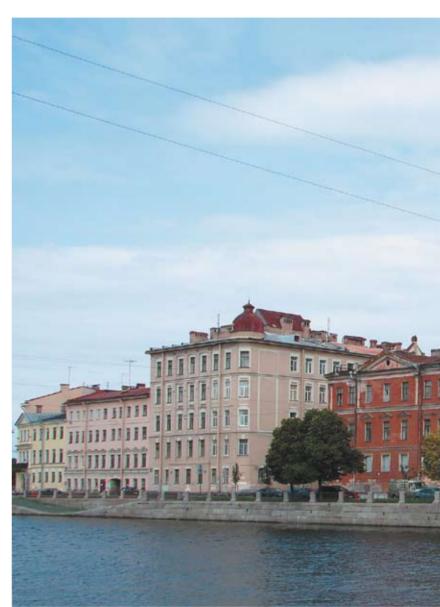
Административное здание со встроенной автостоянкой примыкает к одному из хрестоматийных образцов северного модерна — дому, построенному в начале XX века по проекту А.Ф. Бубыря, и другим зданиям, входящим в историческое наследие нашего города.

В работе над проектом наши архитекторы старались максимально сохранить уникальную городскую среду, обойтись без кичливых и диссонирующих элементов, не вступая в спор с окружающей застройкой. Элитность объекта обеспечивает, в частности, высококачественная отделка натуральным камнем. Данная работа выполнена на стадии рабочего проекта мастерской М.А. Мамошина. Надо сказать, что в обсуждении проекта участвовали известные зодчие нашего города. По совету Н.И. Явейна мы выполнили брандмауэрную стену со стороны примыкающего здания по наб. Фонтанки, 163, по рекомендации М.А. Рейнберга – рисовку мансардных окон.

Административное здание со встроенной автостоянкой.

Санкт-Петербург, наб. реки Фонтанка, рядом с Климовым переулком.
Генеральный проектировщик
ООО Архстудия

Авторы проекта: Г.Б. Соколов, М.А. Мамошин, А.В. Панин

По заказу ООО «УСП» завершено строительство двух 23-этажных башен бизнес-центра класса А с пристроенным девятиэтажным паркингом в Московском районе Петербурга.

С открытием второго вестибюля станции метро «Московские ворота» это место приобретет особое звучание и значимость и станет центром массовой застройки на месте бывшей Варшавской железной дороги. Объект хорошо просматривается с многих видовых точек Московского

и Лиговского проспектов и достойно дополняет комплекс деловой застройки, выполненной по проекту мастерской «Литейная часть 91» Р.М. Даянова.

Коммерческо-деловой комплекс.

Санкт-Петербург, Ташкентская улица, участок 1 (восточнее дома № 3, корпус 2, литера В по Ташкентской улице).

3аказчик и застройщик – ООО «Управление проектами строительства». **П**роектная организация: ООО «Архстудия».

Авторы проекта: Г.Б. Соколов, Е.Б. Подрезова, Е.И. Янанец.

По заказу компании «Главстрой СПб» выполнен рабочий проект жилого комплекса «Юнтолово». Новый комплекс расположен в живописном экологически чистом районе среди практически нетронутых полей и лесов. Жилая застройка — пятиэтажная, сомасштабная человеку, создающая атмосферу уюта. Компания-застройщик сегодня приступила к строительству объектов инфраструктуры: школы, медицинских, досуговых объектов, обеспечивающих полноценную среду обитания.

Комплекс обеспечен в соответствии с современными требованиями парковками, местами отдыха, имеет хорошее благоустройство и озеленение.

Жилой комплекс «Юнтолово».

Санкт-Петербург, пос. Ольгино, ул. 3-я Конная пахта

Рабочий проект ООО Архстудия.

Стадия ПД ООО АМЦ

Всё зависит от таланта и воли

Интервью с председателем совета директоров группы компаний «РосСтройИнвест» Ф.О. Туркиным

Беседовала Анна Катханова

Что для вас главное в вашем бизнесе?

Начнём с того, что вопрос этот очень глубокий, и бизнес – это даже не одна из трёх составляющих главной триады развития общества и государства: Дух, Власть, Экономика. Именно так было испокон веков во всех странах, и так должно быть и в нашей стране. На какоето время дух ослаб и меч опустился, поэтому бизнес стал претендовать на первенство, что неправильно. Основной причиной было внешнее американское влияние. Позиция международного глобализма во главе с США заключается в усреднении и

подчинении всего мира интересам так называемого мирового правительства. В определённое время мы поддались их влиянию и увлеклись второстепенными вопросами. Но это временно. Я убеждён: сейчас время возрождения национальных ценностей.

Как вы ощущаете дух Санкт-Петербурга? Как отвечаете на вызовы нашего времени?

В чём дух Санкт-Петербурга и в целом нашей страны? На днях мы отмечали День полного освобождения Ленинграда от блокады немецко-фашистскими войсками. Вот пример духа: сотни тысяч людей погибли, но не были сломлены. А кто выжил — зарядили советский народ на Победу в Великой Отечественной войне. В Санкт-Петербурге живёт великая сила предыдущих поколений нашего народа. Немалая цена была заплачена за то, что город жив. То, что он был воздвигнут, — уже подвиг: 300 тысяч человек погибли за первые годы строительства Петербурга. Как показало время, эти жертвы были принесены не зря, Санкт-Петербург — это воплощение духа и воли.

Сейчас в нашей стране появились новые мощные точки роста духа. В первую очередь, Крым. Он вернулся не волшебным образом, а потому, что такова была воля людей. Крым был русским не только на протяжении последних 300 лет, но и во времена принятия православия. Великий князь Владимир крестился в Крыму, в Херсонесе. В Новороссии, которая по каким-то политическим недоразумениям советского периода стала частью Украины, повторяется то же испытание, что и в блокадном Ленинграде...
Чечня является примером поворота в народном самосозна-

нии: была очагом войны внутри России, а стала живым щитом от мирового терроризма. А как это произошло? Вернули признание чеченскому народу, дали возможность развиваться, люди получили работу и возможность зарабатывать мирным трудом. Недавно 100 тыс. человек вышли живыми флагами России и Чечни на демонстрацию в Грозном. Дух возвращается. Почему Чечня становится форпостом России? Не только потому, что её народ признали и помогли встать на ноги, но ещё и потому, что почувствовали возвращение русского духа. Так уж устроены кавказские народы, что не будут они жить душа в душу вместе со слабыми. Сила стала появляться, и всё постепенно выстраивается, в противовес давлению извне.

Они отстроили свою столицу – Грозный. Строительство – это движение вперед. Как вы видите основные направления деятельности в Санкт-Петербурге по развитию города?

Это Пётр I задумывал глобальные вещи, а мы действуем в рамках существующих законов, регламентов, правил землепользования и застройки. Тем не менее мы хотим, чтобы наши творения были интересными для города и его жителей. Есть такая мечта: быть на уровне наших предков или, может быть, даже превзойти их в чём-то. Большая цель, к которой мы неуклонно и последовательно идём. Сейчас уже пройден определённый путь, у нас в активе не только картинки будущих проектов, но и воплощенные в камне современные, красивые, жилые, деловые и медицинские комплексы.

Дальше мы можем быть одними из первых в реализации новых идей и приёмов, которых до сих пор не применяли в Санкт-Петербурге.

Эти идеи пока секрет?

Пока да. Нам нужно определиться с землёй, тогда это перестанет быть секретом и в течение полугода станет известно всем.

Нет проблем в процедурах получения земельных участков?

Этот вопрос не ко мне. Есть профессионалы, которые занимаются этими вопросами. Я же фантазёр. Моя основная задача, совместно с архитекторами, найти образ комплекса, возводимого на участке, почувствовать, что именно здесь должно случиться, что сделает это место особенным не только для района, но и для города в целом. Что касается технических вопросов — есть служба заказчика, другие специальные отделы и подразделения.

А они вам не жалуются на тяготы бюрократических процедур?

Любая работа не получается легко, хотя древние мудрецы

Злание компании «Рос-СтройИнвест» (пр. Добролюбова, 17). АБ «Яррапроект», руководитель архитектор М.П. Копков. Автор скульптурных групп на фасаде скульптор В.А. Маначинский. Злание построено на месте бывшего завода им. Кулакова, с сохранением каркаса и фундамента. Фасад, интерьеры здания выражают дух компании и не противоречат архитектуре Петроградской стороны

говорили, что только тогда получается красиво, когда нет надрыва, мучений. Нам пока так не удаётся, приходится преодолевать трудности. Я сочувствую коллегам, но говорю: надо находить решения, и они находят.

Пётр вкладывал в строительство Петербурга свою волю и никому не давал искажать свой замысел. Сейчас вернулись времена капитализма, как уже было на рубеже XIX-XX веков, когда архитекторов тоже беспокоила стихийная хаотичная застройка. Надо ли сейчас влиять на законы? Или работать в сложившихся условиях?

Надо искать сочетание. Если вспомнить подходы Петра I и сравнить различные его высказывания по разным поводам, то получается разнообразная картина. Он, например, хотел, чтобы в городе было много высотных сооружений. Не знали? Да, ему надо было, чтобы шведы видели, что Санкт-Петербург – великий город, и чтобы это было видно издалека. Не многие замыслы дошли до реализации при его жизни, но Петропавловский собор был почти достроен. Позже Растрелли заложил колокольню Смольного монастыря высотой 140 м, еще пара-тройка таких зданий, и город мог бы быть другим, и не хуже, а, я уверен, даже

лучше. Идеи могут быть самые парадоксальные. Всё зависит от таланта реализации.

Вот, например, в Лондоне панорама центра не особенното хороша — небоскрёбы её не украшают. А когда видишь их вблизи — это выглядит классно. Если спуститься от небоскрёбов к тем зданиям, что пониже, то мы находим в центре много замечательных современных сооружений, прекрасно вписанных в историческую среду. Но рядом с петербургскими панорамами никакие города не могут стать рядом. Впечатляют панорамы Гонконга, Дубая, но это другое, другая культура. Так же обстоит с фонтанами: самые лучшие образцы — это фонтанные ансамбли в Петергофе и в Дубае, но там они другие по природе замысла.

Я знаю про ваше внимание к общественным городским пространствам – это очень важное направление вашей деятельности, в частности, это фонтаны на Московской площади у Дома советов. Возвращаясь к Лондону: там правительство города последовательно ставит задачи городского развития, и они последовательно решаются на основе принятой стратегии развития. Так что, может быть, одного таланта недостаточно?

Согласен, должна быть воля. Это демонстрируют и многие современные примеры, прежде всего, реализация ряда проектов в Азии, там без воли ничего бы не сделалось. Руководители стран и регионов лично занимаются этими вопросами, и поэтому есть движение, города там действительно драйверы экономического роста регионов и стран в целом. Если решение принято, то они не отступают. В принципе, это и нам свойственно. Последние несколько десятилетий мы несколько изменили этому правилу. Сейчас потребность в развитии потребует от людей личностного роста, и люди будут расти, в том числе профессионально. Хотя последние годы «американские партнёры» нас несколько подпрессовали, но и нам это присуще – последовательно идти к своей цели. Я убеждён: у нас есть потребность расти, и будет прорыв в сознании. С каждым днем необходимость такого прорыва осознаётся все большим числом россиян. И это выражается в том числе и в реализуемых проектах, и наших тоже.

Вы говорите об отдельных объектах?

Если говорить о нашей группе компаний, то пока об отдельных объектах. Пока про большее мы не можем говорить. Но в традиции советских времен Москве всегда было позволено гораздо больше. Ленинград всегда был на вторых ролях, это видно в том числе по высотному строительству. В Москве и до, и после войны строились высотные здания, а у нас в 70-х годах долго обсуждали проект высотного здания Ленсистемотехники архитектора А.В. Жука на улице Типанова, но так и не построили. Было

предложение строительства мощного административного и делового центра на намывных островах в заливе напротив Лахты, что нашло продолжение в современном проекте «Лахта центра». На мой взгляд – это то, что не только не испортит Санкт-Петербург, но и придаст городу новые смыслы. Мне нравится этот проект и по архитектуре, и по масштабу идеи. Этот проект не станет спорить с городским центром, но станет частью полицентрического развития. **Ч**то касается нас, мы разработали стратегию нашего холдинга и воплощаем последовательно её цели в каждом из объектов. Наиболее полно наши усилия научиться отдавать часть своей души и от этого становиться сильнее и лучше реализовываются в жилом комплексе «Князь Александр Невский». Здесь кроме обычных учреждений обслуживания мы создали небольшой, но интересный музей святого Александра Невского, православный храм, культурно-образовательный центр, не только для своих, но и для жителей соседних домов. К этому надо прибавить спортивные секции, фитнес, кафе и т. д. В целом созданы условия для развития духа и тела, и те, кто живёт в доме и в округе, могут зарядиться силой, научиться чему-то полезному и провести вместе время, а главное – поделиться знаниями, мыслями, идеями.

Сначала наши инициативы встретили непонимание людей, наши намерения казались им не совсем искренними, но мы сумели со временем убедить их, а совместные праздники, а главное, дети, которые посещают здесь кружки, набираются знаний и своими достижениями в личностном развитии очень радуют своих родителей, стали всех нас объединять и понемножку сплачивать. Цель создания культурно-образовательного центра (500 м² бесплатной аренды) – «расшевелить» людей. Они сами ведут некоторые кружки и студии, с удовольствием отдают свои знания и таланты. Удалось преодолеть равнодушие и привлечь к активному участию в работе по разным направлениям: литературная студия, где собираются поэты и читают стихи; дети участвуют в работе музея Александра Невского. Граф П.П. Шереметев, который считает себя продолжателем рода Александра Невского (архитектор по профессии - А. К.) посетил культурно-образовательный центр и музей и был потрясен, как грамотно 13-летний мальчишка провёл экскурсию. Литературная студия объединила не только местных жителей: приходят поэты и писатели даже из-за рубежа. Искусство, культура объединяют людей разных национальностей без специальных программ «развития толерантности». Всё это делается малыми финансовыми силами, но достигает цели. Потому что мы думаем и делаем так, чтобы нашему сердцу было

хорошо, чтобы люди не «толерантно» относились друг к другу - это слово я не люблю, а относились друг к другу с интересом и уважением. Это колоссальная проблема сегодняшнего общества – взаимное уважение.

Вопрос ещё и в том, чтобы истинные ценности возвращались и набирали силу. Получаются удивительные переплетения самых разных культур, возрастов, интересов: финн поёт Окуджаву, таджики организуют поездку для местных жителей на Памир, турки ходят заниматься музыкой и поэзией, пожилые и молодые вместе пишут пьесы. Для детей робототехнику преподают ребята из ИТМО, дети визжат от удовольствия, и родители через детей тоже теплеют и подтягиваются, сотрудничают, участвуют в жизни Дома. Мы преодолеваем равнодушие. Это только начало. Будет дальнейшее развитие, в этой деятельности участвует вся наша команда, это воплощение общей стратегии.

В доме 1 600 квартир, при средней численности 2,5 человека в семье получается целый город. Есть ли специальные люди, приглашённые для организации этой работы, например, социологи, психологи?

Поскольку это наша стратегия, её воплощением занимается весь наш коллектив. По необходимости мы привлекаем самые различные силы, но социологи и психологи пока в этой работе не задействованы.

Вам удалось разбудить людей, заинтересовать, иными словами, вызвать к жизни процесс саморегуляции. Мы знаем много примеров, когда формально выполненное благоустройство разрушается жителями из-за отсутствия чувства идентичности со своим окружением.

У нас тоже были поначалу примеры формального подхода, но чем дальше, тем меньше. Позитивный процесс начался,

и он развивается. Сейчас мы точно знаем, что это необходимо делать — как я уже говорил, это наша стратегия. Мы это заложили во все крупные строящиеся проекты жилья. Например, жилой комплекс «Дом с курантами» в Приморском районе не относится к числу крупных и не имеет таких возможностей, но и там будет небольшой культурнообразовательный центр, где можно занять руки и мозг. Ни спортивного, ни актового зала там не будет, но очень интересные курсы робототехники, изучение истории, языков тоже будут вести для детей. А в следующем жилом проекте — «Городе мастеров» — будет ещё более мощный культурно-образовательный центр, чем в «Александре Невском».

Очень трудно стать выше себя и научиться большей ответственности. Инициатива в нашем советском прошлом не поощрялась. Нас учили быть средними, а сейчас нам надо научиться становиться лучшими. Это очень сложно, потому что быть лучшим означает быть очень ответственным. Ещё пока мало кто готов. Чиновники боятся брать

Можно писать записки, что и где у нас не так. Это за меня сделают лучше 100 или 100 тысяч человек, а мы по чутьчуть сдвигаем ситуацию. И в архитектуре, и в пробуждении людей, и в законотворчестве. Вот, например, потребности страны в строительстве жилья составляют 2 млрд м². Нужны новые законы о государственно-частном партнёрстве (ГЧП), и не в такой редакции, какую готова пропустить Дума. Многие депутаты не считают, что жильё может быть темой ГЧП, но у нас только 30% нуждающихся способ-

крохи. Но...

но купить себе жилье. На наш взгляд государство должно строить жильё для остальных 70% и предоставлять его на условиях социального найма. А на что его построить? Надо отработать схемы, которые хорошо известны во всем мире. Международный опыт работы по схемам ГЧП нам необходим. Во всём мире отработаны технологии ГЧП, особенно они развиты в Азии, в частности, в Китае, арабских странах. Почему бы нам этому не научиться?

Вы планируете изучить этот опыт и применить здесь в работе компании?

Один-два проекта совместно с зарубежными партнёрами – и мы научимся. В Санкт-Петербурге есть реализованные по схеме ГЧП проекты – это ЗСД, новый терминал Пулково, есть примеры проектов социальной инфраструктуры. Но это крохи, В Китае их много тысяч – от очень масштабных, до маленьких.

Интересно, как это будет получаться, мы будем следить с интересом.

Мы всё вам расскажем.

Жилой комплекс «Александр Невский», пр. Обуховской обороны, 138 АБ «Ярра-проект», руководитель архитектор М.П. Копков

Граница участка проходит по реке Мурзинке, впадающей в Неву Объем 120-метрового жилого лома уместен в пространствах территории у вантового моста через Неву с мошными транспортными развязками. Пластичный южный фасад начинается со стилобата. отделяющего нижнюю нежилую часть комплекса, где сосредоточены помещения культурно-спортивнообразовательного центра и домовая церковь во имя святого Александра Невского, и создающего комфортную террасу для прогулок с детьми и общения жителей. Взрослые и лети имеют возможность посещать бассейн, занятия кружков (на фото занятия по робототехнике ведут студенты Экскурсия в музее «Великий князь Александр Невский»

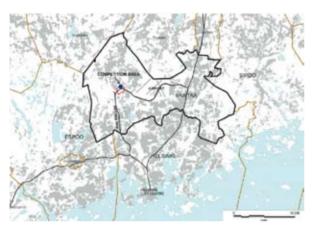
Полицентричность по-фински

Текст: Анна Катханова

русский император Александр II прибыл на поезде из Санкт-Петербурга на станцию Тиккурила, откуда в сопровождении конного эскорта проследовал в Хельсинки с однодневным официальным визитом. В июле 2015 года пассажиры, приехавшие из Санкт-Петербурга на Центральный вокзал Хельсинки, смогут пересесть на поезд новой кольцевой железнодорожной линии и через 8 минут оказаться в международном аэропорту Хельсинки – Вантаа. Или смогут доехать до станции Кивисто и на электромобиле без водителя доехать до Жилищной выставки Вантаа -2015 (Housing Fair

in Vantaa 2015).

Осенью 1863 года

Подобные проекты не новость для Финляндии (как, впрочем, и для других стран). Это своего рода пилотные проекты отработки новых для своего времени приёмов планировки и организации городской, прежде всего жилой среды, технологий и материалов. Началось движение по экологизации жилой среды в 70-е годы прошлого века, тогда же были организованы первые жилищные выставки, построен первый пассивный дом. Сейчас это ответ на вызовы изменения климата как последствие автомобилизации и производства, в том числе строительного. Вслед за осознанием ведущей роли планирования и архитектурного проектирования в уменьшении экологического следа, правительствами многих стран, в том числе Европейским Союзом, были приняты программы, направленные на координацию усилий участников на всех этапах управления, планирования и строительства. Жизненный цикл элементов искусственной среды, от производства строительных материалов до эксплуатации построенных домов и благоустройства территории, позволяет достичь устойчивого развития.

Проект кольцевой железной дороги задумывался давно, ещё в 70-е годы, но с тех пор стратегия не пересматривалась, а только последовательно дорабатывалась. В финансировании строительства участвовали бюджеты Европейского Союза, Финляндии, муниципалитетов. Финляндия опирается в территориальном планировании на Стратегию пространственного планирования ЕС. На следующем уровне разрабатывается региональный план, объединяющий территории всех муниципалитетов территории Большого Хельсинки, что нисколько не ущемляет их собственные права на управление развитием и проектирование в административных границах. Напротив, общие принципы землепользования, утверждённые парламентом

Финляндии (2012), и общее планирование инфраструктуры позволяют каждому из них использовать преимущества, создаваемые этой системой законов и территориальных планов.

В ситуации со строительством кольцевой железной доро-

ги тоже выигрывают все. Центральный вокзал в Хельсинки

становится полноправным элементом международного транспортного узла. Сюда приходят поезда из международного аэропорта, пассажиры могут тут же пересесть на автобусные маршруты автовокзала в Кампи, наверняка сюда же подтянут транспорт до паромного терминала на территории строящегося района Яткасаари. Вантаа получает новые перспективы экономического, социального, архитектурного роста. Пока это два первоочередных проекта, «нанизанных» на новую железнодорожную связь: многофункциональный район Кивисто и территория жилищной выставки. В 2007 году был объявлен международный конкурс на идею плана нового района, который позже решением городского совета был положен в основу проекта планировки городского центра. Планируемые показатели района Кивисто: 30 тыс. жителей, 25 тыс. рабочих мест, объекты коммерческие, культурные, трасса картинга, другие городские привлекательности. Транспортная доступность обеспечивается третьим кольцом скоростной автодороги, кольцевой железнодорожной линией, веломаршрутами. Основная идея заключается в объединении экологическо-

го и эстетического подхода в организации жилой среды. По замыслу городских властей и корпорации по организации жилищных выставок¹ сроки открытия железной дороги и нового «выставочного» района синхронизированы – торжественное событие произойдёт 10 июля 2015 года. Территория расположена к северу от центра Кивисто, окружена лесом, находящимся под охраной, и составляет примерно 12 гектаров. Уже почти построены 28 односемейных домов, 3 многоквартирных дома, общественные зоны общего пользования, крытый паркинг для всех жителей и одно лофт-пространство (за рамками проекта). Есть выставочное пространство и рестораны. Территорию объединяют общественные пространства пешеходного, камерного масштаба. Также создаются парки, один из них на участке бывшего песчаного карьера.

Проектом занимаются муниципальные планировщики и архитекторы, строители разнообразных строительных компаний, специалисты по дизайну, включая интерьеры. По словам одного из муниципальных планировщиков, их немногочисленный штат координирует деятельность

всех других участников процесса проектирования и строительства, включая муниципальные службы транспорта, торговли, образования, строительства, озеленения, опросы жителей, привлечение студентов к разработке фирменных элементов мощения, дизайна городской среды, конкурс детского рисунка — всё для лучшей включённости новых территорий в общую систему городских ценностей и достижения идентичности.

Используются все возможности для создания нового, лучшего и доселе небывалого. Застройка плотная. Размеры земельных участков варьируются от 450 до 1400 кв. м. Размеры домов тоже отличаются, но не так разительно: 117–279 кв. м. Строительные материалы – дерево, камень. Достопримечательность – самый большой в Европе многоквартирный дом, построенный из дерева по новым строительным технологиям. Вся территория снабжена автоматической вакуумной системой мусороудаления. Это общий подход к экологическим вопросам и экономии ресурсов.

Транспортная доступность по новой железной

дороге – 10 минут до международного аэропорта и 17 минут до центра Хельсинки.

Как известно, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Для этого нужно доехать до Хельсинки, а оттуда – по новой железной дороге до станции Кивисто.

¹ Национальная некоммерческая организация в сотрудничестве с муниципалитетами каждый год начиная с 70-х годов прошлого века осуществляет проекты «ярмарок жилья» с целью развития новых прогрессивных технологий и повышения качества условий жизни в Финляндии. Каждый год жилищные выставки посещают до 200 тыс. посетителей.

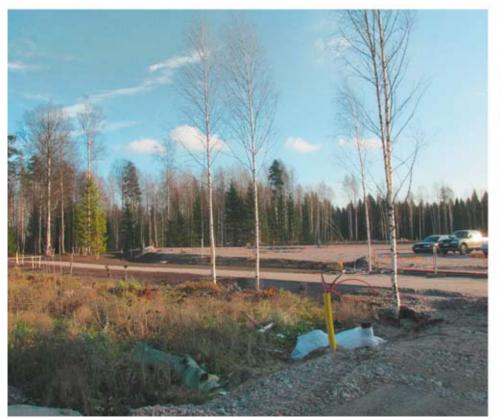

Вода для Нью-Йорка

Текст: Александр Беренс

Треть площади города Нью-Йорка приходится на воду, и вода эта морская. Даже то, что ньюйоркцы называют рекой Гудзон, на широте Нью-Йорка уже не река, а глубокий рукав нью-йоркской бухты, и течение в нём приливное. Из 12 тыс. кубометров воды, проходящей в секунду через поперечное сечение Гудзона в районе Манхэттена, на долю пресной воды приходится всего 5%. А между тем, по данным нью-йоркского департамента по защите окружающей среды, девять миллионов жителей Нью-Йорка и его окрестностей потребляют 1,2 млрд галлонов (4,54 млрд литров) питьевой воды в день. Откуда же берётся эта вода?

Вода, кругом вода, а капли нет попить... Сэмюэл Кольридж, «Сказание старого морехода»

В начале XIX века Нью-Йорк всё еще был очень грязным городом. Канализации не было, уборка мусора производилась редко и нерегулярно, помои просто выливались за порог. По улицам бродили полудикие свиньи – городские санитары... Когда нью-йоркские власти решили убрать свиней из города, а их к тому времени насчитывалось порядка тридцати тысяч, многие жители протестовали: «Кто же теперь будет подчищать отходы?» Но самой серьёзной проблемой Нью-Йорка было отсутствие чистой питьевой воды.

В Нижнем Манхэттене пресной воды практически не было. Возможно, именно по этой причине индейцы не селились в этой части острова, а разбивали свои вигвамы севернее, вокруг большого пруда, который голландцы называли Коллект.

Европейские колонисты рыли колодцы, но в них через рыхлую почву просачивалась солёная морская вода, кроме того, они загрязнялись городскими отходами. Немногочисленные ключи давали небольшое количество чистой, «чайной воды», и её продавали в тавернах. Водовозы привозили воду из Коллекта, но со временем по берегам пруда настроили бойни и кожевенные мастерские, туда сваливали все отбросы и постепенно превратили его в гигантскую помойную яму, источник заразы и смертельных эпидемий. Воду из Коллекта пришлось спустить в Гудзон, а осушенную территорию засыпать.

1832 год. В Нью-Йорке страшная эпидемия азиатской холеры. Город теряет два процента населения. Главной причиной эпидемии считается грязная питьевая вода. 1835 год. Гигантский пожар уничтожает в Нью-Йорке 674 здания. Новейшие закупленные в Англии пожарные насосы оказываются бессильны: им не хватает воды. Наступило время серьёзно задуматься о водоснабжении. Нельзя сказать, что до этого к проблеме водоснабжения городские власти относились безразлично. Уже с 1770-х годов делались попытки создания организованной доставки воды, но люди, бравшиеся за это дело, не обладали ни достаточными знаниями, ни технологией, ни мало-мальски грамотной идеей. Если добавить к этому политические интриги, растаскивание фондов, а то и просто жульничество, то станет понятно, почему дело десятилетиями не трогалось с места.

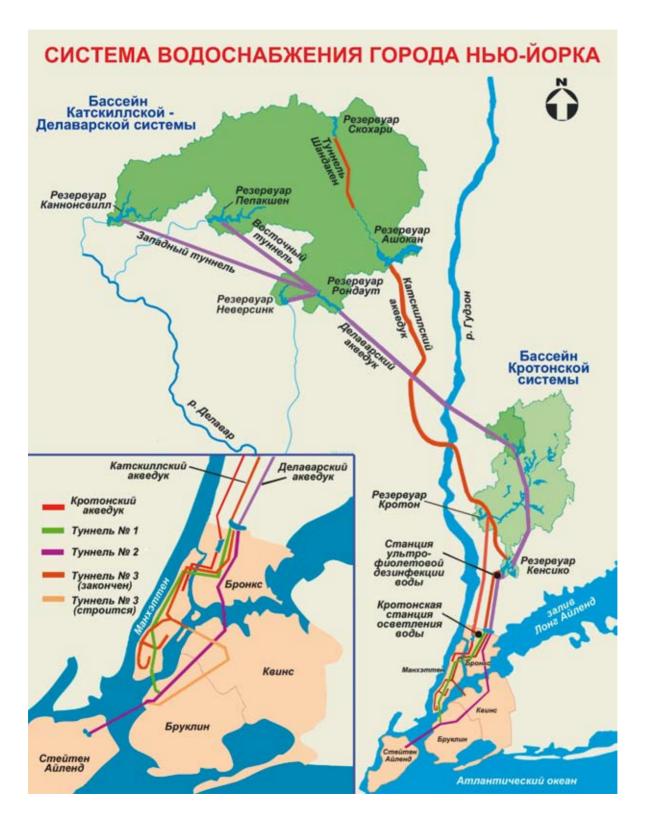
Компания «Манхэттен», созданная якобы для прокладки водопровода, потратила на строительство из отпущенных ей двух миллионов только сто тысяч, а все остальные

деньги пустила в финансовые операции и со временем превратилась в мощный «Чейз Манхэттен банк».

В конце концов отцы города поняли, что на частного предпринимателя полагаться нельзя и надо брать дело в свои руки. Пригласили профессиональных инженеров, и те занялись поисками надёжного источника водоснабжения. В близлежащих к Нью-Йорку районах пресной воды в количестве, необходимом для обеспечения быстро растущего города, не было. Постепенно поиски привели инженеров к реке Кротон, в 60 километрах севернее Нью-Йорка. Кротон – приток Гудзона, его бассейн изобилует многочисленными ручьями и озёрами. Подсчитали, что если Кротон перекрыть дамбой, то возникнет резервуар с ёмкостью, достаточной для удовлетворения потребностей Нью-Йорка. Уровень Кротона выше уровня Манхэттена, это давало возможность доставки воды самотёком, но сложность была в том, что трасса будущего водовода (его называли Акведуком) проходила по территории Аппалачского хребта – пересечённой местности с холмами, долинами и водными преградами. Автор предварительного проекта инженермайор Дэйвид Дуглас потратил больше двух лет на поиск оптимального пути. Для поддержания постоянного уклона окончательный проект предусматривал 16 туннелей длиной от 50 до 370 метров, 25 переходов через водные преграды, многокилометровые насыпи, а в них более 100 кульвертов для пропуска ручьёв и мелких речек, и четыре акведука наподобие римских там, где трасса водовода пересекала широкие и глубокие долины.

Эллиптические трубопроводы высотой в 2,6 м и шириной в 2,3 м при заполнении на две трети высоты должны были пропускать 265 млн литров воды в день, что в те времена казалось более чем достаточным для города с населением в двести тысяч. Свободный ток воды не создавал в трубах давления, между поверхностью воды и потолком всегда существовало воздушное пространство, и верхнюю часть трубы строили как простую крышу, без дополнительного усиления, укрыв сверху метровым слоем земли для защиты от морозов.

В Манхэттене проектировалось два резервуара: накопительный (на территории будущего Централ-парка) и распределительный (сейчас на этом месте стоит центральная нью-йоркская библиотека); внешне они больше напоминали средневековые крепости, чем инженерные сооружения. Серьёзным препятствием на пути водовода была река Гарлем — рукав Гудзона, отделяющий остров Манхэттен от материкового Бронкса. Река протекает среди высоких холмов, расстояние между берегами на проектном уровне водовода составляет 442 м, а от водовода до поверхности

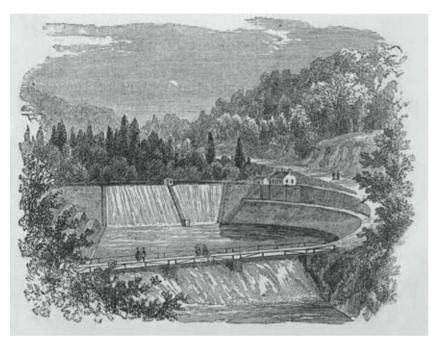

Справка

Для снабжения водой города Нью-Йорка создана абсолютно уникальная система водоводов протяжённостью свыше 450 км и система водохранилищ, в которую входят 19 искусственных резервуаров и 3 контролируемых озера, общей ёмкостью в 2,2 млрд кубометров.

Нью-Йоркская система состоит из трёх частей: Делаварской (поставляет 50% воды), Катскиллской (40%) и Кротонской (10%). Общая площадь бассейна, питающего систему, — 5 тыс. кв. км. 95% питьевой воды поступает в Ньюйорк самотёком без каких-либо перекачивающих устройств.

Первая плотина на р. Кротон

Акведук Кротон пересекает долину Клендиннинг в верхней части Манхэттена. На рисунке 1842 года показаны проезды, оставленные для 98-й, 99-й и 100-й улиц. Автор рисунка Ф.Б. Тауэр работал инженером на Акведуке и при этом был незаурядным художником. Он создал более 150 рисунков Акведука, которые хранятся в нью-йоркском городском музее

воды - в среднем 36 м.

После длительных споров вокруг нескольких проектов решили построить шестнадцатипролётный каменный мост на 50-метровых опорах и под именем High Bridge – Высокий мост, он существует и поныне.

Строительство акведука началось в 1837 году. В Америке, да и, пожалуй, во всём мире, сооружений такого масштаба ещё не существовало. Не было опыта и не было науки, поддерживающей идею возведения подобных конструкций. Все делалось интуитивно. Руководитель стройки Джон Джервис — опытный инженер, в прошлом главный инженер канала Эри — придавал огромное значение качеству

Кротонский Акведук. Кульверт для пропуска ручья

выполняемых работ. В нарушение первоначальной сметы, не считаясь с затратами, он закупал самые лучшие и дорогостоящие материалы. Одно время он даже рассматривал возможность создания двойного трубопровода, чтобы в случае ремонта избежать полного прекращения водоснабжения. Но идея была настолько дорогостоящей, что даже он от неё отказался.

Работы продолжались пять лет. Преодолев самые неожиданные препятствия (шторм разрушил дамбу, и её пришлось строить заново и искать новые способы укрепления; акведук перерезал посевы и дороги и потому вызывал недовольство местных жителей; рабочие бастовали, требуя повышения платы, и многое, многое другое), Акведук за исключением Высокого моста закончили в 1842 году. Высокий мост строился ещё шесть лет, а пока воду пропустили по временному обратному сифону, проложенному по кессонным конструкциям мостовых опор (в обратном сифоне вода движется в трубах по U-образной траектории по принципу сообщающихся сосудов, когда входное отверстие расположено выше выходного).

8 июня 1842 года Джон Джервис со своими инженерами предпринял долгую инспекционную пешеходную прогулку по всему водоводу. Ещё через две недели водовод заполнили водой на полметра, и на этот раз Джервис и три его помошника отправились в плавание по Акведуку в специально сконструированной для этой цели лодке. Через 20 часов они вышли из водовода у Гарлема, подтвердив готовность системы к эксплуатации. 27 июня были открыты заслонки, и первая вода стала заполнять накопительный резервуар. Её появление встретили салютом из 38 орудий и восторженными кликами огромной толпы народа. Официальное открытие Кротонского акведука состоялось 14 октября 1842 года.

Для Нью-Йорка появление водопровода имело огромное значение. И хотя водопровод в собственном доме

Высокий мост через р. Гарлем. В верхней части рисунка видна водонапорная башня и маленький резервуар: они служили для водоснабжения Верхнего Манхэттена, который оказался выше Кротона. Резервуара давно нет, а башня существует и используется по прямому своему назначению. Высокий мост подвергся серьёзной реконструкции: средняя надводная часть была заменена на однопролетную стальную арку

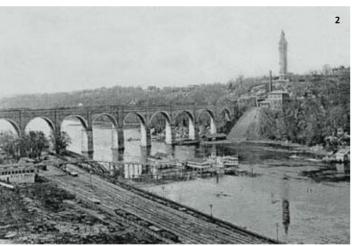

1. Кротонский акведук. Укладка труб на Высоком мосту

2. Высокий мост

3. Распределительный резервуар на углу 5-й авеню и 42-й стрит в Манхэттене. Сейчас на этом месте расположена Центральная нью-йоркская библиотека

был довольно дорогим удовольствием и далеко не все домовладельцы могли себе это позволить, многочисленные бесплатные колонки на перекрёстках давали жителям хорошую чистую воду.

Но перед городом неожиданно возникли проблемы, о которых раньше как-то не подумали. Город стал потреблять дополнительно свыше 200 тыс. кубометров воды ежедневно. По привычке использованную воду выплескивали на улицу и в сточные канавы, но очень скоро нижняя часть Манхэттена стала заболачиваться, и вода просачивалась в подвалы зданий. Срочно требовалась канализация, и в

1850 году приступили к её строительству. Так постепенно в Нью-Йорке стали появляться черты цивилизации.

Завершив Кротонский акведук, отцы города, проектировщики и строители полагали, что задача водоснабжения Нью-Йорка решена по крайней мере на ближайшее столетие. Они очень серьёзно просчитались. Нью-Йорк рос стремительно, опережая самые смелые прогнозы. К 1880 году его население перевалило за миллион, и каждый последующий год добавлял по двадцать тысяч. Но количественный рост населения составлял только часть проблемы. Катастрофически быстро увеличивалось потрепорати по в потрешения составлял только часть проблемы. Катастрофически быстро увеличивалось потрепорательно в потрешения составля по потрешения составля потрешения составля потрешения составля потрешения составля потрешения потрешения составля потрешения потрешения потрешения составля потрешения потрешения потрешения потрешения потрешения составля потрешения потрешени

Уличная колонка

CROTON WATER PROCESSION PASSING CITY HALL PARK.

The advent of water from Croton aqueduct was duly celebrated by the entire populace, October 14, 1842.

Торжественная процессия возле городского муниципалитета по поводу прихода в Нью-Йорк воды из Кротона. Место фонтана в парке сейчас отмечено черными базальтовыми плитами. На переднем плане – пожарная команда следует за пожарным насосом на телеге. Улицы: слева – Бродвей, справа – Парк Роу

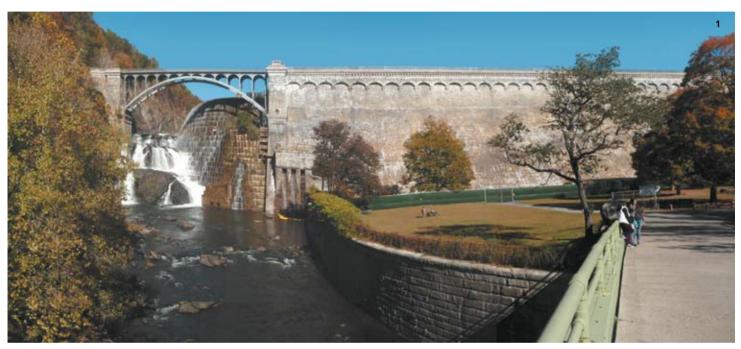
Так осуществлялась инспекция водовода

бление воды на душу населения. Предполагая бескрайние возможности Акведука, нью-йоркцы бездумно расточали воду. На площадях и в парках били фонтаны, газоны требовали поливки, в жаркую погоду в струях уличных пожарных гидрантов купались дети... Дома состоятельных людей оборудовались ваннами и душевыми кабинами. Появились стиральные машины. И наконец, родилось ещё одно чудо прогресса — ватерклозет!

Использование акведука перешло за проектный уровень. В начале 80-х город уже поглощал ежедневно 105 млн галлонов при максимальной проводимости акведука в 115 млн. Вода в трубопроводах стала всё ближе и ближе подбираться к потолку. Акведук не был рассчитан на такие нагрузки, возникла серьёзная опасность разрыва водовода.

1885 год. Начинается прокладка нового Кротонского акведука, в три раза превышающего по мощности старый Кротон. Одновременно ниже по течению реки возводится дамба высотой в 91 м и длиной в 667 м (включая водосброс), ставшая для своего времени чудом инженерного искусства. Но всё это напоминало тришкин кафтан: не успевали заделать одну прореху, как открывалась другая. Две системы выкачивали из Кротона столько воды, что весь бассейн реки уже не справлялся с такой задачей! Стало ясно, что из Кротона больше ничего не выжмешь. Требовались новые источники водоснабжения.

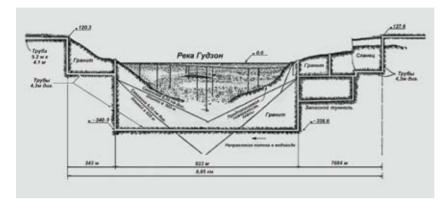

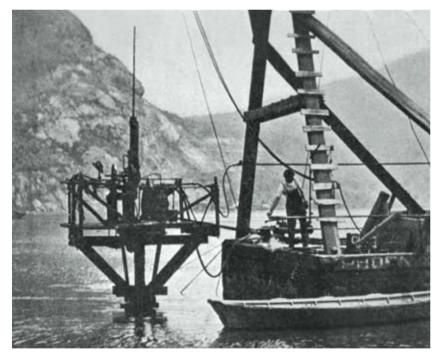

Дамба резервуара Кротон

- 1. Нижний бьеф
- 2. Верхний бьеф
- 3. Река Кротон ниже дамбы
- 4. Боковой водосброс

Катскиллский акведук. Схема обратного сифона на пересечении р. Гудзон (вид с севера на юг)

Катскиллский акведук. Буровое приспособление на Гудзоне

Из Катскиллса и Делавара

1898 год. Манхэттен объединяется со своими соседями Бруклином, Квинсом, Бронксом и Стейтен-Айлендом. Нужна водопроводная система, способная обеспечить водой мегаполис с населением свыше трех миллионов человек, чтобы ресурсы этой воды в десятки раз превосходили старый Кротон. Такими ресурсами обладали горы Катскиллс (Catskills Mountains) — огромный регион на правом берегу Гудзона.

Для доставки воды из Катскиллса в Нью-Йорк требовалось построить водовод длиной свыше 170 км – задача, не сравнимая по грандиозности со старым акведуком. Но к это-

му времени теория, технология и принципы организации строительства значительно продвинулись вперед.

В 1916 году закончили и ввели в эксплуатацию первую очередь, а ещё через десять лет Катскиллский акведук был завершён полностью.

Катскиллская система, подобно Кротонской, самотёчна. В неё входят три основных водохранилища и несколько второстепенных. Водохранилища последовательно связаны друг с другом подземными трубопроводами, проложенными либо в глубоких траншеях, засыпанных землей, либо в туннелях. 26-километровый туннель, соединяющий резервуары Скохари и Ашокан, в верхней части системы превосходил длиной знаменитый Симплонский туннель в Альпах.

Самым значительным сооружением системы стал резервуар Ашокан. Для его создания на территории в 34 кв. км были уничтожены все признаки жизни: деревья выкорчеваны, все строения без исключения разобраны и вывезены из зоны затопления, кладбища перезахоронены. С лица земли исчезло одиннадцать поселений. То, чего с нетерпением ждали в Нью-Йорке, стало огромной проблемой для местного населения.

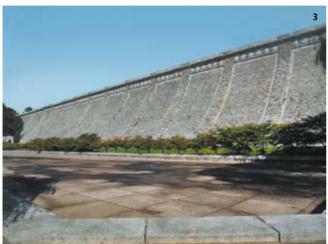
Из Ашокана вода спускается вниз и пересекает Гудзон по обратному сифону, заглублённому на 300 м ниже уровня реки; затем, на полпути к Нью-Йорку, вода попадает в промежуточный резервуар Кенсико. Необходимость промежуточного резервуара вызвана большой протяжённостью водовода. Кенсико служит двоякой цели: во-первых, это большая дополнительная накопительная ёмкость, во-вторых, резервуар подстраховывает систему на случай каких-либо проблем в верхней её части. Этой же цели служат ещё несколько небольших резервуаров.

С завершением Катскиллского акведука стало ясно, что даже такой мощной системы для Нью-Йорка скоро будет недостаточно, и уже в 1927 году приступили к разработке третьего водовода — Делаварского.

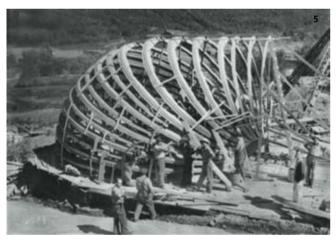
Река Делавар — самая большая река Атлантического побережья Америки — берёт своё начало в северо-западной части Катскиллских гор и протекает по четырём штатам. Водные запасы её бассейна огромны, но перспективы их использования Нью-Йорком вызвали резкое недовольство соседей. Четыре года шли тяжбы, дело дошло до Верховного суда и наконец было решено в пользу Нью-Йорка. Работы начались в 1937 году. Стройка шла долго, с большими перерывами на время Второй мировой и Корейской войн, и потому система вводилась в действие поэтапно. Полностью стройка была закончена в 1964 году.

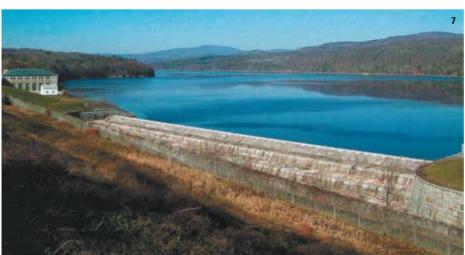

- 1. Резервуар Ашокан. Возле всех резервуаров установлены щиты с названиями селений, исчезнувших после затопления
- 2. Резервуар Скохари
- 3. Дамба резервуара Кенсико
- 4. Резервуар Неверсинк. Во всех резервуарах искусственно поддерживается рыбная популяция. Рыбная ловля разрешается с берега и с немоторных лодок. Лодки разрешается хранить на берегу
- 5, 6. Резервуар Рондаут. «Гусиная шея» (Goose Neck) — переходное колено между резервуаром и трубопроводом
- 7. Резервуар Рондаут

Станция ультрафиолетовой дезинфекции воды

Прокладка первого туннеля в Манхэттене на глубине 500 футов (150м). Проходку осуществляли сверлением и взрывами. (Фото 1914 г.)

1. Укладка водопроводных труб в городе

2. Буровая машина на проходке третьего туннеля

Делаварский акведук объединяет четыре резервуара. Три из них – Неверсинк, Пепакшен и Каннонсвилл – питают своей водой четвёртый, сборный резервуар Рондаут. Из него вода перетекает в Кенсико, где объединяется с водой из Катскиллского акведука.

Нью-йоркская система водоснабжения помимо самотёчности имеет ещё одну особенность: до недавнего времени у неё не было фильтровальных сооружений. С момента её создания считалось, что вода отстаивается в резервуарах и в систему попадает без инородных элементов, а бактерии погибают в течение долгого пути. На последнем этапе, перед входом в городские трубопроводы, вода хлорировалась. Длительное время нью-йоркская водопроводная вода вполне соответствовала общеамериканским стандартам и расценивалась специалистами как «шампанское среди питьевой воды». Но со временем ситуация изме-

нилась. Появились бактерии, устойчивые к обработке хлором. И тогда была построена станция для ультрафиолетовой дезинфекции воды. Она изменяет ДНК микробов и препятствует их размножению. Метод считается более эффективным и безопасным для здоровья, чем обычное хлорирование. Пропускная способность станции – 8,3 млн кубометров воды в день.

На пути старого Кротонского акведука было создано другое сооружение, более призванное удовлетворять «эстетические», чем санитарные требования потребителей, — станция по осветлению воды и ликвидации неприятного запаха.

Так возникла гигантская уникальная система, снабжающая водой Нью-Йорк.

По улицам и этажам

Но доставка воды к городу была только частью задачи: требовалось развести её по всем районам города. Работы начались в 1917 году.

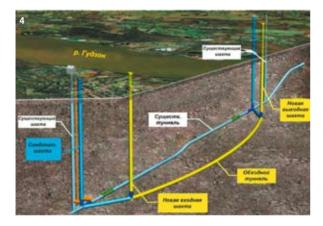
Прежде всего упразднили резервуары в Манхэттене и вместо них соорудили один распределительный на северной границе Бронкса. Из этого резервуара проложили три туннеля. Первый, самый старый, снабжает водой Манхэттен; второй — Квинс, Бруклин и Стейтен-Айленд. Создание третьего туннеля потребовалось с необходимостью капитального ремонта первых двух, и его строительство стало одним из самых грандиозных предприятий в истории Нью-Йорка. Оно началось в 1970 году и продолжается с перерывами до сего времени. Проектная длина туннеля — 52 км, он проложен на глубине 150 м. Диаметр трубы — около 4 м. В 2013 году закончена прокладка и под звуки фанфар введена в действие манхэттенская часть. Полное завершение работ намечено на 2021 год.

Итак, вода пришла в Нью-Йорк. Остался один «пустяк»: поднять её на высоту небоскрёбов.

Пока здания не превышали шести этажей, проблем с доставкой не существовало: источники воды располагались выше, и вода поднималась вверх естественным давлением. Но вот во второй половине XIX века здания начали бурно расти вверх, а маломощные городские помпы были не в состоянии создать в системе давление, способное доставить воду на такую высоту. Решение проблемы предоставили домо-владельцам, и оно оказалось простым. В подвалах зданий установили насосы, а чтобы не расходовать дорогостоящую энергию на поддержание постоянного напора, на крышах поместили накопительные цистерны, из которых вода сама растекается по этажам. Цистерны наполняются автоматически по мере опустошения. В современных зданиях они спрятаны за стенами, но в ста-

рое время хозяева не слишком заботились о внешней эстетике, и потому силуэт Нью-Йорка до сих пор украшен довольно странными сооружениями, вызывающими недоумение у непосвящённых.

Большая протечка

Ни для кого не секрет, что все (или почти все) туннели и водопроводы протекают. Только протечка протечке рознь. Жители городка Ваварсинг, лежащего чуть ниже резервуара Рондаут в верхней части Делаварской системы, начали жаловаться на избыток влаги в домах и на приусадебных участках, вода иногда даже затапливала подвалы. Причину относили к большому количеству подземных ручьёв и ключей, которыми изобилует район. Но ключи и ручьи существовали всегда, а жалобы появились относительно недавно. Дальше - хуже: количество воды увеличивалось, дома начали разрушаться и люди стали покидать эти места. После долгих бюрократических отсрочек решили наконец проверить акведук. Результаты проверки потрясли всех: система теряла до 130 тыс. кубометров воды ежедневно! Этого количества хватило бы, чтобы напоить полумиллионный город!

Теперь уже за проблему взялись серьёзно. Для определения мест протечек в туннель дважды запускали торпеду-робот, снабжённую гидролокатором для определения скорости потока и давления воды. Торпеда прошла 70-километровый участок акведука, сделала детальные фотографии трубопровода и собрала необходимую информацию.

После установления мест протечек был разработан проект обходного туннеля длиной в 4 км. Наиболее сложная часть задачи состоит в перекрытии старого туннеля на участке ремонта, его осушении и присоединении к нему нового. Требовался детальный анализ существующих конструкций: обезвоженный туннель терял внутреннее давление и мог развалиться под воздействием внешнего.

Воспользовались шахтой, вырытой ещё при прокладке акведука, и команда из шести глубоководных ныряльщиков в течение месяца работала в подземно-подводной шахте на глубине 200 м, делая замеры, расширяя проходы и подготавливая место для откачивающих помп.

Работы по прокладке обходного туннеля начались в прошлом году, их окончание намечено на 2021-й. Самые серьёзные испытания ожидают ньюйоркцев во время завершающих восьми-десяти месяцев, когда для присоединения обходного туннеля придётся полностью отключить делаварскую систему, дающую Нью-Йорку 50% питьевой воды. Сейчас город делает всё от него зависящее, чтобы приучить своих обитателей к экономному расходу воды.

- 1. Водопроводные цистерны – специфическое украшение нью-йоркских крыш
- 2. Торпеда-робот
- 3. Барокамера, в которой рабочие-полволники жили в течении месяца. Дышали гелиево-кислородной смесью. Кажлый лень спускались на 200-метровую глубину на 12-часовую смену. Спуск занимал 20 минут. Работа продолжалась 4 часа, 8 часов уходило на подготовку к подъему. За месяц работы, помимо сбора информации, рабочие подняли на поверхность 7 кубометров бетона и 11 тонн старых труб
- 4. Схема обходного туннеля

Тбилиси в постройках династии Курдиани

Текст: Ирина Бембель

Арчил Курдиани-старший

Тбилиси – город, сочетающий в себе европейские, ориентальные и собственно грузинские архитектурные черты. Эта причудливая стилевая смесь в сочетании с холмистым рельефом, извилистыми улочками и возвышающимися там и сям величественными горными вершинами придают грузинской столице неповторимое очарование. Доминантами этой пёстрой застройки являются характерные, византийской традиции храмы, такие же строгие и величавые, как окутанные сизой дымкой горы. Самый старый из них – Анчисхати (базилика Рождества Богородицы) – датируется VI веком! А самый новый построен уже в 2000-е и также верен национальной традиции.

Но не меньшее, а может быть, и большее впечатление производят сами жители Тбилиси — в первую очередь своим неподражаемым грузинским гостеприимством. Об этой национальной черте слагаются легенды, но здесь, в Тбилиси, сказка становится явью. Здесь гость воспринимается как посланец небес.

Лично мне город Тбилиси открылся главным образом благодаря знакомству с архитектором Арчилом Курдиани – как оказалось, представителем известной профессиональной династии. Путешествуя с Арчилом по грузинским улицам, я то и дело слышала: этот дом построил мой дед (бабушка, отец); эту дорогу проложил мой прадед... Деятельность династии охватывает больше века, она стала неотъемлемой частью облика Тбилиси.

Благородный род Курдиани происходит из Сванетии. Многочисленные семейные предания включают рассказ о прекрасной пленнице, сестре прапрадеда Арчила, угнанной три века назад в персидское рабство и ставшей законной женой персидского шаха. Сыновья шаха стали

мусульманами, а дочери – православными христианками, как их мать и большая часть грузин.

Начало собственно архитектурной династии положил прадед Арчила, Гиго Курдиани (1873–1957). Он был главным инженером-зодчим Тифлисской городской думы, строил жилые дома и общественные здания, занимался городским планированием, составлял проекты дорог. Будучи человеком богатым, Гиго на собственные средства проводил водопровод в грузинские сёла. Эта щедрая благотворительность однажды спасла ему жизнь: как-то в лесу на архитектора напали грабители, и Гиго Курдиани грозила смерть. И вдруг один из бандитов узнал в нём человека, подарившего его селу воду. В результате Гиго не только избежал гибели, но и получил «охранную грамоту» от главаря шайки – большого криминального авторитета Грузии тех лет...

Дед и бабушка Арчила трудились в сталинские годы, создавая «национальные по форме и социалистические по содержанию» монументальные постройки. Кетевана Курдиани (1905–1988) стала первой женщиной-архитектором в Грузии. Как и её супруг, Арчил Курдиани-старший (1903–1988), она окончила архитектурный факультет Тбилисского технического университета. Миниатюрная зеленоглазая красавица обладала сильным и независимым характером. Когда арестовали брата её мужа, Кетевана не побоялась пойти в соответствующие тбилисские органы и заявить о необоснованности такого решения. Вопреки обычной практике тех лет, арестанта вскоре освободили...

Арчил Курдиани-старший — автор музея Сталина в Гори, павильона Грузии на ВДНХ в Москве, тбилисского телецентра, монументального моста Дидубе через Куру в Тбилиси и множества жилых домов (в том числе в соавторстве со своей женой Кетевани), украшающих грузинскую столицу.

Отец моего гида, Гия Курдиани (1932-2014), в течение

Жилой дом по улице Н. Бараташвили в Тбилиси. Арчил Курдиани (старший). 1940–1941

Кетевана Курдиани

многих лет трудился над созданием правительственных резиденций в Тбилиси и Крцаниси, а также жилых домов в разных городах Грузии. На всём протяжении творческого пути, включавшего разные политические и стилевые периоды, Гии Курдиани было свойственно стремление к выявлению национальной самобытности в архитектуре.

Стадион «Динамо»

Отдельная большая глава в летописи династии – тбилисский стадион «Динамо». Он был построен в 1936 году Арчилом Курдиани-старшим и рассчитан на 23 000 зрителей.

- **В** 1956 году под его же авторством была произведена реконструкция стадиона. В частности, были добавлены металлические конструкции, что дало возможность повысить количество зрительских мест до 36 000.
- В 1976 году в торжественной обстановке открылся вновь реконструированный стадион «Динамо». Авторы архитектор Арчил Курдиани-старший, его сын и главный архитектор проекта Гия Курдиани и конструктор Шалва Газашвили довели количество зрительских мест до 75 000. Было создано по сути новое сооружение, при частичном сохранении прежней конструкции.

- 1. Проект жилого дома для генералитета по пр. Шота Руставели в Тбилиси. Арчил Курдиани-старший, Кетевана Курдиани. 1951
- 2. Музей И.В. Сталина в г. Гори. Арчил Курдианистарший. 1947
- 3. Жилой дом по улице Вахушти в Тбилиси. Кетевана Курдиани. 1940–1941
- 4. Жилой дом работников науки по пр. Пекина в Тбилиси. Кетевана Курдиани. 1951
- 5. Жилой дом работников водного хозяйства по пр. Чавчавадзе в Тбилиси. Кетевана Курдиани. 1951
- 6. Дидубийский мост через реку Кура в Тбилиси. Арчил Курдиани-старший. 1947
- 7. Жилой дом по пр. Руставели в Тбилиси. Арчил Курдиани-старший, Кетевана Курдиани. 1938–1941

Гиа (Георгий) Курдианистарший

Крцанисская правительственная резиденция в Тбилиси; гостевой дом № 1. Гиа Курдиани-старший. 1941–1961–1998

Крцанисская правительственная резиденция в Тбилиси; гостевой дом № 3. Гиа Курдиани-старший. 1984

В апреле 2006 года руководством Грузии было принято решение реконструировать обветшавший национальный стадион в соответствии с требованиями УЕФА. Работы должны были быть окончены менее чем за 4 месяца, к намеченному международному матчу – задача, неслыханная по объёмам и срокам! Студия «Династия» Гии и Арчила Курдиани-младщего (моего гостеприимного собеседника) с честью выполнила эту сложнейшую работу. В частности, были улучшены условия работы представителей прессы: построены комментаторские кабины, конференц-зал, рабочие комнаты, буфет, санузел и т. д. Помимо президентской и правительственных лож, были созданы 52 VIP-ложи, бизнес-кафе, места для инвалидов и т. д. Количество зрительских мест составило 55 000, и сегодня стадион «Динамо» отвечает всем международным требованиям.

Проспект Руставели

Проспект Руставели – главная улица Тбилиси. Она была проложена при Михаиле Семёновиче Воронцове, царском наместнике на Кавказе с 1844 по 1854 год, и до 1918 года называлась Русской дорогой и Головинским проспектом. При Михаиле Воронцове Тбилиси значительно европеизировался. На новом проспекте были построены первые театры, открыта публичная библиотека, гимназия, сооружены Александро-Невский военный собор (архитектор В.П. Герасимов, 1897), храм Св. Георгия – Кашуэти (архитектор Бильфельд, 1910) и другие важные столичные учреждения. Здесь же располагался дворец наместника²: первоначальное здание нач. XIX в. было реконструировано в 1865–1868 гг. по проекту архитектора О. Симонсона. В застройке будущего проспекта Руставели принимали участие многие русские и европейские архитекторы, что предопределило его стилевое разнообразие и неповторимый колорит.

В советское время проспект Руставели продолжал интенсивно застраиваться: возник Национальный музей Грузии (Н.Северов, 1929), институт Маркса — Энгельса — Ленина (А.В. Щусев, 1938); на месте снесённого собора был воздвигнут монументальный Дом правительства (В.Д. Кокорин, Г.И. Лежава, 1938—1953). Одно из украшений проспекта — нарядный неоклассический дом, построенный по проекту Арчила Курдиани-старшего перед самой войной.

В 1992 году проспект Руставели стал ареной вооружённого противостояния правительства Звиада Гамсахурдиа и оппозиции. Многие здания тогда серьёзно пострадали. **И**менно на месте лакуны 1992 года, возникшей на месте бывшей гостиницы «Ориант» (известной как Дом художника), сегодня реализуется один из последних проектов династии Курдиани – музейно-выставочный комплекс современного искусства. Комплекс, спроектированный Арчилом Курдиани-младшим и его сыном Георгием, включает музей с постоянной экспозицией, выходящий главным фасадом на проспект Руставели, и ещё два здания в глубине участка: апартамент-отель и Артхаус – клуб для представителей творческих профессий с ресторанами, барами и фитнесом. На крыше расположена открытая, но при необходимости закрывающаяся терраса с бассейном и баром. Главное здание выдержано в исторической стилистике, с использованием ориентальных мотивов. По принципу историзма декорирован и перпендикулярный ему апарт-отель, смотрящий на храм Св. Георгия, однако этому зданию придан более выраженный грузинский облик с характерными для Тбилиси балконами и арочными окнами. Наконец, Арт-

хаус, наиболее удалённый от видовых панорам, решён на

Стадион «Динамо» в Тбилиси. Арчил Курдианистарший.1936

контрасте, с использованием стилистики деконструктивизма.

Самый молодой представитель династии — Георгий Курдиани, соавтор своего отца в ряде проектов. Талантливый юноша стал обладателем Гран-при нескольких международных конкурсов в номинации лучший студенческий проект, а также соавтором первого павильона Княжества Лихтенштейн на Всемирной архитектурной биеннале в Венеции 2014 года.

Итак, династия Курдиани продолжает свою творческую миссию, пожелаем ей успеха! Хочется также, чтобы культурные связи между Россией и Грузией не ослабевали.

Стадион «Динамо» в Тбилиси. Арчил Курдианистарший, Гиа Курдианистарший. 1976

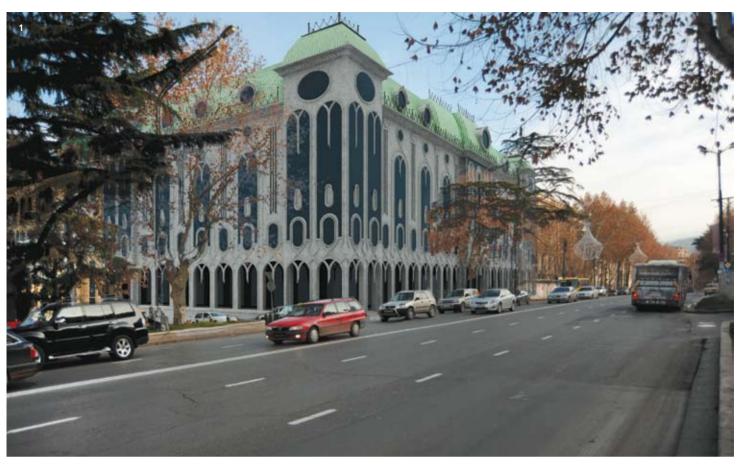
¹ Разрушен по приказу Берии в 1930-е годы.

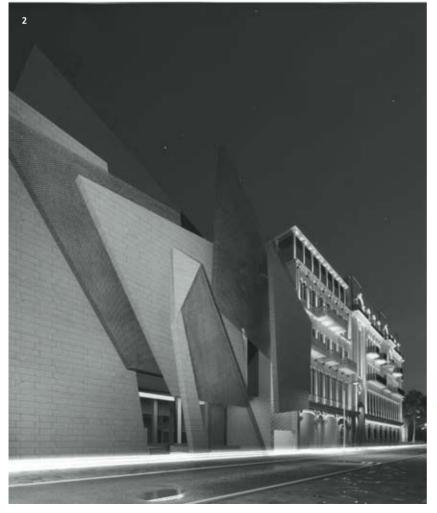
 $^{^{2}}$ Ныне Дворец молодёжи.

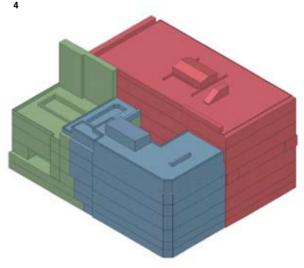
На стройке. Арчил Курдиани-младший и его сын Георгий — авторы музея современного изобразительного искусства Грузии

- 1-4. Многофункциональный музейный комплекс по пр. Руставели в Тбилиси. Арчил Курдиани-младший, Георгий Курдиани-младший. 2012–2015
- 1. Музей современного искусства. Вид с пр. Руставели
- 2. Артхаус клуб для работников искусства и апартамент-отель
- 3. Апартамент-отель
- 4. Схема композиции комплекса

Непринятые смыслы

Рецензия на книгу: Г.И. Ревзин. Русская архитектура рубежа XX-XXI вв. – М.: Новое издательство, 2013. – 532 с., илл.

Текст: Ирина Бембель

Когда впервые видишь этот огромный фолиант, не сразу понимаешь, что речь в нём идёт о живых и здравствующих героях, кажется, что это солидная, седая история. Но Григорий Ревзин решился на очень смелый исследовательский поступок: дал развёрнутую картину нашей сегодняшней архитектуры (в основном на материале Москвы). Подобным образом в своё время поступил Александр Бенуа, включив в историю русского искусства своих современников. И хотя Ревзин пишет лишь о последних двух десятилетиях – это формат подведения итога, летописи, истории.

О современной архитектуре вообще-то не многие хотят писать, даже в коротком статейном жанре, а те, кто пишет, — в основном рассуждают о форме. А здесь — развёрнутый исторический фон (книга начинается с эпопеи воссоздания храма Христа Спасителя), политические механизмы, полукриминальная подоплёка и главные действующие лица во весь рост.

Впрочем, жанр книги совсем не академический, а скорее публицистический: это статьи и интервью автора разного времени, с его же свежими комментариями с высоты пройденных лет. Таким образом, картина получается живой, диалектичной (Ревзин поздний нередко опровергает Ревзина раннего), а сюжеты предстают в развитии.

Блестящее ревзинское перо достойно Диккенса и Гоголя, и, наблюдая со стороны за стонущим от смеха и утирающим слёзы читателем новой книги, сложно догадаться, что речь в ней идёт об архитектуре. Безусловно, лучший способ уничтожить идейного противника — высмеять его, и Ревзину это удаётся неподражаемо. Кто же этот идейный противник?

Героев в книге много, и они подразделяются на категории. Первая из них — творцы «лужковской» архитектуры и её заказчики. Наиболее знаковыми фигурами здесь

предстают от творческого цеха Зураб Церетели и Михаил Посохин-младший.

Вторая категория — архитектура, оппозиционная «лужковской», которая, в свою очередь, делится ещё на несколько подгрупп: джентльмены и художники (по-разному мотивированные апологеты модернизма), а также чудаки (талантливые маргиналы, тяготеющие к постмодернизму). Здесь испепеляющий авторский сарказм переходит в мягкую и грустную иронию: это тоже идейные противники, но достойные уважения и изучения.

Далее Ревзин пишет о приглашённых иностранных звёздах, фатально не прижившихся на нашей российской почве. Особое украшение этой главы — «детективные» истории о громких международных конкурсах в Москве и Санкт-Петербурге.

Затем следуют «бумажники» как не реализовавшаяся или почти не реализовавшаяся отечественная потенция. Суммарный итог двадцати лет, подводимый Ревзиным, неутешителен: «Люди не приняли те смыслы, которые выразили мои 20 героев». Но книга на этом не заканчивается. Напротив, она построена по принципу: холодно – теплее – ещё теплее – тепло – горячо! После признания общего поражения постсоветской архитектуры следуют два приложения. Первое называется «Исключение» и соответствует позиции «тепло»: она посвящена Михаилу Белову, в полной мере реализовавшемуся как бумажник и лишь отчасти как практик. Глава со множеством парадоксальных исторических «если бы».

Второе приложение имеет говорящее название «Пророк» и посвящено Михаилу Филиппову. Описывая всю неприглядность нашей российской архитектурной яви, желчный скептик Ревзин всё же даёт конкретную альтернативу: для него это даже не неоклассика как таковая, а конкретно путь Михаила Филиппова.

Автор подчёркивает: в творчестве Филиппова мы сталкиваемся не просто с ордерной эстетикой, а с поисками закономерностей, рождающих гармоничный город. Ревзин раскрывает сложную семантику филипповской ордерной системы как реконструкцию невоплотившихся смыслов. Как можно догадаться, это не градостроительная программа в обычном смысле, а, скорее, эстетическая альтернатива — концептуальная реконструкция города в том виде, в каком бы он развивался в благоприятных условиях, «искусство, пытающееся понять, как же это могло бы быть». Каков же этот правильный путь, который теоретически мог бы обеспечить городу гармоничное развитие? Ответ на этот вопрос Михаил Филиппов дал ещё в 1984 году в пояснительной записке к своему проекту, победившему

в конкурсе «Стиль 2001 года»: «Отказ от индустриальной цивилизации – основа для формирования стиля будущего». Тезис из области даже не научной, а «антинаучной» фантастики. Впрочем, сегодня, в условиях экологического и культурного кризиса, а также прочих глобальных угроз, он выглядит вовсе не так мракобесно, как 100 лет назад. Собственно, все проблемы модернистской среды обитания – это реализация идеи прогресса, индустриальной цивилизации. Иное дело – где найти альтернативную архитектурную истину?

Филиппов предлагает «отмотать» время назад и пойти другим путём, как в компьютерной игре, создав фрагменты альтернативной архитектурной реальности. Не как единовременные воплощения, а как воссоздание их неслучившегося развития, с имитацией элементов хаоса и исторических наслоений. Даже если не знать об идейной подоснове – характерный для Филиппова элемент руинированности, безусловно, помогает мягкому вживанию его неоклассики в современную среду, предотвращает впечатление свежей новодельной фальшивки.

А вообще концепция эта, скорее, романтическипостмодернистская, хотя Ревзин называет её авангардной. Так или иначе, по подходу она современная, а не классическая. Современная по способу мышления человека, существующего в противоестественных условиях. Отсюда несвойственная классике диалектическая усложнённость смыслов и напряжённые компромиссы между «идеальным» и сиюминутно-конкретным.

Если убрать из классики её сакральную «платоновскую» сущность как отражение метафизического совершенства и оставить ордер-порядок - получается «архитектура Чаушеску», о которой упоминает Ревзин. Если убрать сакральное и оставить «красоту» – возникает «лужковский стиль», в лучшем случае – добротная историческая стилизация. Сложные архитектурные рефлексии Филиппова – это поиск альтернативного пути. С одной стороны, они пронизаны стремлением к этой идеальной сущности – Ревзин не случайно констатирует связь архитектуры Филиппова с его христианским мировоззрением. С другой стороны, на идеальное, вневременное он сознательно накладывает концептуальные черты времени. Но тоже через классический язык. В его понимании, классика – это та самая красота, которая зримо выражает истину. В этом смысле с заглавием «Пророк» можно согласиться очень условно ведь ясно, что путь Филиппова абсолютно индивидуален и не может быть «направлением» по определению. Кроме того, привязка к классическому языку, в том числе для выражения современных смыслов, обрекает архитектуру

на неизбежную, «вечную» вторичность. По идее, об истине можно говорить на разных языках и наречиях: важен предмет. Если угодно — в данном случае важно именно не КАК, а ЧТО. Ориентируясь на «платоновское абсолютное», архитектура могла бы наконец взглянуть не назад (классицизм, историзм) и не вперёд (авангард, модернизм), а, условно говоря, вверх; обратиться от формы к смыслу. Как, собственно, в те времена, когда и родилась античная классика. Теоретически это могло бы сформировать полноценную современную архитектуру, альтернативную модернизму. Впрочем, ориентация на опосредованный, отражённый смысл, по Филиппову и Ревзину, лучше, чем на бессмысленность идеологии прогресса, и в этом с ними трудно не согласиться.

При этом мне не вполне понятно, чего больше в построениях Ревзина – позиции Филиппова или его собственной авторской интерпретации?

По ходу чтения возникает множество контраргументов, и в целом в своих «позитивных» тезисах Ревзин, на мой взгляд, менее убедителен, чем в «негативных». Что, впрочем, неудивительно: продолжая ассоциации с Гоголем, можно вспомнить историю второго тома «Мёртвых душ»: критиковать, вскрывать, разоблачать — словом, идти от противного «и даже очень противного» легче, чем указать верный путь.

В книге встречаются опечатки, есть и досадная ошибка: в иллюстрациях конкурса на «Газпром-сити» проект Жана Нувеля подписан именем Ричарда Роджерса.

Тем не менее уровень исследования без преувеличения феноменален и возвышается подобно горной вершине на современном архитектуроведческом поле. Блестящий язык — альтернатива узкому научному бюрократизму и водянистому публицистическому словоблудию, широта эрудиции и синтетический подход — всё это воскрешает в памяти тексты Серебряного века, с той, правда, разницей, что в последних было меньше скепсиса.

Заслуживает осмысления и то, что роскошно изданная книга лучшего российского критика осталась в архитекторской среде почти незамеченной – во всяком случае в Петербурге. Виной ли тому московский материал, или общий избыток информации мешает разглядеть зёрна в море плевел? Или же сам уровень дискурса оказался недоступым для «рядового» архитектурного читателя? Быть может, отчасти виноват выбранный формат – громоздкий и дорогой фолиант располагает скорее к перелистыванию картинок, чем к восприятию интеллектуального текста.

С другой стороны, большинство героев книги вряд ли заинтересованы в её популяризации. А поиск истины в парадигме линейного прогресса вообще не актуален...

Петербург как явление

Рецензия на книгу: С.П. Заварихин. Явление Санктъ-Питеръ-Бурха. – СПб: ООО «Студия «НП-Принт», 2014. – 228 с., илл.

Текст: Павел Чарушин

О Петербурге известно, кажется, всё — от дня основания до перипетий его дальнейшей судьбы. Подробно изучена история каждой улицы и почти каждого дома в историческом центре, известны биографии множества людей, причастных к трёхсотлетней жизни города, к различным периодам и этапам его изменчивого, но такого узнаваемого портрета. И всё же вновь и вновь современные исследователи обращаются к феномену Петербурга, пытаясь разгадать тайну неуловимой притягательности бывшей столицы империи, так вольготно раскинувшейся по обе стороны медлительной Невы. Очередной такой попыткой стала книга профессора С. Заварихина, посвящённая Петербургу Петровской эпохи.

Характер города, как и характер человека, закладывается в детстве. Тем более это справедливо в отношении Санкт-Петербурга, рождённого волей и прозорливостью гениального царя-реформатора. Но именно это обстоятельство породило множество мифов о том, что Пётр Великий единолично и единовременно твёрдой рукой предопределил структуру и все линии судьбы города. Книга «Явление Санктъ-Питеръ-Бурха» в определённой мере развенчивает эти мифы, показывая, как царь метался, менял свои решения в поисках лучшего места для центра города, для его основных зон. «Умышленный» город рождался в муках, но результат двух десятилетий труднейшего непрерывного строительства поразил даже много видевших иностранцев.

Чудо рождения великого города невозможно описать протокольным языком фактов. Здесь нужен особый синтетический стиль изложения, в котором поэтически проникновенный рассказ неразлучен со строгой исторической достоверностью. Именно такая стилистическая тональность характерна для всей книги Заварихина, начиная с первой главы, где перед читателем оживают знакомые городские символы: «Чугунный лев крепко прижал лапой тяжёлый шар к постаменту, да так и застыл... Тёмные волны под ним ритмично бьются о гранит. Одни - в безумном азарте радостно вспыхивают фонтаном брызг, другие меланхолично заползают на широкие каменные ступени спуска и затем медленно скатываются в Неву... Кажется, так было всегда, вечно, и стоя здесь, у Адмиралтейского спуска, люди всегда видели эти бесконечные цветные панорамы, эти монументальные, но изящные монолиты зданий. Их красота кажется нерукотворной. Разве маленькому смертному человеку под силу сотворить такое? Но берет слово История, и гигантские картины перед глазами начинают подёргиваться туманом, а на их месте проступают пейзажи далёкого прошлого». Погружение читателя в историю автор всегда осуществляет издалека, из предыстории, прослеживая основные

«сюжетные линии» исторических интриг и условий. Самая крупная предыстория касается, конечно же, обширной территории будущего города, её геополитическому генезису с глубиной проникновения до четырёх тысяч лет, то есть до внезапного рождения короткой, но коварной Невы. Здесь же отыскиваются топографические «обстоятельства», во многом определившие принципиальную структуру будущего города, становление которой с историческими подробностями прослеживается в последующих четырёх главах, выстроенных в соответствии с той же топографией – «Остров Берёзовый», «На Заячьем острове», «А в это время на Васильевском...», «На Ингерманландской стороне».

Несмотря на большое количество исторической информации, все главы имеют не краеведческий, а именно архитектурный (точнее даже архитектурноградостроительный) характер, так как главный нерв повествования кроется в выявлении логики формирования структурных первооснов города и роли в этом процессе топографических, стихийно-исторических (вплоть до случайных) и созидательно-волевых факторов. При этом очень выигрышно проявлено естественное и плодотворное «противостояние» островной и материковой частей города. Наглядно показано, как исходная топографическая уникальность «материка» (наличие дуговых протоков) предопределила планировочную и функциональную специфику этих районов.

Чрезвычайно важна небольшая заключительная главка, очень точно названная «Накануне смены декораций».
Её итоговый характер предопределил и символистскую концентрированность изложения. Конечно, был
особо выделен «небесный» диалог двух главных шпилей – Адмиралтейского и Петропавловского, который
«стал главным аккордом архитектурной симфонии самого
необычного в мире городского центра, широко раскинувшегося по берегам и островам полноводной реки.
Эта особенность Петербурга резко выделяет его из круга

европейских городов, первоначально представлявших собой, как правило, средневековые крепости, тесные, до предела уплотнённые временем, с замкнутыми и миниатюрными (по российским меркам) пространствами центральных площадей. Петропавловская крепость никогда не ограничивала рост Петербурга, а почти с самого начала была его символом».

Не менее ёмко символистское содержание заключительных слов главы: «8 марта 1725 года тело первого российского императора Петра I по льду Невы перенесли из Зимнего дворца в недостроенный Петропавловский собор. Эта медленная процессия, столь не соответствовавшая порывистой и стремительной натуре великого преобразователя, словно подводила черту под краткой, как вспышка, эпохой реформ. Впереди страну ждала остановка и даже откат назад перед новой волной реформ, уже екатерининских <...> Петровская эпоха закончилась. Историческая сцена готовилась к смене декораций. К выходу на сцену готовился и её новый главный архитектор Франческо Бартоломео Растрелли».

Что можно сказать в заключение? Рецензия получилась сугубо положительной, что неудивительно при таком качестве текста, таком элегантном дизайне и таком иллюстративном материале - графическом и фотофиксационном. Но неужели книга вообще лишена недостатков? Вряд ли. Такого не бывает. Строгий читатель может указать, например, на отсутствие привычного аксессуара - списка литературы в конце книги. Вероятно, это действительно упущение. Но с другой стороны, автор, возможно, не ставил главной своей задачей изложение фактического материала со ссылками на каждый исторический факт, а попытался проникнуть в такую сокровенную, почти иррациональную сферу, которую замечательный историк-краевед 1920-х годов Николай Анциферов назвал, как и одну из своих книг, - «Душа Петербурга».

Сказки братьев Гофманов

Текст: Ирина Бембель

Братья Гофманы, архитекторы и скульпторы, родились в Париже, в семье русского музыковеда Ростислава Модестовича Гофмана (1915–1975), оказавшегося во Франции вместе с родителями в восьмилетнем возрасте, в 1923 году.

Одно из ярких впечатлений детства, определившее дальнейший путь Андрея и Владимира, – коллекция рисунков старых мастеров, хранившаяся в квартире их дедушки, Модеста Гофмана, известного литературного критика, пушкиноведа, коллекционера.

Первые уроки рисунка и живописи братья получили у Юрия Павловича Анненкова, одного из ведущих художников русской эмиграции в Париже.

Позже Андрей и Владимир посещали знаменитую парижскую Академию де ла Гранд Шомьер (Grande Chaumiére). Затем окончили архитектурный факультет Национальной высшей школы изящных искусств (Ecole des Beaux-arts). В дальнейшем много лет работали в парижском департаменте по делам архитектуры и строительства. Но, как говорит Владимир, архитектура оставалась для них скорее средством заработка, а творчеством для души стала скульптура. Одним из сильных побуждающих импульсов в обращении братьев Гофманов к скульптуре стало посещение мастерской Осипа Цадкина.

С середины 1970-х годов братья ведут выставочную деятельность во Франции и за рубежом. С 2001 года проводят выставки своих работ в России: в 2007-м состоялась выставка в Музее Ахматовой, в 2010-м – в Доме Бурганова (Москва) и в Константиновском дворце (Стрельна). В октябре прошлого года выставка братьев Гофманов прошла в Петербурге, в галерее «Мольберт».

В 1982 году Владимир Гофман был награждён Серебряной медалью, а в 1983-м оба брата, Андрей и Владимир, были награждены Золотой медалью города Парижа (Medaille de Vermeil).

Несколько монументов Андрея Гофмана украшают Париж и его окрестности.

Братья Гофманы являются авторами монографии о балете («Le Ballet», 1986), а также каталога выставки художников русского зарубежья Les artistes russes hors frontiere, организованной при их непосредственном участии в Музее Монпарнаса в 2010 году.

В настоящее время Андрей и Владимир заканчивают написание монографии на русском языке о Юрии Павловиче Анненкове.

Братья близки в жизни и в творчестве. Их скульптурные работы — это раздумья о жизненном пути человека с его вечными темами мужчины и женщины, одиночества, внутреннего поиска и стремления к Богу.

КЛПИТЕЛЬ

архитектура строительство реставрация дизайн

для информирования о событиях, происходящих в вашей компании

для продвижения компании и проектов в профессиональной

- интегрированная читательская аудитория
- доступ к аудитории, принимающей решения
- позиционирование компании на профессиональном рынке
- продолжительный срок действия рекламы
- положительный имидж издания в профессиональном сообществе

Подписка

для развития компетенции архитекторов, строителей, дизайнеров, производителей

Спонсорство

для продвижения компании на уровне лучшего российского опыта

На обложке: Административное здание со встроенной автостоянкой. Санкт-Петербург, наб. реки Фонтанка, рядом с Климовым переулком. Генеральный проектировщик ООО Архстудия Авторы проекта: Г.Б. Соколов, М.А. Мамошин, А.В. Панин

петербургский журнал для профессионалов

Учредитель

Геннадий Соколов

Издатель

Издательство Капитель

Директор издательства

Андрей Черенков kapitel@arhstudia.ru

Главный редактор

Ирина Бембель ibembel@yandex.ru

Редактор

Анна Катханова akatkh@mail.ru

Руководитель отдела распространения

Владимир Ломакин lomakin@arhstudia.ru

Главный художник

Геннадий Вельте velte@list.ru

Дизайнер

Ольга Осис

Адрес редакции

195269, г. Санкт-Петербург, пр. Луначарского, 86/3 Тел. (812) 497-59-09 kapitel@arhstudia.ru www.kapitel-spb.ru

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия (Регистрационный номер ПИ № ФС77-27509 от 09 марта 2007 г.) Тираж 3000 экз. Цена свободная Типография «Акцент-Принт», Беловодский пер., д. 7 Заказ № Подписан в печать 3 февраля 2014 года Мнения авторов статей могут отличаться от мнения редакции. Редакция не несет ответственности за содержание рекламных материалов. Все рекламируемые товары и услуги имеют необходимые лицензии и сертификаты Рекламные материалы помечены значком 🗆 Полное или частичное воспроизведение материалов

допускается с письменного разрешения редакции журнала

Распространение

Редакционная подписка для частных и юридических лиц Курьерская доставка в Санкт-Петербурге:

- архитектурные мастерские
- проектные, архитектурные и проектно-реставрационные
- проектные институты
- строительные
- и инвестиционные компании
- компании производители и поставщики материалов и оборудования
- архитектурные, художественные и строительные учебные заведе-
- интерьерные и дизайн-студии
- архитектурные

и строительные комитеты органов исполнительной власти Городские библиотеки Специализированные архитектурные и строительные выставки и форумы Розничная продажа в книжных магазинах и киосках Санкт-Петербурга

Крупные архитектурные и проектные компании Москвы Дома архитекторов областных центров России